

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Замок Дор
Прощай,
МОЛОДОСТЬ

PREMIUM

Азбука Premium

Дафна Дюморье

**Замок Дор. Прощай,
молодость (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1961, 1932

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дюморье Д.

Замок Дор. Прощай, молодость (сборник) / Д. Дюморье —
«Азбука-Аттикус», 1961, 1932 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-14215-2

«Замок Дор» (1961) – это книга о любви и смерти, волшебная сказка, в которой нашла отражение древняя легенда о Тристане и Изольде. В основу произведения легла незаконченная повесть (написанная «где-то до середины») сэра Артура Квиллер-Кауча, рукопись которой была обнаружена его дочерью спустя годы после смерти писателя и передана Дафне Дюморье с просьбой ее завершить. Дюморье выполнила эту просьбу столь мастерски, что невозможно догадаться, с какого места она начала. Действие в романе разворачивается в начале 1840-х годов, но сквозь события настоящего проступает прошлое, и загадочная сила направляет героев по тому же трагическому пути, которым прошла влюбленная пара, что жила и умерла много веков назад... «Прощай, молодость» (1932) – один из первых романов Дюморье. В этой грустной истории рассказывается о расставании с прекрасными мечтами и заблуждениями юности. Читатель шаг за шагом вслед за автором следует по пути «взросления» героя, который на заре своей молодости грезил о славе, о любви, «о приключениях, о море, о зове чужих стран»...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14215-2

© Дюморье Д., 1961, 1932
© Азбука-Аттикус, 1961, 1932

Содержание

Замок Дор	7
Предисловие	8
Книга первая	10
Пролог	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	45
Книга вторая	51
Глава 11	51
Глава 12	54
Глава 13	56
Глава 14	60
Глава 15	65
Глава 16	68
Глава 17	72
Глава 18	77
Глава 19	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дафна Дюморье Замок Дор Прощай, молодость

Daphne du Maurier

CASTLE DOR

Copyright © Daphne du Maurier, 1961

I'LL NEVER BE YOUNG AGAIN

Copyright © Daphne du Maurier, 1932

All rights reserved

Серия «Азбука Premium»

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
LLC

© Е. З. Фрадкина, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Замок Дор

Предисловие

Для меня «Замок Дор» – двойное открытие. Это не только роман, написанный, точнее, частично написанный Дафной Дюморье, который я прежде не читала, но еще и роман, начатый и доведенный до половины героем моей юности, писателем и критиком сэром Артуром Квиллер-Каучем. Когда в сороковые годы я училась в школе, «К» (так обычно называли этого великого человека) вдохновлял меня на чтение – и, надеюсь, на понимание – лучших произведений английской литературы. У меня все еще хранятся его великолепные литературоведческие очерки – три старых томика с пожелтевшими страницами, по сей день самый лучший из всех известных мне путеводителей по литературе. В предисловии к самому раннему из этих томов, впервые опубликованному в 1918 году и с тех пор много раз переиздававшемуся, сэр Артур с изумительной ясностью излагает свою позицию: «Прежде чем начать устанавливать принципы литературы или эстетики, человек должен предоставить какие-либо доказательства своей способности наслаждаться лучшим и сторониться худшего». И в качестве примера (он всегда дает примеры): «Под поэзией я подразумеваю на этих страницах то, что было написано Гомером, Данте, Шекспиром и некоторыми другими».

Тот факт, что этот большой ученый, суждения которого всегда тонки и глубоки, хотя порой и суровы, занялся удивительно романтическим переложением старой корнуолльской легенды о знаменитой паре трагических любовников, Тристане и королеве Изольде, интригует уже сам по себе. Но еще более пленительно то, что Дафна Дюморье, которую дочь «К» через длительное время после смерти отца попросила закончить этот роман, написанный им «где-то до середины, почти до конца главы», выполнила эту просьбу столь мастерски, что невозможно догадаться, с какого места она начала. Дафна Дюморье замечает, что «не могла имитировать стиль „К“... это значило бы грабить мертвых». Однако она знала его, когда была ребенком, помнила как радушного хозяина на многих воскресных ужинах и, «восстанавливая в памяти давно забытые разговоры», могла воссоздать образ этого человека и проникнуться его настроением.

Ей это удалось в высшей степени. «К» перенес древнюю легенду в Корнуолл начала 1840-х годов, в район реки Фоуи, который он любил и хорошо знал. Тристан из легенды стал Амиотом Тристаном, бретонским торговцем луком с маленькой шхуны «Жоли бриз», которая курсирует вдоль побережья Бретани и регулярно заходит в Корнуолл, доставляя туда клубнику, абрикосы, лук и известь – на нее был большой спрос в корнуолльских гончарных мастерских, так как печи для обжига, которые пылали когда-то на берегу каждой бухты, были к тому времени заброшены. Шкипер «Жоли бриз» – чудовище, злобный пьяница, и Амиот сбегает с судна, чтобы избавиться от его садистской жестокости. После того как он спасает Линнет Льюорн, находившуюся в экипаже, когда лошади понесли, Амиот влюбляется в нее. Эта красивая молодая женщина совсем недавно вышла замуж за Марка Льюорна, хозяина гостиницы «Роза и якорь» в Трое. Марк, сварливый старик, который сходит с ума от ревности, до безумия любит свою молодую жену. Таким образом, сцена для действия готова.

У этих обреченных влюбленных бывают минуты, когда у кого-то из них появляется странное чувство, будто ими движет нечто мощное и древнее, какая-то сила, связывающая их с прошлым и направляющая на тот же трагический путь, который прошла легендарная пара, что жила и умерла много веков назад. Центральная фигура в их истории – некий доктор Карфэкс, вокруг которого, вероятно по замыслу «К», должны были закручиваться все события, а он бы ими управлял, – как считает Дафна Дюморье. Для нее это самый симпатичный и четко описанный персонаж в романе, начинающемся с того, что этот местный доктор однажды ночью на земляном валу Замка Дор ждет, когда начнутся роды у жены кузнеца, и размышляет над тайнами земли, которая, быть может, «больше не возродит подобный цветок, но все же не в

силах будет позабыть его и воздержаться от попытки снова дать ростки». Доктор Карфэкс присутствует на протяжении всей истории, объясняя, скрепляя ее, и в конце романа он все еще здесь – старик, размышляющий над тайнами любви и грезящий об одной из «самых печальных историй любви в мире».

Существует много вариантов легенды о Тристане и Изольде, и Дафна Дюморье говорила, что прочла все, какие только смогла отыскать, прежде чем взялась завершить роман, и обнаружила противоречия и путаницу, с которыми ей пришлось разобраться, дабы удовлетворить свое собственное «чувство порядка». В незавершенной части романа «К» земляной вал Замка Дор, где, согласно легенде, у короля Марка, мужа королевы Изольды, был замок, стал Лантиэном, фермой, принадлежащей Бозанко, местному фермеру, у которого Амиот находит пристанище и работу. Хотя Бозанко, его жена и двое детей не играют никакой роли в первоначальной истории, между старинным повествованием о Тристане и Изольде и романом много связующих нитей. У «К» Линнет ухитряется упасть с воза с сеном на руки Амиоту, а когда ревнивый муж обвиняет ее в неверности, она смеется над ним, говоря, что вряд ли может утверждать, будто ее не касался другой мужчина, поскольку простой работник с фермы Амиот только что спас ей жизнь. За несколько столетий до этого королева Изольда дала похожий ответ королю Марку, после того как ей помог спуститься на берег Тристан, переодетый прокаженным, и она упала вместе с ним, в его объятиях, на причал. Несколько более сложная аналогия проводится между случайной смертью Тристана от отравленного копья друга и смертью Амиота после того, как он неправильно понял попытки доктора Карфэкса спасти его из заброшенной шахты и порезался складным ножом доктора, который только что использовали, чтобы вынуть камешек из копыта лошади. В 1840 году не было антибиотиков, напоминает нам Карфэкс, сокрушаясь над этим ужасным несчастным случаем.

Дафну Дюморье часто – причем автоматически – причисляют к «романтическим романистам». Сэр Артур Квиглер-Кауч прежде всего ученый. В первую свою книгу о литературе он включает эссе о терминах «классический» и «романтический». Он считает эти ярлыки, которые часто приклеивают к великим поэтам, романистам, драматургам, бессмысленными и выступает против того, чтобы литературу рассматривали так, будто ее можно изучать, разделив на изолированные отсеки с абстрактными заголовками: «влияния», «тенденции», «измы». Он утверждает – как мне думается, правильно, – что романы, пьесы, стихотворения пишутся благодаря редкому дару, с которым их авторы были рождены и который они оттачивали годами. «Шекспир, Мильтон, Шелли не писали „классицизм“ или „романтизм“. Они писали „Гамлета“, „Лисидаса“¹, „Ченчи“²».

Этот чрезвычайно сложный, но в высшей степени увлекательный роман – пленительная история о любви и смерти, удивительным образом связывающая два далеких друг от друга века, история, написанная двумя очень разными, но очень талантливыми писателями.

Нина Боден
2003

*Мой отец намеревался посвятить
эту книгу мистеру и миссис Санто
из Лантиэна*
Ф. Ф. К.-К.

¹ Стихотворение английского поэта Джона Мильтона (1608–1674), посвященное его другу, утонувшему в 1637 г. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Пятиактная трагедия, написанная английским поэтом Перси Биши Шелли (1792–1822) в 1819 г. В ней автор философски осмысляет проблемы тирании и свободы.

Книга первая

*Ты, и я, и Амиас,
Амиас, и ты, и я —
Лес зеленый, увь, кличет нас.
Ты и я, жизнь моя, и Амиас.
Уильям Корнуольский*

Пролог

Много лет тому назад, в начале 1840-х годов, в удивительно ясную октябрьскую ночь некий доктор Карфэкс стоял в дозоре с телескопом на земляном валу Замка Дор в Корнуолле. Его вызвали в кузницу, находившуюся поблизости отсюда, на перекрестке дорог. У жены кузнеца начались роды. Когда доктор прибыл туда, то обнаружил, что все идет должным образом. А поскольку он считал, что не следует вмешиваться в естественный ход событий, то оставил свою сумку на стуле в кухне и зашагал прочь по росистому лугу, наказав опытной повивальной бабке призвать его, когда возникнет необходимость. Пробыв некоторое время на валу, который от кузницы отделяло лишь одно поле, доктор, привычный к таким ночным бдениям, прошел, как обычно, через три стадии ощущений и достиг четвертой, неизведанной и самой волшебной.

Вначале он почувствовал отчужденность. Это ощущение, каким бы царственным оно ни казалось, посещает любого человека, даже с воображением очень средним, когда он стоит на вершине горы под звездами. Эту корону может примерить каждый из нас, и мы начинаем с презрением взирать на нашу планету, а заботы и волнения всех людей, населяющих ее, кажутся нам всего лишь мельтешением мошек под веткой дерева, покрывшейся летней листвой. Однако в подобном настроении есть свой изъян: будучи людьми, мы принадлежим Земле; принадлежа Земле, мы, подобно Архимеду, должны на чем-то стоять; но где бы мы ни стояли, при игре в астрономов приходится соблюдать условия игры, а именно: мы не можем замечать, что там копошится у нас под ногами.

Игнорируя эти соображения, доктор Карфэкс, все еще сосредоточенный на небесном своде, где над равниной моря Сириус сверкал, как кремь, Альдебаран походил на рубин, а Плеяды справа от него висели, как паутинка из лунных лучей, перешел ко второй стадии, также ему знакомой. Он созерцал огромный купол, который неуклонно вращался, а наша Земля (и он вместе с ней) с невероятной скоростью кувыркалась под этим звездным куполом.

И это вернуло его на землю (ибо, хотя доктор и был наделен богатым воображением, он не был лишен здравого смысла): он увидел вокруг себя огромное количество темных ягод куманики, а также мириады маленьких листочков тимьяна; под ними спали бесчисленные насекомые, которые пробудятся следующим летом и наполнят воздух и все поле жужжанием. Внезапно наш мир снова сделался огромным — округлый мир с изогнутыми возвышенностями, которые спускались к более плавному изгибу моря. Само море...

...Великое море,
Крепкий корабль у ворот своего господина,
Море лежало и, как пьяный великан, рыдало во сне.

Нет — Море и Земля были великаном и великаншей, лежавшими в изнеможении после могучих объятий. И доктору — теперь превратившемуся из наблюдателя в слушателя — казалось, что в то время, как великан громко храпит, его подруге не спится. Ее грудь бурно вздыма-

ется от неясной тревоги, которой нет названия; и эта тайна предназначена для *него* и касается мужчин и женщин именно в этом краю – здесь, где он стоит. Однако она не имела отношения – столь важна была эта тайна – к тем людям, которые спали в своих домиках в долине, а также к тому, что происходило сейчас в доме при кузнице на перекрестке дорог, а также к тем, кто, быть может, бодрствовал сейчас, вспоминая об утрате и уносясь мыслями к церковному погосту среди холмов. Он хорошо знал этих людей – да и кому, как не доктору, знать их.

Нет, и опять не то. Это самое древнее окружье Замка Дор, заброшенное и поросшее куманикой, – сосок огромной вздымающейся груди, жаждущей облегчить душу.

День медленно угасал, прикрывая ставнем пространство и распахивая другой ставень – за которым время. Ведь с этого земляного укрепления открывается с одной стороны вид на бухту, а с другой – на глубокую реку в долине. Из этой бухты несколько столетий назад Цезарь *soi-disant*³ отправился со своими кораблями завоевывать Рим. А в поле, отлого спускающемся от земляной насыпи, армия парламента сдалась королю Карлу I во время его последней кампании на Западе. Вон там, за изгородью, стояла карета короля, и он спал в ней в ночь накануне капитуляции. А в долине, за рекой, слышались выкрики: там гуляло войско.

Но эти воспоминания растаяли вместе с туманом в долине и рассеялись по лесам, нивам и пастбищам. Доктор знал, что не ради этих тайн он вслушивается в тишину и не ради простенькой повести о распрях, феодальной вражде и тяжбах, из-за которых дробились поля там, внизу, или меняли направление тропинки прихода. Вся Англия – палимпсест подобных историй, на ней остались следы любви и ненависти; здесь под ореховыми деревьями рождались дети, совершались предательства, звучали мольбы и угрозы. Но все же это было не то. А тайна была здесь – да, здесь, совсем рядом... В лесу ухнула сова. Птица конек, усевшись на камень, возвестила наступление дня. Через минуту при неярком утреннем свете показался кузнец, спешивший через луг. Запыхавшись, он сообщил, что все хорошо, но необходимо присутствие врача. Доктор Карфэкс сложил телескоп и в задумчивости направился к кузнице. Слово, которое вот-вот могло сорваться с уст, так и не было произнесено.

Глава 1

Торговец луком

– Амиот!

Это непонятное слово было произнесено звучным голосом иностранца, однако не так, как его произнесли бы французы: на конце резко прозвучал звук «т», словно задели струну лютни. Засим последовал вздох. Слово и вздох, казалось, растаяли в старом зеркале, перед которым любовалась собой миссис Льюорн.

Она обернулась. Кто-то говорил в комнате, совсем рядом с ней. Ее служанка Дебора?

Но на пороге не оказалось никакой Деборы. Миссис Льюорн сразу же сообразила: старое зеркало, хоть и потускневшее, все же отразило бы того, кто там стоял. В треугольной спальне, стены которой были обшиты панелями, пахло затхлостью – спальней давно не пользовались; солнечный свет, отражавшийся от побеленного дома, стоявшего напротив, по другую сторону узкой улицы, пробивался сюда как бы украдкой. Полчаса назад Линнет Льюорн раздвинула портьеры и открыла окно, вознамерившись предаться изучению своего облика в зеркале, – вполне простительное занятие, учитывая, что она была всего лишь год как замужем, став хозяйкой этого дома, гостиницы «Роза и якорь», которая пользовалась доброй славой. Ее старый муж, которому принадлежала эта гостиница, по-своему боготворил жену Она, как говаривали в округе, «очень даже неплохо устроилась». Девичья фамилия Линнет была Константайн; ее

³ Якобы (фр.).

отец в прошлом был кузнецом и лет девятнадцать тому назад владел кузницей и домиком, расположенными высоко на холме, возле Замка Дор.

Если чело Линнет и затуманила легкая тень недовольства, когда она раздвигала портьеры, то это можно объяснить отвращением юности к спертому воздуху в старой спальне. Но теперь от досады не осталось и следа: она делала то шагок назад, то полшага на цыпочках вперед, вертясь перед зеркалом, которое алчно, как скупец, удерживало ее отражение.

Дело в том, что муж подарил ей платье, которое Линнет выбрала по своему вкусу, – они должны были отправиться на скачки в Замок Дор. Платье было из муслина бледно-зеленого цвета, с рисунком из бутонов роз. Ее шляпа идеально подходила к новому платью – широкополая шляпа с бледно-зелеными лентами, которые завязывались под подбородком. И зонтик от солнца тоже удачно сочетался с нарядом. Она наполовину раскрыла его, чтобы удостовериться в этом, но вовремя вспомнила, что раскрывать зонтик в помещении – дурная примета.

– Амиот!

Теперь сюда примешался и голос Деборы. Какая досада, что этот иностранный джентльмен выбрал именно день скачек в Замке Дор! Весь вчерашний день они с Деборой скребли и чистили, проветривали постельное белье, натирали старый неровный пол, орудуя мягкими щетками и используя пчелиный воск. Подойдя к окну, Линнет услышала раздраженный голос Деборы – сейчас он доносился из-за угла дома:

– Два шиллинга! Да это просто грабеж!

– *Plaît-il?*⁴

И тут Линнет догадалась, в чем дело. В это время года прибывали шхуны из Бретани, и юнг посылали на берег продавать связки лука по цене, которая превышала стоимость лука в лавке по соседству. Точно так же было в сентябре прошлого года – именно в тот месяц она приступила к ведению домашнего хозяйства.

Впоследствии Линнет никогда не могла объяснить, почему она так быстро отвернулась от зеркала и проскользнула мимо двери большого зала, где звенели стаканы и ее старый муж выкрикивал: «Ату!» – рассказывая компании какую-то охотничью байку. Она немного задержалась у двери, ибо, как хорошая жена, хотела удостовериться, что ее муж не хватил лишку, а затем спустилась по лестнице.

Линнет примерно представляла себе, что увидит за порогом дома, – городскую площадь, опустевшую, как всегда в обеденное время; сегодня она была даже более безлюдной, чем всегда: народ потянулся на холм, где обычно проводились скачки. Фермеры и охотники, которые сейчас допивали бренди и докуривали сигары в зале «Розы и якоря», вскоре сядут в свои экипажи и отправятся на скачки, проезжая между зелеными живыми изгородями и попыхивая трубками, набитыми скверным табаком. Через какое-то время за ними последует и Линнет, сидя в ландо рядом со своим мужем, который обожал хвастаться женой. Ее имя значилось на афишах скачек: она должна была вручить кубок стоимостью в двадцать гиней победителю в скачках с препятствиями. Линнет два-три раза прорепетировала перед старым зеркалом жест, которым она будет награждать победителя.

Спустившись по лестнице, она вышла на крыльцо. На ступеньке руки в боки стояла Дебора и распекала молодого человека в залатанной синей матросской рубаше и брюках, пестревших заплатами. Брюки были слишком коротки, так что видны были голые лодыжки. На голове у него был берет, на ногах – деревянные сабо, за спиной – шест, на котором болталось пять-шесть связок лука.

– Нечестивец! Ступай-ка попроси два шиллинга у папы римского – нет, эй, ты, вернись!

Торговец луком повернулся, собираясь уходить, как раз в тот момент, когда на пороге появилась миссис Льюорн. При внезапном окрике Деборы он медленно обернулся. Это был

⁴ Что? (фр.)

поразительно красивый парень с угрюмым выражением лица. У него были чудесные карие глаза, кожа сильно обветрилась от непогоды.

Ринувшись к нему, Дебора повернула его кругом:

– Посмотрите-ка, госпожа!

– О, какая жестокость!

На спине у молодого человека виднелось большое красное пятно, оно начиналось над лопатками и приходилось как раз под шестом с луком, рубаха в этом месте пропиталась кровью.

– Кто это сделал?

– Где ваш корабль?

– И вообще, как тебя зовут? – осведомилась Дебора.

– Амиот.

– Вот глупая! – вмешалась миссис Льюворт. – Он же тебе сказал это каких-нибудь пять минут назад!

– Сказал мне? Да я первый раз слышу! – возмутилась Дебора.

Миссис Льюворт стояла в смущении, положив руку на перила крыльца. У нее было странное ощущение, как будто что-то прорвалось из прошлого, дабы сплестись с тем, что произойдет сию минуту. Казалось, вся площадь притихла, словно вымерла.

– Амиот, – повторил торговец луком. – Амиот Тристан. – С минуту он размышлял над их вопросами, затем добавил на своем ломаном языке: – Со шхуны «Жоли бриз», из Бреста. Mais tenez, mesdames, le patron!⁵

Гигантского роста мужчина нетвердой походкой вышел из бара, где дремал после выпивки. Он остановился, чтобы вытереть рот, потом взгляд его упал на торговца луком.

– Petit cochon! – взревел великан. – Pas un chapelet vendu! Attends seulement!⁶ – И он разразился потоком французских и бретонских ругательств.

Линнет немного понимала по-французски, но бретонский был ей неведом. Она резко повернулась к этому человеку:

– Весь его лук продан, я купила все связки. Но не вы ли сделали *это*? – Она указала пальцем, в то время как Дебора снова повернула молодого человека к ним спиной. – Если это так, то вы скотина!

Великан снисходительно улыбнулся, давая понять, что знает женщин:

– Эти парни, мадам, ленивые свиньи – все как один. Они понимают только кнут, иначе их ничему не научишь.

Раздался хриплый кашель, и из-за спины великана выглянул муж Линнет, Марк Льюворт, владелец «Розы и якоря». Ему было лет шестьдесят.

– Что тут происходит? – спросил он резким голосом.

Тон у него был недовольный и не терпящий возражений. Увидев свою жену, он сразу же перестал замечать что бы то ни было.

– Что тут происходит? – повторил он еще более резко. – Моя дорогая, разве я не просил вас совершенно определенно прийти и раздать сигары?

– А разве Дебора не раздала сигары?

– Это совсем не то. И я хотел, чтобы потом вы присели и отхлебнули глоточек из моего стакана. Рядом с моим местом было поставлено кресло. Это ваше платье – я заплатил за него кругленькую сумму. Что мое, то мое, не так ли? – обратился он к бретонскому шкиперу.

– Да еще если это такая прелесть, – согласился великан-людоед, отворачиваясь от него, чтобы окинуть плотоядным взглядом двух женщин.

⁵ Ах, сударыни, это хозяин! (*фр.*)

⁶ Маленькая свинья! Ни одной связки не продано! Ну погоди же! (*фр.*)

Хотя миссис Льюворн старалась не смотреть на Дебору, следующие ее слова были обращены именно к ней:

– Я купила этот лук. Забери у него эти связки.

Шкипер, пошатываясь, сделал шаг вперед – возможно, чтобы помочь, в то время как Линнет полезла в карман юбки за кошельком.

– По два шиллинга за связку? – спросил шкипер у хозяина гостиницы, чтобы удостовериться.

Но в тот самый момент, как Дебора сняла связки с шеста, торговец луком поднял его над головой и, размахивая им, бросился к великану, как будто собирался размозжить ему голову. Дебора взвизгнула. Линнет затаила дыхание. Великан сделал шаг назад. Руки у него болтались, как у гориллы. Но тут эта сцена была прервана. Послышались шаги кутил, которые гурьбой скатывались по лестнице со второго этажа, и почти одновременно властный голос приказал:

– Прекратите! Какого черта!.. – А затем: – Halte-la!⁷

Глава 2

Нотариус Ледрю

Сидевший в ландо чуть вздрогнул и открыл глаза – словно пробудился от сна. Совершенно невероятно, что он мог задремать во время этого крутого спуска в Трой, – ведь известно, что неместные бывают при этом до смерти напуганы.

На нем был черный дорожный плащ. Черная бархатная шляпа с очень большими полями прикрывала его седые волосы. Она съехала на глаза незнакомцу, и, когда рукой в черной перчатке он водворил шляпу на место, Линнет показалось, что это самый старый человек, какого ей вообще приходилось видеть, неправдоподобно старый: все его выбритое лицо было в морщинах, – и в то же время (как решила она минуту спустя) удивительно молодой для своего возраста, ибо цвет его лица напоминал слоновую кость, а кожа, почти прозрачная, словно светила внутренним светом.

Как правило, все старое заставляло Линнет содрогаться – во всяком случае, в последнее время. Но лицо этого старика не произвело на нее отталкивающего впечатления, скорее оно вызвало любопытство.

Линнет была наблюдательна. «Это джентльмен», – сказала она себе, когда Дебора приблизилась к экипажу, чтобы открыть дверцу.

Гость был не менее наблюдателен. Его взгляд на мгновение задержался на Линнет, затем выделил из группы на крыльце ее мужа.

– Месье – хозяин, если не ошибаюсь? Простите, но мне кажется, что, добравшись до порога вашего дома, я снова оказался в своей родной стране.

Он превосходно говорил по-английски, почти без акцента. Незнакомец перевел взгляд с торговца луком на шкипера и обратился к последнему довольно мягким тоном:

– Друг мой, наши встречи прямо-таки предопределены. Последняя, если мне не изменяет память, состоялась в Ландерно, когда епископ вынужден был прервать раздачу индульгенций, поскольку вы на ярмарке жестоко избивали осла.

– Так как я – честный человек, господин нотариус...

– Каковым вы, несомненно, не являетесь, – перебил его незнакомец, отряхивая свою шляпу от пыли. – Насколько я помню, вы, Фугеро, два года тому назад покинули Кимпе и открыли кабаре в Пон-л'Аббе. Кража домашней птицы, не так ли? А я имел удовольствие выступать в качестве обвинителя. Впоследствии вы купили судно в Локтюди. Полагаю, вы также меня помните?

⁷ Стой! Довольно! (фр.)

– Помню, месье Ледрю. Ну конечно...

– Ну вот, он меня уже и представляет. – Повернувшись к хозяину гостиницы, незнакомец обратился к нему: – Да, моя фамилия Ледрю, я нотариус из Кимпе. А комната для меня, несомненно, готова, судя по тому, что ваш экипаж поджидал меня на железнодорожной станции в Лостуитиеле, – добавил он. Подняв голову, он прислушался к громовому хохоту, внезапно донесшемуся из бара на верхнем этаже, и добавил: – У вас тут собралась несколько ббльшая компания, нежели я ожидал.

– Скачки... – начал Марк Льюворн.

– Да, но ваша комната готова, сэр, – перебила его Линнет, появившись из-за спины Деборы, которая все еще придерживала дверцу экипажа. – Самая старая в нашем доме. Однако, если вам будет угодно, есть другая, более приятная, ее недавно заново оклеили обоями.

Брови месье Ледрю слегка приподнялись.

– Так это *вы* очаровательная хозяйка этого дома?

– Горячая вода для вас будет тотчас готова. А затем вам подадут жареную камбалу и омлет.

– С луком, если можно. – Он кивнул на связки, все еще отягощавшие левую руку Деборы.

– Мелко нарезанным и поджаренным. Дебора сможет приготовить омлет, – указала Линнет на служанку.

– В таком случае я все больше чувствую себя как дома.

Месье Ледрю кивнул, милостиво улыбнулся всем и обвел взглядом собравшихся. Была в нем какая-то властная сила, делавшая его хозяином положения. Все застыли на месте: торговец луком стоял на проезжей части, опустив шест; великан и задира – шкипер был неподвижен; рука Деборы все еще касалась дверцы экипажа. Возница замер в той позе, какую принял, когда слез с козел; губы Линнет были полураскрыты; ее муж, стоявший позади нее на ступеньке, походил на человека, который получил некое известие и не может ничего понять. А в комнате наверху ни на минуту не умолкал глупый смех.

– Значит, все предопределено, и я все больше чувствую себя как дома. – Месье Ледрю выпрямился, отбросив плед, укутывавший его ноги. – А этот парень? Мне показалось, когда мы заворачивали за угол, – повернитесь-ка, сын мой!.. Ах! Но это же гнусно, Фугеро! Вы отдаете себе отчет в том, что позорите нашу страну? Впрочем, такие, как вы, этого не понимают. Но позвольте мне, по крайней мере, заверить вас, что этот молодой человек не отправится в обратное путешествие на вашем судне.

Затем последовал быстрый диалог на бретонском, после чего шкипер поднял шест, который торговец луком бросил на землю, и удалился с опущенными плечами.

Месье Ледрю, все еще стоявший в ландо, повернулся к молодому человеку:

– Откуда вы родом, сын мой?

Ответ последовал после паузы и, казалось, был дан неохотно:

– С острова Тюди.

– Посмотрите на меня и ответьте: как ваше имя?

– Амиот.

– Амиот, вот как! Это имя или фамилия? Есть ли у вас еще одно?

Торговец луком все еще глядел вслед удалявшейся фигуре своего работодателя.

– Фамилия моей матери, сэр, была Тристан. Она была родом из Дуарнене, так она мне однажды сказала. А еще – что мы уехали на остров Тюди вскоре после моего рождения.

Он пожал плечами, как будто прошлое не вызывало у него интереса. Глаза его горели, и казалось, у него лишь одно на уме: возобновить драку с этим скотиной-шкипером, несмотря на неравные силы.

– Если хотите знать мое мнение, это нарушитель спокойствия, – заявил хозяин гостиницы с верхней ступеньки крыльца. – Но я никогда и не пытался понять иностранцев – прошу прощения, сэр.

Месье Ледрю, выходявший в этот момент из экипажа, проигнорировал его замечание.

– Первое, что нужно сделать, – спокойно обратился он к Деборе, показывая знаком, что хочет спуститься, – это отвести парня в дом и промыть ему спину. Впоследствии, если ему станет лучше, он отвезет меня вверх по реке – надеюсь, у вас можно нанять лодку, сэр?

– Конечно, лодка есть...

– Да, я знаю. Но вам пока что не нужно об этом беспокоиться. Вы же собираетесь на скачки и уже готовы были туда отбыть, вы и мадам. – Он поклонился Линнет, проворно спустившись со ступеньки экипажа. Затем, расплатившись с возницей, продолжил: – Я прочел объявление о скачках у кузницы на перекрестке дорог – оно было прикреплено к ставню. Насколько я понял, мадам будет вручать кубок.

– Что ж, можно сказать и так, – согласился хозяин гостиницы. – Конечно, на самом деле...

– Несомненно, и как галантный супруг... Кажется, я слышу, как ваши экипажи спускаются с горы. Пока они еще не прибыли, – произнес месье Ледрю, – к тому же чтобы не задерживать этих охотников, – поклон в сторону компании на крыльце, – не войти ли нам в дом?

Глава 3 Май и ноябрь

Марк Льюорн, его жена и постоялец поднялись по лестнице, за ними следовала Дебора с саквояжем. По ее приказу торговец луком ждал внизу, в коридоре. На лестничной площадке Льюорн, извинившись, повернул к двери бара и, открыв ее, объявил оставшимся посетителям, что экипажи уже на подходе. Линнет и месье Ледрю прошли дальше, к самой лучшей спальне в гостинице.

– Мы сделали здесь все, что в наших силах, сэр, но, как я только что сказала, у нас есть более светлая комната, заново оклеенная, если это для вас предпочтительнее. Дебора, ты можешь поставить саквояж джентльмена. А теперь беги за горячей водой и займись тем бедным молодым человеком. После ты можешь распаковать вещи этого джентльмена в той комнате, которую он выберет.

– Но что же не так с *этой* комнатой, мадам? – спросил месье Ледрю, озираясь вокруг.

– Что касается меня, то я терпеть не могу все старое, – призналась Линнет.

– Да? – Месье Ледрю повернулся спиной к окну и бросил на нее быстрый взгляд. Свет падал ей прямо на лицо. – Со своей стороны, я вполне понимаю вашу точку зрения, мадам, хотя, как вы видите, не должен бы разделять ее.

Лицо Линнет стало пунцовым, как только необдуманные слова сорвались с ее уст. Манеры этого чудесного старого джентльмена хоть и располагали к дальнейшей беседе, но в них явственно проступал мягкий укор.

– Я не имела в виду, сэр...

– Ну конечно не имели. А если бы даже и имели, то я бы не обиделся. Старики, мадам, когда они приближаются к Богу, начинают разделять с Ним одну Его отличительную черту – или, если хотите, отсутствие оной: они лишены глупой обидчивости.

– Я только хотела сказать, – запинаясь, произнесла Линнет, – что мне не нравится запах старого дуба. Надо, чтобы Дебора разожгла огонь. Последние два дня мы топили камин и проветривали комнату. Мы решили, что в такую погоду, возможно, вам будет здесь слишком жарко. Однако если вы собираетесь покататься на лодке, то огонь в камине может вас взбудоражить – позже. К тому же вы проделали такое большое путешествие!

– Благодарю вас, я был бы рад, если бы затопили камин. В моем возрасте, мадам, то, что прежде было роскошью, становится необходимостью. И, в отличие от вас, я люблю старый дуб. Нет ничего более долговечного, мадам. Мы спим в нем, некоторые – вечно. В старости мы любим мечтать возле него и видеть, просыпаясь, огонь в его сердцевине. Но нам грезятся птицы в ветвях дуба – там, в вышине, их раскачивает ветер.

В этот момент открылась дверь и Дебора внесла кувшин с горячей водой. Казалось, что это она впустила в комнату уличный гомон: в окно ворвался шум экипажей, въезжавших на площадь, возгласы возниц, споривших из-за места и отпускавших грубоватые шутки. Сначала Дебора объявила, что ланч для джентльмена будет готов через десять минут. Затем она сообщила, что внизу торговец луком промывает свои раны и ей бы хотелось, чтобы госпожа на них посмотрела. Бросив взгляд на месье Ледрю, Дебора добавила, что время идет.

– С вашего позволения, мадам, я бы тоже хотел осмотреть раны молодого человека, – сказал нотариус, открывая дверь.

Дебора поставила кувшин, и все трое вышли в узкий коридор, где столкнулись с последними посетителями, покидавшими бар.

Марк Львоворн, который шел первым, при виде жены застыл на месте, загородив проход остальным. Он явно был не в духе:

– Я, кажется, сказал вам... кажется, сказал...

Лицо Линнет сначала побелело, потом вспыхнуло, и она с вызовом взглянула на мужа. Поскольку месье Ледрю стоял за спиной Линнет, он не мог видеть ее лица, однако, когда она откинула свою хорошенькую головку, он догадался, что сейчас последует.

– Я забыла, что именно вы мне сказали, – ответила Линнет, тщательно подбирая слова. – Но, думаю, примерный смысл таков: вы хотели похвастаться мною в этом новом платье, которое вы мне купили. Очень хорошо. Если вы будете так любезны посторониться, я очень медленно пройду мимо вас с этим джентльменом, и ваши гости смогут, не стесняясь, сказать вам, что они думают о вашей жене, – не сомневаюсь, они так и сделают.

– Мужчина – хозяин в своем доме, это не подлежит сомнению, – несколько сбавил тон Марк.

У себя за спиной он ощущал мощную мужскую поддержку. Но перед лицом молодой и красивой женщины, к тому же разъяренной, на такую поддержку не всегда стоит полагаться. Шотландский шкипер в задних рядах, возвышавшийся над остальными на голову, промурлыкал песенку:

Что молоденькой девчонке,
Что молоденькой девчонке,
Что с хрычом ей делать?

Марк услышал и эту песенку, и хихиканье, последовавшее за ней.

– Мужчина – хозяин в своем доме! – рявкнул он.

– А его жена – хозяйка дома, – заметила Линнет. – Занимайтесь своими гостями, а я буду заниматься своими.

Муж сразу же отошел в сторону и пропустил ее. Она прошла мимо, как королева. Но только она знала, что он уступил ей дорогу главным образом из-за безнадежного обожания. Однако Линнет прошла мимо двери бара с триумфом; месье Ледрю и Дебора следовали за ней.

Трио спустилось по лестнице, и на первом этаже, в конце коридора, где пахло жареным луком, они вошли в кухню с каменным полом. Там, склонившись над лоханью с горячей водой, юный Амиот обтирался мокрой губкой. Он был обнажен до пояса. При их появлении он выпрямился, улыбнулся всем благодарной улыбкой и снова наклонился над лоханью. На его

спине виднелись следы жестоких побоев. Кожа была очень нежная, и под ней перекачивались мускулы – такие появляются у гребцов.

– Я могу порекомендовать средство от этого, – заявил месье Ледрю, внимательно осмотрев раны молодого человека. – Если у вас поблизости есть аптекарь...

– Но у меня есть мази здесь, дома, – прервала его Линнет. – Я выросла на ферме, сэр, так сказать – по ту сторону воды, оттуда трудно добраться до доктора. А нужно было оказывать помощь мужчинам, которые могли порезаться, когда косили или жали серпом.

Обращаясь к нотариусу, Линнет бессознательно положила руку на плечо молодого человека, и столь же неосознанно Амиот поднял губку и сжал ее так, что на руку Линнет потекла струйка теплой воды.

– Эти местные снадобья обычно лучше всего, – согласился нотариус, – особенно мази...

– Линнет! – донесся сверху голос ее мужа. – Какого черта вы там копаетесь?

Линнет резко отдернула руку от плеча юноши. На этот раз нотариус уловил выражение ее лица, когда она посмотрела в ту сторону, откуда донесся ворчливый голос мужа. У нее был взгляд затравленного зверька. Но тут же она нахмурилась, и зрачки сузились.

– Линнет! – снова позвал ее Марк.

Рука ее упала, оставив на платье мокрое пятно. Немного помедлив, Линнет направилась к лестнице и стала подниматься.

– Неожиданное послушание, – заметила Дебора после некоторой паузы, когда в тишине был слышен только плеск воды.

– Я не разделяю это мнение, хотя, конечно, вы знаете ее лучше, чем я, – серьезно ответил нотариус. – Полагаю, она, скорее, заперла свою дверь и в этот самый момент снимает свое нарядное платье.

Дебора задумчиво посмотрела на него и, взяв полотенце, стала осторожно промокать спину торговца луком.

– Если это на самом деле так, – сказала она, – что же делать, сэр?

– На вашем месте я бы последовал за ней, постучал в дверь и напомнил, что мы готовы употребить мазь.

Дебора поднялась на второй этаж.

Она обнаружила, что Линнет действительно заперлась в спальне. Но служанка стала свидетельницей зрелища, которого не предсказал нотариус: под дверью, согнувшись, стоял Марк Льюорн, о чем-то умолявший через замочную скважину.

– Предоставьте это мне, хозяин, – сказала Дебора.

Она постучала в дверь.

– Уходите, я же сказала! – раздалось за дверью. – Я не еду!

Дебора постучала снова:

– Это всего лишь я, госпожа, Дебора. Я пришла за мазью.

Через пару секунд стало слышно, как ключ поворачивается в замке. Сделав Марку знак, чтобы он ни в коем случае за ней не следовал, Дебора слегка приоткрыла дверь и, войдя, плотно закрыла ее за собой.

В конце концов Линнет поехала на скачки.

Глава 4

Река Трой и Замок Дор

В тот же день, несколько позже, Дебора отправилась на собственный причал Марка Льюорна и, подтянув лодку к берегу, усадила в нее нотариуса и торговца луком Амиота. Пару

минут постояла, чтобы убедиться, что молодой человек, несмотря на то что был забинтован, очень даже ловко управляется с веслами.

Однако месье Ледрю склонен был усомниться в способностях этого парня, особенно когда они оказались в опасной (по его мнению) близости от кормы черной шхуны, стоявшей на якоре.

– Осторожно!

– Всё в порядке, – безмятежно заверил его Амиот. – Это «Жоли бриз». – Он исторг какой-то странный, резкий возглас, о чем месье Ледрю позже вспомнил, и очень искусно подвел лодку под якорные цепи на носу.

На палубе показался матрос. Он перегнулся через фальшборт.

– Ив, не сходишь ли ты в кубрик и не принесешь ли мои вещи? Или мне взять их самому? Они в узелке на моей койке, а рядом – моя скрипка.

– Да, я их видел только что, когда прибирался, – ответил матрос. – Я подумал, что ты собираешься покинуть судно. Надо сказать, меня это не удивило. – Бросив взгляд через плечо, он снова посмотрел вниз с добродушной усмешкой. – Хорошо, я схожу за твоими вещами. Но сиди тихо. Хозяин внизу, он мрачнее тучи.

Шкипер действительно находился внизу, и сна у него не было ни в одном глазу. Он услышал и узнал выкрик юнги. Он появился на палубе во весь свой гигантский рост как раз в тот момент, когда матрос нырнул в люк на носу судна. Подойдя к фальшборту, шкипер посмотрел вниз.

– Ну что, глупец? – обратился он к Амиоту. – Значит, ты передумал и вернулся?

– Чтобы забрать свои вещи, – ответил месье Ледрю.

– Его вещи? Его вещи?! – загремел Фугеро. Он шагнул к открытому люку и, склонившись над ним, завопил: – Эй, внизу! Что это ты там делаешь?

Провинившийся, хотя и был напуган – власть шкипера на судне почти безгранична, – оказался смелым и правдивым парнем.

– Я собираю вещи Амиота Тристана, – ответил он.

Вскоре матрос появился на палубе. В руке у него был узелок, под мышкой – самодельная скрипка.

– Без моего разрешения, hein?⁸ Ну погоди, дружок, я покажу тебе, что значит дисциплина. А вот это – для начала!

Он выхватил у парня скрипку, сломал ее о колено и выбросил за борт – обломки тут же увлек за собой прилив.

– Вот так! – сказал Фугеро и, схватив узелок, поднял его вверх. – Что до этого барахла, то я оставляю его здесь. Или ты предпочитаешь, чтобы я его тоже выбросил за борт?

– Друг мой, – вмешался месье Ледрю, прикрыв глаза, словно во сне, но весьма четко произнося слова, – если вы настаиваете на первом или попытаетесь сделать второе, я отведу этого молодого человека прямо на таможню, а оттуда – в полицейский участок, где дам указание вызвать вас в суд. Потом мы найдем свидетеля, который все подтвердит. И в этом случае я вам не позавидую. Представляю, как вас встретят судовладельцы: ведь вы будете признаны виновным в жестоком обращении с людьми. К тому же их вряд ли обрадует счет, который будет выставлен за простой судна. Лично я не сторонник наказания, – спокойно продолжал старик. – Я нотариус, а не судья. Но я гораздо лучше, чем вы, знаю, как действует закон в таких случаях. – Он открыл глаза и взглянул вверх, словно пробудившись. – Так что для вас же лучше немедленно передать вниз этот узелок.

Фугеро с минуту размышлял, затем швырнул узелок матросу:

– Вот, брось его им – и скатертью дорога!

⁸ А? Каково? (фр.)

– Извините, – на этот раз голос месье Ледрю прозвучал сурово, – но вы передадите его своими собственными руками и очень бережно – да, очень бережно.

Узелок был передан вниз.

Когда он был принят со словами: «Благодарю вас», шкипер повернулся, чтобы обругать моряка. Но тут снова четко зазвучал властный старческий голос:

– Мы поднимемся немного вверх по реке, но к вечеру я вернусь. Какое-то время я буду жить в «Розе и якоре». Если поступят еще какие-нибудь жалобы на вас, то я их рассмотрю, и о них станет известно в Локтюди и на побережье. До свидания!

Пройдя около ста ярдов вверх по течению, они увидели, что на поверхности плавает скрипка Амиота, а рядом смычок. Но скрипка раскололась на две части, и починить ее было невозможно.

– Я обязательно куплю вам новую, еще лучше, – пообещал месье Ледрю, увидев на глазах у юноши слезы.

– Но я сделал ее сам, месье.

– Пожалуй, починить ее все-таки можно, – утешил его месье Ледрю. – Лично я не музыкант, но, как бы то ни было, вы не смогли бы сыграть на ней сейчас: во-первых, скрипка сломана, а во-вторых, вы же не можете грести и одновременно играть.

Во всяком случае, грести-то Амиот мог, это было очевидно. Мышцы у него на спине, вначале онемевшие, разогрелись и налились силой. Теперь весла двигались легче и увереннее.

Был сильный прилив, и они вошли в гавань. Пришлось лавировать между судами, стоявшими под погрузкой, и теми, что были пришвартованы, – на них должны были ставить мачты. Затем они повернули в излучину реки, пройдя под утесом, поросшим лесом, снова свернули – справа по борту показалась скала, – и постепенно шум и движение остались позади, перед ними примерно на три мили простиралась водная гладь, тихая и спокойная, как озеро грез.

С одной стороны над водой склонялись деревья, с другой стороны до опушки рощицы тянулась невозделанная земля, покрытая папоротником. Густые заросли кустарника, дикие выющиеся растения, жимолость – все это отражалось в безмятежной поверхности воды и по мере усиления прилива, казалось, склонялось все ниже и ниже. Сюда не доносилось ни звука. Вдоль правого берега этого озера тянулась проселочная дорога, заросшая дикой валерианой. Из леса появилась цапля (единственный признак жизни), она летела медленно и так низко, что в водном зеркале отражалось каждое движение ее крыльев. Вдалеке виднелся поросший лесом мыс, голубовато-зеленый в тумане, – по-видимому, там озеро кончалось.

– Ах, как красиво, – вымолвил месье Ледрю. – Оставьте на минутку весла, сын мой, обернитесь и взгляните. – Он вздохнул и добавил странные слова: – Я надеялся вопреки всему. Здесь нет острова. Карта верная. Если бы только здесь был остров!

Вытащив из нагрудного кармана карту, он расстелил ее на коленях:

– Скала, мимо которой мы только что прошли, – это Камень Мудреца. В ней у самого подножия есть озерцо, куда, как говорят, часто наведываются выдры. Но ведь острова нет, так? Посмотрите-ка внимательней, мой мальчик.

– Это напоминает мне... – начал Амиот, вглядываясь в даль.

– Да? Что же?

– Не знаю, месье. – Сделав паузу, он продолжил: – Если бы патрон не сломал мою скрипку, быть может, она бы мне подсказала.

– Вы подвержены фантазиям, сын мой, – сказал нотариус. Но по-видимому, он тоже был подвержен фантазиям, ибо затем изрек следующее: – Завтра у вас будет новая скрипка, если только она сможет наколдовать здесь остров.

– Но эта скрипка... Ведь я сам ее сделал! – пылко возразил Амиот, с несчастным видом глядя на сломанный инструмент. – Может быть, старая скрипка и смогла бы наколдовать, как

сказал месье, но... лишь фантазии: не остров – не *настоящий* остров. Однако, пожалуй, я никогда ее об этом не просил. А *propos*⁹, какой именно остров нужен месье?

– Я понятия не имею ни о форме, ни о размере, – признался месье Ледрю. – Но он должен быть где-то здесь... Именно на этом острове несколько столетий тому назад сражались два рыцаря – один за собственность своего господина, второй – за даму. Как то и следовало согласно старому правилу: рыцарь должен вступать в поединок только из-за правого дела или из-за дамы.

Амиот задумался над этими словами:

– В таком случае, месье, боюсь, что у меня нет надежды стать настоящим рыцарем. Потому что, если я когда-нибудь вновь столкнусь с этим... этим Фугеро, который сломал мою бедную скрипку... Но что касается этого острова – мне кажется, что рыцари в латах дрались бы не на скале, а на какой-нибудь песчаной отмели; а когда кончится прилив, тут может оказаться не меньше дюжины таких отмелей.

– Вы так думаете? – спросил нотариус, а про себя добавил: «Тогда, быть может, вы вовсе не такой мечтатель, за которого я вас принял».

Амиот в полном молчании греб еще примерно с полмили, затем нотариус заговорил снова:

– На этой карте обозначена тропинка, она где-то поблизости, ведет она лесом к месту, которое мне бы особенно хотелось посетить. Можем мы оставить лодку здесь и разведать? Или прилив закончится, и она окажется на суше?

– Прилив продолжится еще четыре часа, – заверил его Амиот. – И пока вы говорили, я проверил веслом глубину под нами и не достал до дна. Что касается того, чтобы пришвартоваться, я могу отыскать какой-нибудь камень на проселочной дороге, вон там, и использовать его в качестве якоря.

Они медленно продвигались вперед, и вот слева по борту показалась крошечная бухта, где они заметили развалившийся причал. В другом конце бухты стояла заброшенная лесопилка, водяное колесо которой давно уже перестало работать. Амиот спрыгнул на берег, одним движением руки набросил носовой фалинь на старый кнехт и помог высадиться месье Ледрю.

Они шли по берегу бухты, пока не оказались на мелководе под окнами лесопилки. Переправившись по камням, они начали подниматься по крутой тропинке, по обеим сторонам которой росли ореховые деревья. Тропинка вывела их на вересковую пустошь, испещренную утесником. Внизу простиралась широкая река.

По другую сторону холма они обнаружили несколько ступенек, спустились по ним и направились по дорожке, над которой нависли ветви фруктовых деревьев. Перешли через деревенскую улицу и, пробравшись под оградой сада, через которую перевешивались фуксии, снова пошли в гору по проселочной дороге, между живыми изгородями с папоротником, по корням, а кое-где и по листьям которого текли ручейки.

Нотариус, поднимаясь вверх, прибавил шаг и развил скорость, поразительную для его лет. Один раз он на минутку остановился, словно прислушиваясь к журчанию воды в придорожных канавах, и рука его потянулась к карману.

– Но нет, мы подождем, – сказал он. – На карте ведь нет острова. Если на ней нет и замка, то мы приехали напрасно.

На лице Амиота отображалось только удивление. Он не имел ни малейшего представления о том, что они ищут. Может быть, это цветок. Он слышал об ученых-ботаниках, которые путешествовали по разным странам в поисках какого-нибудь маленького растения – возможно, какого-то лишайника. Для него, правда, все едино.

⁹ Между прочим (*фр.*).

Месье Ледрю двигался вперед, не снижая скорости. Теперь, когда они добрались до вершины пологого холма, узкая тропинка, расширяясь, превратилась в настоящую дорогу, и их взору представились разбитые на участки пашня и пастбище. Месье Ледрю начал переходить то направо, то налево, от одной калитки к другой: дело в том, что живые изгороди, хоть и стали здесь ниже, все-таки были выше человеческого роста, и поэтому разглядеть можно было что-то, лишь заглянув через калитку. Несколько раз рука его тянулась к карману, но каждый раз он передумывал. Он передвигался по дороге зигзагами, словно собака, ищущая след.

Наконец, забравшись на перекладину калитки с правой стороны дороги, он воскликнул:
– *Voyons!*¹⁰ Замок!

Вцепившись в верхнюю перекладину, чтобы не упасть, он повторил:

– Замок! Смотрите, мой мальчик, вон там, на самом гребне!

– Я не вижу никакого замка, сэр. Там только кусты, расположенные крúгом.

– Но это же и есть замок, я вам говорю, Замок Дор! Давайте пойдем туда кратчайшим путем. Ну вот, – добавил месье Ледрю, когда Амиот отпер калитку, за которой простиралось пшеничное поле, – я полагаю, что вы считаете меня сумасшедшим. Старик – и так торопится, чтобы не опоздать, *hein?*

Созревшая пшеница стояла высокой стеной, и миллионы ее колосьев достигли полной зрелости. Она доходила до самой изгороди, так что оставалась лишь узкая тропинка, по которой можно было пройти только друг за другом. От калитки было видно все поле, на волнообразной поверхности которого играли свет и тени, но здесь, возле тропинки, пшеница была выше головы. С правой стороны они не видели ничего, кроме ее стеблей да порой лишь алый мак, побег синего льна или бабочку, порхавшую в воздухе, дрожавшем от зноя.

Пройдя шагов пятьдесят, месье Ледрю обернулся, снял шляпу и вытер лоб.

– Так иногда бывает, – сказал он, – когда плывешь по морю. К концу дня ветер меняет направление и внезапно приносит с суши теплое дыхание скошенных лугов и земляничных полян – прямо из гавани Бреста. Я полагаю, – добавил он, – когда я только что пообещал вам замок, вы ожидали увидеть нечто вроде башни – высокое, массивное здание с укреплениями, не так ли?

Но Амиот ответил с безразличным видом:

– Я ожидал... сам не знаю чего, месье.

Нотариус снова водрузил на голову шляпу, и они продолжили свой путь. Он привел их за угол, к другой калитке, за которой было поле жнивья. Теперь пятки болели у Амиота сильнее, чем рубцы на теле. За третьей калиткой было широкое пастбище с выщипанной травой, стороны которого сходились к насыпи, – теперь уже было видно, что это амфитеатр. Двойной земляной вал зарос куманикой, колючками и бузиной, которая глушит всех своих соседей. Прямо перед ними в валу был проход, через который они попали в амфитеатр, устланный дерном и защищенный от всех ветров. Он составлял в диаметре около двухсот футов и в центре был ровный и гладкий, как стол.

Месье Ледрю, пребывавший в экстазе, даже лишился дара речи и только вышагивал и что-то подсчитывал. С внутренней стороны насыпь была почти лишена растительности. Усевшись на землю, заросшую чабрецом, месье Ледрю наконец-то вытащил из кармана карту.

– Это лучше, чем я думал. Я только что сказал, что мы еще успеем... Я лишь имел в виду, что окажусь здесь вовремя, чтобы засвидетельствовать почтение королям и их рыцарям и дамам, которые обитали внутри вот этого самого круга. Это были долгие скачки, в которых я состязался со временем и благоприятным случаем.

Продравшись сквозь колючие заросли, он перебрался через ров и вскарабкался на внешний вал, который как раз в этом месте граничил с широкой дорогой. Внизу в летнем мареве

¹⁰ Ну же! (*фр.*)

синела бухта. Обернувшись, они могли разглядеть у подножия насыпи, на которой стояли, речку – она просматривалась через клинообразную просеку в лесу.

– Замок Дор – видите, отсюда открывается вид на все подступы к нему! – воскликнул нотариус. – Бухта, река, дорога, идущая вдоль холма... Но что это там?

Он вдруг заметил огороженный участок, забитый палатками, экипажами и группами людей, – поле, полное народа. За ограждением, где дорога поднималась в гору, тоже были палатки с белым верхом, на которых трепетали крошечные флажки.

– Ах, ну конечно же – скачки!

По пути сюда они не встретили ни души, единственным исключением была старушка, наполнявшая кувшин из колодца на деревенской улице. Теперь все стало ясно. Здесь собралась вся округа. Вдали прозвенел колокольчик – начинался заезд. Прислушавшись, нотариус и Амиот различили голоса букмекеров, старавшихся перекричать друг друга.

– На таком расстоянии это можно принять за древний религиозный праздник, – сухо произнес месье Ледрю, – только это совсем другое. На таком расстоянии, – задумчиво продолжал он, – это напоминает муравейник. Божественный Гомер уподобляет людей листьям в лесу, сын мой. Мне же они скорее напоминают траву, которая, снова и снова пробиваясь весной, покрывает ошибки мира. Вы видите, где мы стоим в эту минуту, видите, где разместили торговцы свои прилавки со сладостями, у дороги? Так вот, много столетий тому назад сюда, где мы стоим, на этот самый земляной вал – да, на это самое место, поскольку отсюда открывается самый хороший вид на дорогу, – пришла королева, якобы принося извинения своему мужу, а на самом деле – чтобы мельком увидеть своего возлюбленного, когда его лошадь заворачивала вон за тот угол. Это трагическая история, одна из самых печальных. У них было назначено свидание в лесу, чуть дальше поля, на котором сейчас проходят скачки, там, где собираются темные тучи, предвещающая грозу.

– Лантиэн!

– Что? Но каким образом, черт возьми?..

Амиот опустил руку, которой заслонял от солнца глаза.

– Не знаю, месье, это слово пришло мне на ум...

В эту минуту они услышали громкий крик, более пронзительный, чем те, что доносились до сих пор с поля, где проходили скачки. Группы людей внезапно распались, и фигурки, похожие на точки, ринулись к воротам.

– Муравейник по какой-то причине пришел в волнение, – заметил месье Ледрю.

Тут у них на глазах у ворот рухнула палатка, сложилась, как крошечный картонный домик, а затем справа и слева от дороги начали снова фигурки.

– Кони понесли, – возвестил Амиот, у которого было острое зрение молодого человека. Он наклонился и скинул свои сабо.

Глава 5

Несчастный случай

Линнет Льюорн, развязав ленты своей шляпки и неспешно заново завязав их под подбородком, который вовсе не портило то, что он был обиженно вздернут, длительное время рассматривала себя в зеркале, чтобы убедиться, что презрительный вид ей идет. Затем она отперла дверь и остановилась на пороге:

– Я поеду с вами на скачки, но при условии, что вы не попросите меня с вами разговаривать – ни единого слова.

– Вот как?

– Вы меня оскорбили. Конечно, я не могу заставить вас молчать, вы вольны болтать, сколько вам угодно. Но я не собираюсь с вами беседовать, и, если вы не согласны с этим усло-

вием, я уйду к себе и сниму этот наряд. Я не стану с вами разговаривать до тех пор, пока мы не вернемся к этой двери, и лишь после того, как вы попросите у меня прощения.

– Но я прошу прощения сейчас, Линнет.

Она покачала головой:

– Не так, как следует. Вы делаете это лишь для того, чтобы задобрить меня и добиться, чтобы я поехала и вы могли бы мною хвастаться. Ну что же, вот она я. Если вы все еще считаете, что я того стою, можете хвастаться мною перед вашими друзьями, сколько вам угодно.

– И вы не будете разговаривать даже с ними?

– Конечно же я буду разговаривать с ними. Они не нанесли мне оскорбления, по крайней мере по своей, а не по вашей вине. О! – Она резко ткнула кончиком своего зонтика в пол. – Итак, это мои условия.

Марк склонил голову. Она прошла мимо него, спустилась по лестнице и села в ландо. Муж последовал за ней.

– Вышла она – ни дать ни взять королева, да и выглядела что твоя королева, – рассказывал впоследствии Тим Уди, кучер.

Тим Уди был слегка навеселе, к тому же ему не терпелось попасть на скачки, и он изо всех сил нахлестывал двух лошадей, Мэрмана и Мерлина. Это были молодые, горячие кони, от одного производителя, оба гнедые; они прекрасно сочетались: у каждого на передней ноге был белый «носочек», у Мерлина – на правой, у Мэрмана – на левой, причем в одном и том же месте, с точностью до дюйма. Марк Льюворт, который до женитьбы был скуповат, теперь стал склонен к показной роскоши. За этих лошадей он выложил кругленькую сумму. Ни одному владельцу ценных лошадей не понравилось бы, если бы с ними стали обращаться так, как это делал кучер Уди. К тому же Марка только что унизили, и ему нужно было на ком-то сорвать злость. Он привстал с сиденья, но его снова отбросило на подушки, он поднялся опять, осыпая своего кучера проклятиями.

– Теперь уж ничего не попишешь, хозяин, – бросил Тим Уди через плечо. – Думал, вы спешите, да и следовало бы поспешить. Н-но! Вы сядьте, а уж они вас домчат!

Боязливая женщина вскрикнула бы или хотя бы схватилась за поручни экипажа, когда заднее колесо со скрежетом проехало по гранитной колоде, защищавшей угол гостиницы, и едва не зацепилось за нее. И после подобного шока примерная, заботливая супруга принялась бы пилить своего мужа, доказывая ему, что Тим Уди пьян и только дурак не заметил бы этого сразу, до того как выезжать. Линнет и бровью не повела – она сидела с безмятежным видом, сжав губы.

На вершине холма Тим Уди, вместо того чтобы перейти на более спокойный шаг, еще поддал жару:

– Вот как это делается!

Марк Льюворт снова взорвался.

– Да так можно загубить любую лошадь! – вскричал он. – Черт бы тебя побрал, разве ты не знаешь, сколько стоят эти лошади?

– Они же отдохнувшие, хозяин, – не растерялся Тим Уди. – Для них сейчас гора – самое то. Я же не просил вас так долго собираться – вот они и застоялись. А сейчас будут смирные, как овечки, так и скажите хозяйке.

Марк Льюворт снова обругал его, да что толку!

– Опасности больше нет, – заверил он Линнет, склоняясь к ней с видом самого покорного супруга, когда лошади перешли на рысь, а потом потрусили помедленнее. – Вы не очень испугались, дорогая? Вам не дурно?

Ей определенно не было дурно, но полужакрытые глаза и бледность заставили ее супруга задать этот вопрос.

Она открыла глаза. Взгляд был томный, словно плавное движение колес экипажа навело на Линнет дрему. Она взглянула на мужа, склонившегося над ней, как на незнакомца. Потом взгляд ее стал твердым, и она снова прикрыла глаза. Губы ее плотно сжались.

Много столетий тому назад в западную часть Англии прибыл некий Теодор Палеолог, надгробие которого можно увидеть сегодня в маленькой церкви, омываемой приливом, возле Тамар. Фактически он был последним решительным мужчиной из этой императорской фамилии, не допуская турок в Византию. Теперь уже не удастся выяснить, что побудило его, потерпев поражение, выбрать это побережье, чтобы окончить здесь свои дни. Но он поступил именно так. И, будучи человеком энергичным, он нашел в этих краях жену и произвел на свет законных наследников. Затем род угас со всеми своими ветвями. Но поскольку он опять же был человеком энергичным, у него (согласно легенде) были и другие дети, принявшие фамилию Константайн, перешедшую к ним вместе с тем состоянием, которое ему удалось скопить. Можно сказать с определенностью, что сегодня «по ту сторону воды» (те, кто живет к западу от гавани Трой, называют так местность к востоку от нее) полно Константайнов. И хоть им и не досталось богатства этого рода, почти все они унаследовали благородство черт, выделявшее их среди соседей, – особенно это относилось к женщинам, даже если они вынуждены были трудиться на ферме.

Женщины, принадлежавшие к роду Константайнов, были темноволосые, красивые, с четко очерченными бровями; но порой рождалась девочка хоть и наделенная фамильными чертами, но со светлыми или каштановыми волосами и чуть ли не с прозрачным цветом лица. Именно такой была Линнет Константайн, мать которой, урожденная Константайн, обвенчалась со своим родственником, кузнецом. Ее не стало, когда девочке было два года.

Отец Линнет Константайн, в котором сломалась пружина честолубия, променял свою кузницу на ферму, и дочь росла там, откуда было не меньше трех миль до любого другого жилья. До начальной школы было тоже почти две мили. Именно в школе девочка смогла удовлетворить свое тщеславие, ибо была в классе первой, опередив всех соучеников. Учительница ее была модницей (по тамошним понятиям), говорила с изысканным акцентом и давала девочке почитать книги. С четырнадцати лет Линнет росла, так сказать, «под солнышком и дождиком», обитая в бедном домике. Разросшийся лук-порей доходил до самых карнизов, под которыми летом ютились стрижи. У нее не было денег на покупку нарядных платьев, но она запретила себе появляться на людях в затрапезном виде. Оглядываясь на эти годы, трудно представить себе, чтобы даже в дешевом платье она могла уронить свое достоинство, поощряя ухаживания сельских поклонников. Во всяком случае, достоверно одно: Линнет пряталась, и пряталась она столь упорно, что даже отец находил ее уединение странным чудачеством – когда случайно об этом задумывался.

А потом в один осенний день в тысяча восемьсот шестидесятых Марк Льюорн переправился «на ту сторону воды», чтобы взглянуть на урожай яблок у Проспера Константайна. Торгуясь, он не раз бросал взгляд на дочь Проспера, которая, балансируя на садовой стремянке, тянулась за яблоками, а потом спускалась с полным передником и осторожно выкладывала плоды горкой под яблоней, не повредив ни одного. Казалось, она не обращала на посетителя ни малейшего внимания.

Марк Льюорн купил весь урожай яблок на сидр и заплатил очень щедро. В начале следующей весны он попросил руки Линнет. Ей было всего восемнадцать.

Она не знала любви и не представляла, что это такое. Она читала книги. Она страстно желала увидеть мир, который там, за горами. Той весной она, бывало, стояла у калитки и, прикрыв глаза, наблюдала за стрижами и ласточками, скользившими в небесной сини и выписывавшими круги над прудом. Они проделали такой путь – от Египта до ее порога!

Однажды – через неделю после того, как она приняла предложение Марка Льюорна, – Линнет наблюдала за этими птицами, которые кружили высоко и вдруг устремлялись вниз за мошками. И тут она услышала, как скрипнула калитка, сначала открывшись, а затем закрывшись, потом – шаги. Они почти одновременно увидели друг друга – Линнет и женщина, вернее, девушка, всего на пару лет старше ее. Она была высокая, темноволосая, по-своему красивая. Держась в тени, посетительница рассматривала Линнет.

– Вы хотите спросить, как пройти к бухте? – спросила Линнет, слегка нервничая.

– Нет, – ответила та, покачав головой. – Я приехала на пароме и должна на нем вернуться. Но поскольку вы станете моей хозяйкой, мне кажется...

– Вы приехали взглянуть на меня? Ну что же, смотрите! – Линнет раскинула руки, стоя на фоне темнеющего неба.

– Да, вы красавица, чудо как хороши, – ответила девушка, сделав реверанс, и руки ее поднялись к груди, словно она хотела поплотнее запахнуть шаль, как будто в воздухе вдруг повеяло холодом.

– Как я поняла, вы будете моей служанкой – одной из моих слуг?

– Да, госпожа, и, надеюсь, самой верной. Меня зовут Дебора. Дебора Бранжъен.

Она растворилась в сумерках. Линнет услышала, как дважды щелкнул запор калитки.

– Вы не понимаете того, – сказал Марк Льюорн, наклоняясь в ландо к жене, – что я запланировал все это ради вашего удовольствия. Мужчины дальновиднее женщин, но часто именно женщины могут помочь. Сегодня днем вы – хозяйка над всем, а это шаг вверх. И если вы используете ситуацию, мы вскоре все распродадим и станем джентри¹¹, будем вращаться среди лучших фамилий. Каково, дорогая? Разве вы не понимаете, что я для вас планирую?

Молчание.

– Взгляните на эти поля справа, – заговорил он снова. – У меня пара-тройка закладных на некоторые из них. А я ведь показывал вам свое завещание, не так ли?

Снова молчание.

На поле для скачек Линнет спокойно и доброжелательно встречала всех, кто подходил к ландо. Когда пришло время вручать кубок победителю скачек с препятствиями, она сделала это изящно и по-королевски благосклонно. Она даже повернулась при этом к своему мужу, очаровательно кивнув в его сторону, словно давая понять, что лишь передает кубок от истинного дарителя. Но она не разговаривала с ним.

Перед этой церемонией и в перерыве между заездами Тим Уди распряг Мэрмана и Мерлина и завел их за палатку с напитками. Там, возле изгороди, он стреножил их, напоил и накормил, после чего прошмыгнул в палатку и хорошенько угостился виски.

Когда церемония закончилась, хозяин в дикой ярости извлек его оттуда и велел запрягать лошадей в обратный путь. Оставалось лишь состязание за утешительный приз. Тим Уди послушно запряг Мэрмана и Мерлина. Производил он эту операцию весьма тщательно, в крайне задумчивом состоянии. Даже лошадей, доставлявших короля в парламент, где он должен был произнести тронную речь, не запрягали столь старательно. Тим Уди был мертвецки пьян.

Скачки за утешительный приз начались и уже были в самом разгаре, когда Тим взобрался на козлы и направил лошадей на дорогу. Тут кто-то громко крикнул у ворот:

– Утренняя Звезда упала!

Утренняя Звезда не только упала у ближайшей изгороди, но и сломала ногу. Тим Уди во хмелю остановил лошадей, чтобы послушать. После длительной паузы из-за изгороди грянул выстрел из пистолета – прямо в уши чете Льюорн.

¹¹ Джентри – среднее и мелкопоместное дворянство в Англии.

Выстрел ударил и по ушам Мэрмана и Мерлина, и они тотчас же под углом рванули в ворота, сбросив кучера и шарахнув его о столб. Расшвыривая налево и направо лотки торговцев, они бешеным галопом помчались по дороге к Замку Дор, и мешала им лишь упряжь, которая то волочилась, то щелкала по брюху Мерлина, как хлыст. Поводья тоже болтались где-то у задних копыт – седоки в экипаже не видели. Они были совершенно беспомощны.

Марк Льюворн вскочил на ноги. Линнет услышала его вопли, заглушившие стук копыт. Покачнувшись, муж рухнул прямо ей на колени.

Она не помогла ему подняться. Ее откинуло назад, и она плотно сжала губы в ожидании неизбежного.

Глава 6

Рожденный в рубашке

Об этом неизбежном возвестил пронзительный вопль, словно бы распоровший ситцевую ширму, отделявшую жизнь от смерти, – этот ужасный крик все звенел и звенел у нее в ушах, и, казалось, в нем не было ничего человеческого. Может быть, под колеса попал ребенок и теперь он мертв?

Она сбросила со своих коленей Марка, и он упал как мешок. Шатаясь, Линнет поднялась на ноги и уцепилась за поручень козел. Она стояла раскачиваясь, переступая ногами то по пледам, то по телу мужа. Ей удалось оглянуться через правое плечо назад, на дорогу. Она была пуста, лишь на большом расстоянии галопом мчались двое всадников. За ними взгляд Линнет различал лишь скопления точек.

Но крик продолжал звучать, кричали где-то впереди, и теперь он приближался. Линнет крепче вцепилась в поручни, раскачиваясь и топчась на теле Марка. Впереди была ослепительно сверкавшая дорога, и вдруг Линнет увидела темную фигуру с широко раскинутыми руками...

У нее в ушах все еще звучал пронзительный вопль. И вдруг Мэрман и Мерлин подались назад, и оглушительный треск заглушил остальные звуки: сломалось дышло. Линнет швырнуло вперед, и она ударилась лбом о поручни, затем ее резко отбросило на подушки.

Когда через некоторое время она с трудом поднялась на ноги, то увидела нотариуса Ледрю: он доблестно удерживал Мерлина за уздечку, пытаясь успокоить лошадей, которые то вставали на дыбы, то бросались вперед, путаясь в сломанном дышле. Судя по всему, они были напуганы.

– Осторожно, мадам! И поскорее спускайтесь, – задыхаясь, вымолвил нотариус. – Слава богу, вы спасены! Если они теперь снова рванут, то их уж ничем не удержишь.

– Это *вы* их остановили? Я могу помочь? – Эти два вопроса прозвучали почти одновременно.

– О нет, что вы! Бегите туда, мадам, скорее, там, сзади! – закричал он. – Посмотрите, жив ли парень, вы его переехали...

Линнет понеслась назад. Тело лежало на дороге ярдах в двадцати от экипажа, его отшвырнуло в сторону. Подбежав к нему, она опустила на колени прямо в пыль. Линнет пыталась приподнять безжизненную голову, когда подскакали два всадника, следовавшие за экипажем. Они спешили, и тот, кто скакал впереди, поспешил на помощь нотариусу. Второй, бросив взгляд в ту сторону, склонился над Линнет и пострадавшим:

– Он мертв, мэм?

– О, надеюсь, нет! Нет. Я в этом уверена! Слушайте – слушайте, вот опять!

Она приблизила ухо к губам парня, разорвала ему на груди рубаху и послушала, бьется ли сердце. Единственным видимым повреждением была рана над самым лбом, которая кровоточила. Видимо, когда он падал, его задело обломком дышла.

– Кажется, кости не сломаны, – сказал дородный всадник, опускаясь на колени и ощупывая ноги раненого. – Вы меня знаете, миссис? Если бы нам удалось доставить его живым в Лантиэн...

– О мистер Бозанко! – воскликнула Линнет. – Смотрите – он открыл глаза! А теперь снова закрыл! А-а-ах! – вскричала она, так как мгновенно произошли две вещи – все происходило сейчас очень быстро. Слепящая молния осветила дорогу, и изгороди, и лица – много лиц, ибо со всех сторон сбежался народ. А еще повсюду была кровь: она текла из раны на голове у парня, попадая на подбородок и горло, она была везде. «Откуда?» – гадала Линнет.

Она услышала, как фермер Бозанко призывает толпу отойти, чтобы пострадавшему было побольше воздуха.

– Но у него кровь – кровь всюду! – воскликнула Линнет.

Ее голос был заглушен раскатом грома. Когда гром стих, она услышала, как мистер Бозанко говорит:

– Это ваша кровь, миссис, ваша собственная кровь капает, мэм, уж извините меня. У вас все лицо в крови.

Он достал большой красный носовой платок и протянул его Линнет. Но она уже ощупывала свое лицо. Когда она посмотрела на свои ладони, они были в крови. У нее была рана над бровью, – вероятно, она ударилась, когда ее швырнуло на поручни.

С детства Линнет презирала себя за склонность падать в обморок при виде крови. Сейчас она раскинула руки – и тут же полил дождь, как будто она вызвала его этим жестом. Дождь лил как из ведра, падал сплошной завесой, которая отгородила их от толпы. В течение десяти секунд Линнет вымокла насквозь. Когда она снова инстинктивным жестом подняла руки, то увидела, что они снова белые, и, словно по заказу, опять сверкнула молния. Эта вспышка осветила лицо Амиота, и оно тоже было чистым, а еще – мокрым и бледным, как лицо утопленника. Брызги дождя отскакивали от дороги, яростно шипя.

Дождь закончился столь же внезапно, как и начался; тучи разделились на два темных батальона и направились в сторону моря, а в просвете засияло солнце. Чья-то рука обняла Линнет за плечи – это был фермер Бозанко.

– Прошу прощения, миссис, но мне показалось, что вы сейчас лишитесь чувств. Когда вы вот так вскинули руки...

Она приподнялась на коленях. С полей шляпы фермера, когда он наклонился, на грудь ей начал стекать ручеек.

– Нет. Займитесь *им*!

Над Амиотом, ощупывая его тело, уже склонился нотариус, которого освободили от лошадей. Бросив взгляд в сторону Бозанко, он резко приказал:

– Возьмите мой носовой платок и перевяжите ей лоб.

Пока фермер возился с платком, к ним торопливо подошел муж Линнет. Он выполз из ландо целым и невредимым. Как большинство трусов, он разъярился, когда опасность была уже позади. А увидев, что дорогое платье жены измято, испачкано и покрыто пятнами крови, он начал срывать свою злость прямо при толпе, которую только что прибывший констебль выстраивал полукругом.

– Что заставило вас прыгать – это же безумие! – воскликнул он злобно. – Вы же могли убится! И полюбуйтесь, что вы сделали с платьем, будь оно проклято!

Услышав его, Линнет медленно повернулась, и повязка, которую неуклюже наложил фермер Бозанко, соскользнула. Слова так и просились Линнет на язык, но она не произнесла ни звука.

– Вы ранены! Вы ранены! – завопил Марк, увидев ее лицо, по которому снова начала струиться кровь; его гнев перешел в ужас и озабоченность, колени задрожали. А Линнет в душе стала презирать его еще сильнее, чем прежде.

Когда они стояли так друг перед другом, кто-то вдруг закричал: «Доктор!» Толпа подхватила это слово громким шепотом: «Доктор, доктор!» – и расступилась, образуя проход.

При свете солнца, вызолотившего дорогу и мокрые изгороди, они увидели серую кобылу, которая приближалась легким галопом. На ней ловко сидел человек средних лет, закрывавший огромный зонт; поглощенный этим занятием, он ничуть не заботился о поводьях – они висели на согнутом мизинце левой руки. Наконец зонт, высоко поднятый над порыжевшей шелковой шляпой, благополучно закрылся. Доктор Карфэкс въехал на арену. Перекинув ногу над сачком для ловли бабочек, который был приторочен к седлу, он спешил. Это был человек среднего роста, чисто выбритый, с очень некрасивым лицом, но с осанкой, отличавшейся непринужденностью и достоинством. Уверенный взгляд из-под седых кустистых бровей выдавал сельского джентльмена, привыкшего внушать почтение. Инстинктивно выделив в толпе нотариуса, который не был знаком ни ему, ни собравшимся, доктор громко обратился к нему:

– Простите, если опоздал, сэр! Посылал за линейкой для Уди: у него сильное сотрясение, но ничего страшного. Господь милостив к таким, как он. Я послал полицейского за второй линейкой. По-видимому, она понадобится. Удачно вышло, что я случайно тут проезжал.

Доктор осмотрел пострадавшего, первым делом осторожно стянув с парня рубаху и обнажив его грудь. Прodelав это, он взглянул на нотариуса, которому доверил свой зонтик:

– Передайте его нашему другу Бозанко, сэр, и возьмите это. – Он вытащил из своего объемистого кармана корпию. – И если можно, займитесь миссис Льюорн. Мне кажется, у вас это получится лучше, чем у него.

– Мне никогда не удавалось завязать узел, – скромно признался мистер Бозанко, – даже на собственном шейном платке. Я всегда повторяю: да поможет Бог, чтобы я не пережил свою хозяйку!

Рана на лбу Линнет была неглубокой, и кровотечение уже почти прекратилось, но все же с помощью корпии и чистого носового платка нотариуса Линнет была оказана помощь.

– Посмотрим, посмотрим... – бормотал доктор Карфэкс, делая свое дело проворными и осторожными руками. – Ну конечно, ключица; два-три ребра и рана на голове – пока ничего страшного. А теперь кто-нибудь помогите мне его приподнять... Осторожно, очень осторожно, я вам сказал.

Он провел рукой по спине и, дойдя до лопатки, вдруг изумленно поднял глаза:

– Что за черт!

Нотариус кивнул:

– Вы видели?

– Нет, не видел. Но нащупал.

– Я расскажу вам об этом позже, это другая история. Она не имеет никакого отношения к происшедшему.

– Ну что же, ладно... А вот и линейка.

– Его можно отвезти в Лантиэн, – предложил фермер Бозанко, – и добро пожаловать к нам. Моя жена – женщина заботливая, как вы знаете, доктор. А парень, который столь отважен... Никогда ничего подобного мне видеть не приходилось. Он поправится?

– Конечно поправится! Дышло, должно быть, ударило его сбоку, и он отлетел в сторону. Это просто чудо, что по нему не проехалось колесо и он не попал под копыто. Посмотрите, вот след от подковы у него на шапке – отпечатался так четко, что не смыл даже дождь. Через пару недель он снова будет в полном порядке.

– Это хорошая новость. А когда он сможет передвигаться... Пожалуй, я поговорю об этом со своей женой, – сказал фермер.

– Не говорите с ней сейчас. Просто возьмите парня к себе. Уложите его на полу в вашем холле и скажите, что я буду черед двадцать минут.

Доктор Карфэкс повернулся к двум подъехавшим линейкам – одна была пуста, во второй лежало бесчувственное тело Тима Уди. Бегло осмотрев страдальца второй раз, доктор остановил один из экипажей, возвращавшихся со скачек, и велел доставить Уди в Трой, в маленькую больницу на Фор-стрит. Люди, сидевшие в экипаже, бодро высыпались из него и набились в другие повозки. Амиота уложили в линейку.

Мэрмана и Мерлина, которые уже успокоились и присмирели, повели домой, в стойло. С ближайшего поля доставили ломовую лошадь, чтобы она оттащила ландо Льюворнов в колесную мастерскую, находившуюся на перекрестке дорог. Когда разместили пострадавших, во второй линейке нашлось место для Линнет, ее мужа и нотариуса. Итак, все покатило в Трой, а доктор Карфэкс, перемолвившись парой слов с мистером Бозанко, вскочил на лошадь и медленно двинулся за первой линейкой.

Глава 7

Доктор Карфэкс и дискуссия за ланчем

– Это было слово «Лантиэн», – сказал нотариус, – и парень произнес его четко, на английский манер, сделав сильное ударение на «и», так что следующий за ним звук «э» проглатывается, и слово звучит как «Лантин». Я заметил, вы почти так же произнесли его сейчас, и фермер тоже, – кажется, его имя Бозанко.

– Именно так мы и произносим его в этих краях, – ответил доктор, осторожно счищая ножом кожуру с лимона. – Насколько я понимаю, вы в некоторой степени филолог, а может быть, еще и историк. Дело в том, что на «лан», «стоу» и «честер» ударение не ставится, что вполне естественно: Морвенстоу, Бридстоу, Ландульф, Ланкелли, Дорчестер.

– Простите, но дело не совсем в этом, точнее – меня изумляет вовсе не это, в данный момент я не думаю о филологии. Разумеется, я знаю свой бретонский язык и немного корнуолльский – вполне достаточно, чтобы правильно поставить ударение в названии любого места, когда вижу его напечатанным.

– Вы скромничаете. – Доктор бросил в чашу с пуншем всю кожуру лимона, срезанную в виде идеальной спирали.

– Предположим, это так. В таком случае я остановлюсь на двух моментах. Во-первых, этот Амиот предугадал слово, неизвестное ему, которое вертелось у меня на кончике языка; во-вторых, что еще более удивительно, он предугадал мое произношение и исправил его. Я бы произнес это название как «Лантэн» – что-нибудь в таком роде.

Доктор Карфэкс наклонился над огнем, чтобы водворить чайник обратно на таган. Он сам предложил месье Ледрю зайти и покурить вместе после обеда, и нотариус с благодарностью принял приглашение, радуясь перспективе побывать в этом уголке мира, в гостях у «оригинала». Но когда его принял учтивый, изысканно одетый джентльмен в прекрасно обставленной библиотеке, у камина, в котором пылал огонь, гость перестроился с быстротой, делающей честь его манерам. Комната была с низкими балками, но просторная, с большим эркером, из которого открывался вид на гавань, и в окно проникал рокот прилива и плеск волн. Над камином висел портрет молодой женщины, выполненный акварелью. Это была единственная картина в комнате, тускло освещенной четырьмя восковыми свечами, стоявшими на столе. Они горели в старинных серебряных подсвечниках, хорошо почищенных. Месье Ледрю также обратил внимание, что в комнате пахнет лавандой. Аромат исходил от двух больших ваз, которые он только что заметил: одна стояла на столике из полированного дуба, другая – на высоком комод. Стены до самого потолка были в книжных полках, уставленных коричневыми томами; то тут, то там на переплетах поблескивала старинная позолота, перекликаясь с пламенем в камине.

– Давайте рассмотрим обе ваши загадки по очереди, – предложил доктор Карфэкс, отступая к столу и набивая трубку табаком. – Что касается первой, то могу вам сказать, что я вовсе

не скептик. Да, передача мыслей – это факт. Кто из нас один, два или множество раз в своей жизни не предугадывал слова, которые собирается произнести другой? По роду моей профессии мне часто приходилось выслушивать исповеди, и на основании накопившихся фактов я могу с уверенностью сказать, что среди супружеских пар, когда муж и жена спят вместе, такое случается очень часто. Когда-то, – он затаился, – когда-то, – повторил доктор, – я частенько отгадывал, что именно скажет кто-либо... Но я рад заметить, что никогда не обладал даром ясновидения.

– Я думал, – сказал нотариус, – об этом мальчике.

Затем он рассказал доктору Карфэксу, откуда взялись рубцы на спине и плечах Амиота, и потом продолжил:

– Допустим на минуту, что одно человеческое существо может предугадать мысль другого и выразить ее в словах. Но это меня не удовлетворяет. Это не полностью объясняет... Я забыл вам сказать, что уже во время нашего путешествия по реке он мне признался, что этот пейзаж: водная гладь и холмы, поросшие лесом, – напоминает ему о каком-то месте, которое он знал когда-то, но не мог сказать, где оно. Когда я стал его расспрашивать, он не мог вспомнить ничего определенного: возможно, видел какое-то похожее место во младенчестве или, возможно, это был всего лишь сон. Обнаруживаете ли вы какую-либо связь между этим и тем, что он сорвал слово «Лантиэн» буквально с кончика моего языка? Я имею в виду лишь возможную связь.

– Конечно обнаруживаю. Я также думаю, что этот юноша, у которого не было друзей, пока вы не спасли его с этого ужасного корабля, этот несчастный, который был совершенно издерган и вымотан, наверное, ощутил, что неожиданно плывет на этой лодке в рай.

– Но со сломанной скрипкой.

– Хотя скрипка и была сломана, перед ним открылся настоящий рай.

– Вы только что сказали, – вежливо возразил месье Ледрю, – что в какой-то период своей жизни заранее угадывали, что именно скажет некая особа.

Доктор Карфэкс вынул изо рта трубку.

– Touché!¹² В то время я был молод и переживал муки первой любви.

– Ах! – тихонько выдохнул месье Ледрю. – Так вы думаете...

– Нет, не думаю, – отрезал доктор, словно запирая неосторожно приоткрытый ставень. – Нет, не думаю, – повторил он. – Возможно, мне следует сказать вам, что я в некотором роде, по своему, являюсь человеком науки. О, у меня нет никаких ученых степеней! Можете называть меня натуралистом, если вам хочется загладить своей любезностью мое нелюбезное приглашение войти в дом через дверь врачебного кабинета. Истина заключается в том, что мое парадное крыльцо заняла одна леди – довольно неприятная леди. Вчера она убила своего мужа и съела его. Короче говоря, это садовый паук, чьи повадки я наблюдаю последние две недели. Почему она выбрала мое парадное крыльцо? Почему Лето¹³ выбрала Делос, чтобы произвести там на свет Аполлона? Во всяком случае, я запер парадный вход, дабы не тревожить ее, и прикрепил там табличку с просьбой, чтобы посетители прошли кругом, ко входу во врачебный кабинет.

Доктор Карфэкс поднялся, снял с огня свистящий чайник и сосредоточенно занялся приготовлением пунша в чаше. Эта процедура исключала какие-либо разговоры. Когда она была закончена, доктор взял два бокала с высокими ножками и, быстро поднеся их к пламени свечи, ловко наполнил доверху.

– Оцените, – сказал он, передавая нотариусу дымящийся бокал.

¹² В яблочко! (фр.)

¹³ Лето – в греческой мифологии дочь титанов Коя и Фебы, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду. Остров Делос приютил богиню, став священнейшим из островов; там Лето и родила своих детей.

– Вкусно, – сказал месье Ледрю, сделав глоток, и добавил через секунду: – О, удивительно вкусно. Да вы просто художник, доктор Карфэкс.

– Я натуралист, как уже говорил вам. Мой дед тоже был натуралистом, но лучше меня, ибо придерживался только фактов, которые наблюдал, совершенно не теоретизируя.

– Он тоже был доктором?

– О да! У нас в семье было три поколения врачей, и я, бездетный, буду последним в роду. Но все мы, пожалуй, подозревали, что наша практика – чистый эмпиризм и лучшее, что мы можем сделать, каждый в своем приходе, – это облегчить страдания и внушить уверенность, которая облегчает эти страдания. Я говорю не об исключительных случаях или сложных хирургических операциях, а о той загадочной уверенности, которую может внушить доктор, просто войдя в дом и положив в холле шляпу и перчатки. Итак, все мы, Карфэксы, были врачами, но нас все же занимало нечто, находящееся за пределами эмпиризма. Подытоживая все, что мы знали, втайне мы всегда искали в природе какое-то шестое чувство – и у человека, и у паука. Вы понимаете, куда я клоню?

– Начинаю понимать, – с интересом ответил нотариус Ледрю, удобно расположившийся в кресле. В тех случаях, когда старики не рвутся выговориться сами, они – самые лучшие слушатели.

Доктор Карфэкс подошел к буфету, стоявшему в углу, достал из него нечто вроде серебряного кубка с крышкой и, наполнив его горячим пеплом из камина, осторожно опустил в чашу с пуншем, чтобы подогреть жидкость.

– Любопытно, – заметил он задумчиво, – что серебро не вредит пуншу. И сидру тоже. А вот для любого вина металл – яд. Как только самое лучшее вино соприкоснется с металлом, оно безнадежно испорчено, причем мгновенно. – Обернувшись к месье Ледрю, он протянул ему вновь наполненный бокал. – Так вот, как я говорил или собирался сказать, у вас в голове засело слово «Лантиэн». Во время путешествия по реке ваши мысли были заняты Лантиэном. Кроме того, вы надеялись, вопреки всему, найти остров. Могу я спросить, уж не тот ли остров вы искали, на котором Тристан сражался с ирландцем Морхольтом?

Нотариус вздрогнул словно от звука выстрела и с изумлением взглянул на доктора Карфэкса:

– Как! Значит, вы тоже об этом знаете?

– А почему бы и нет? – сухо ответил доктор Карфэкс и, подойдя к книжным полкам, указал на несколько тонких томиков, плотно прижатых друг к другу. Он слегка потянул за один из них, затем водворил его на место и снова повернулся к своему гостю. – Кто может сказать, какими путями приходят к нам сведения, когда они нас интересуют? Перед тем как стать натуралистом, я собирал книги, и наше Общество антиквариетов, членом которого я был, имело связи с аналогичным обществом по вашу сторону Ла-Манша. Мы передавали трактаты из одного общества в другое, и любимой нашей темой было сходство топографических названий в Бретани и Корнуолле, а также местные легенды. Вначале я был совершенным невеждой. Как большинство корнуолльцев и англичан, я считал, что двор короля Марка находился в Тинтагеле, что Изольда высадилась там, прибыв из Ирландии, – а если вы взглянете на побережье, то поймете, что это невозможно. И только когда я прочитал Беруля...

– Ах! – воскликнул нотариус. – Значит, вы читали Беруля!

– Рукопись двести семнадцать, – процитировал хозяин, – *du fonds français de la Bibliothèque Nationale, le commencement et le fin du poème sont perdus*¹⁴, двенадцатый век – самый ранний сохранившийся манускрипт из всего, что написано о Тристане. Да, я читал «Роман о Тристане» Беруля, по крайней мере ту часть, которую профессор ученого общества, о котором я только что упомянул, счел нужным процитировать. Сюжет восходит к шестому

¹⁴ Из французского фонда Национальной библиотеки, начало и конец поэмы утрачены (*фр.*).

веку, а то и ранее, и это сказание передавалось от отца к сыну, скорее, от матери к дочери, пока ваши странствующие трубадуры не подхватили его и не превратили в поэзию.

– Романтизируя похоть и распущенность и превращая их в бессмертную любовь, – прошептал нотариус.

– Можно сказать и так, – ответил Карфэкс, – однако мой опыт врача свидетельствует, что в целом результат был благотворен. Не хлебом единым жив человек, точнее, простите за прямоту, не только совокуплением. Мечтательную сторону натуры тоже надо удовлетворять. Позвольте мне рассказать вам кое о чем. Лет девятнадцать тому назад ждал я в Замке Дор появления на свет младенца – это та самая молодая женщина, которая чуть не погибла сегодня в экипаже, когда лошади понесли, – и, когда я бодрствовал под звездами, мне показалось, что я близок к какому-то прозрению. Я не знал, что это такое, разгадка была мне не под силу. И вот, много месяцев спустя, читая вашего поэта Беруля, я обнаружил слово «Lancien» – древний вариант нашего «Лантиэна» – и осознал, что если его слова верны, то все свое детство – разоряя птичьи гнезда, собирая в лесу куманику и орехи или просто предаваясь праздным мечтам – я ходил по тропинкам одной из величайших в мире историй любви.

– И что же?

Доктор Карфэкс размышлял с минуту, пытаясь оживить прошлое, стертое временем, – лишь аромат его сохранился в лабиринтах памяти, словно цветок, забытый между страницами книги.

– Меня озарило, – ответил он наконец. – Я взял «Роман о Тристане» Беруля, вернее, отрывки из него, напечатанные в журнале нашего общества, – чтобы перечитать его снова в Замке Дор и в лесах Лантиэна, где, по утверждению вашего поэта, Тристан когда-то назначил свидание королеве Изольде. Припоминаю, что там как раз валили дубы ради коммерческих целей какой-то фирмы, контора которой находилась за пределами Бодмина, и стволы свозили на саях к бухте, чтобы сплавлять их бог знает куда. Но в тех местах, где вырубали деревья, удивительно пышно разрослась наперстянка, прикрывая холм и оказывая первую помощь поруганной красоте.

Он поднялся с кресла и встал у окна, глядя на гавань. Не так уж и притупилась у него память. Он вспомнил, как шмели пили нектар из цветов, как сверкали крылья стрекозы, как внезапно взлетали напуганные голуби.

– Это один из самых чудесных фокусов Природы, – продолжал он, – когда после опустошения вырастает дикий цветок. Снесите дом, разрушите город – и на следующий год вы увидите там целое поле одуванчиков. Глядя на изобилие наперстянки, выросшей в разоренном лесу, я размышлял: возможно, почва, когда-то породившая такую историю, как история о Тристане и Изольде, никогда больше не возродит подобный цветок, но все же не в силах будет позабыть его и воздержаться от попытки снова дать ростки...

Доктор Карфэкс резко оборвал свою речь и, бросив на гостя быстрый взгляд из-под кустистых бровей, вернулся в свое кресло.

– Простите меня, – сказал он. – Вы видите, я не настолько человек науки, чтобы порой у меня не возникали... романтические теории. Точнее, они возникали у меня когда-то... *Revenons a nos moutons*¹⁵.

Нотариус смахнул со своего галстука воображаемую мошку.

– Я не заметил, – мягко возразил он, – чтобы мы от них отвлеклись. А ваши романтические теории, как вы их называете, представляют для такого старика, как я, больший интерес, нежели ваши изыскания, связанные с обычным пауком. Однако скажите: прочитав Беруля, что вы думаете о его топографии?

¹⁵ Вернемся к нашим баранам (*фр.*).

– Что он был точен, – ответил Карфэкс, – и это можно доказать, исследуя историю старых маноров¹⁶ и изучая названия мест. Этот Лантиэн, который вы ищете, несомненно Лансьен оригинального романа. Я верю – а Беруль знал, – что двор короля Марка находился там, где Замок Дор, и оттуда он правил всей этой частью побережья Корнуолла; что Тинтагель, находящийся на севере, никогда не имел никакого отношения к этой истории; что Изольда и Тристан любили и страдали на этом самом месте под деревьями, потомков которых, покрытых зеленой листвой, я покажу вам завтра. Приготовьтесь к тому, что вы увидите простой фермерский дом, а не дворец. По пути я познакомлю вас еще с одним из своих пациентов, который, согласно моему предписанию, для поправки здоровья изучает грачей, вместо того чтобы принимать лекарства.

Нотариус улыбнулся. Нечасто приходилось ему встречать человека, взгляды которого на жизнь настолько бы совпадали с его собственными, как в случае с этим врачом из маленького приморского городка на побережье Корнуолла.

– Минуту назад, – признался он, – у меня на кончике языка вертелся вопрос, который может показаться абсурдным. Вы педант в том, что касается научного метода?

– Без него любая догадка – дитя самонадеянности.

– Тогда скажите откровенно: как же вы, в таком случае, считаете возможным, что определенное место – скажем, вода, лес, старинные здания – может хранить память, чуть ли не мысль, и даже порой оглашать это с помощью человеческих уст?

Доктор Карфэкс встал, помешал в камине угли и, подбросив в огонь полено, обернулся к нотариусу.

– Как, сэр? – переспросил он. – Да никто, кроме философа с прочной системой, не стал бы отрицать такую возможность. Видите эту кочергу? Ваш сторонник системы изливает презрение на бедную женщину, которая, после того как разожжет огонь в очаге, вертикально прислоняет кочергу к решетке. Откуда ему знать, как доказать свою правоту? Против него – практический опыт многих поколений женщин, которые всю жизнь помешивали огонь в очаге. Они не знают, *почему* так делают, но они это делают. Все, что ему известно, – это то, что он не может объяснить, почему кочерга, поставленная вертикально, должна помочь огню разгореться. Кстати, она часто помогает.

Для иллюстрации доктор Карфэкс прислонил кочергу к камину.

– Словарь человека науки не должен включать слово «невозможно» – так же, как не включал его словарь Наполеона. Откуда нам знать, что ветка не расцветает от удовольствия из-за того, что на нее села птичка? У травинки есть разум. У плюща довольно разума, чтобы виться по стене, осуществляя идею Создателя. Вы полагаете, что они увядают и возрождаются без всяких воспоминаний?

– Растение – это растение, – возразил месье Ледрю. – А вот пейзаж с рекой и лесом – другое дело. Это скопление, сочетание тысяч, миллионов отдельных вещей, что позволяет им даже чувствовать.

– Ну вот! Таковы и вы, и я, и любой кочан капусты. Что-то *может* произойти – скажем, раз в тысячу лет, – и на этом клочке земли все элементы соберутся воедино в тот момент, ради которого, согласно нашей фантастической, но тем не менее вполне научной гипотезе, эта частица мироздания корчится в родовых муках. Однако вы совершили долгое путешествие и устали. Позвольте мне зажечь фонарь и проводить вас в гостиницу. Завтра, если у вас не найдется занятия получше, вы усядетесь в мою двуколку и позволите отвезти вас в Лантиэн, я намерен навестить там своих пациентов.

¹⁶ Манор – феодальное поместье в средневековой Англии; ныне в Великобритании – особняк или главный дом поместья.

Глава 8

Предписания доктора Карфэкса

На следующий день ранним утром доктор Карфэкс послал гонца в «Розу и якорь», чтобы сообщить, что он отправится к своим пациентам в одиннадцать часов; что собирается нанести визит и в Лантиэн; что день просто чудесный; что он сочтет за честь, если месье Ледрю составит ему компанию в его двуколке. Нотариус принял это приглашение весьма охотно.

– Кассандра, – сказал доктор, когда они отправились в путь, – вначале ходила под седлом, и теперь, когда ее запрягают, шаг ее – да, старушка? – бывает слегка неровен. Она тоже это знает и знает также, что это знаю я. По взаимному соглашению она обычно сама решает, с какой скоростью ей следовать, и приспособливает свой шаг к моей привычке читать в пути книгу. Она благоразумно уступает дорогу любому экипажу и даже любому живому существу, встретившемуся ей, исключение составляют свиньи. Если мы вдруг столкнемся со свиньей или священником...

Тут доктор пустился в обсуждение антипатий некоторых животных к другим, особенно среди четвероногих, присовокупив сюда и ряд людских суеверий. Затем он вынырнул из этих глубин на поверхность, издав восклицание по поводу чудесной погоды и поездки, которая у них впереди. Месье Ледрю похвалил плавный ход двуколки, и как раз в этот момент из калитки, мимо которой они проезжали, с неистовым лаем выскочила овчарка, но, заметив в руке доктора хлыст, в ту же секунду ретировалась.

– Однажды, – спокойно произнес доктор, в то время как Кассандра продолжила свой путь, – я преподавал урок этой собаке. Мы называем ее Достопочтенный Доктор Вульгариус.

Он принялся описывать, как лучше всего защититься от нападения одной или нескольких собак:

– Конечно, если у вас с собой окажется толстая палка, нужно бить по передним лапам. Но мой отец зафиксировал в рукописи, оставшейся после него, такой эксперимент: если резко сесть и рассмеяться, это укротит самую злобную собаку, причем мгновенно. Что касается меня, то мне всегда не хватало для этого мужества.

– *Chem faisant*¹⁷, друг мой, – сказал месье Ледрю, когда они покатали меж высоких изгородей, – как вы понимаете этот поразительный вопль, который издал вчера наш юный друг?

– Расскажите. Мне не пришлось его услышать.

– Я стоял тогда на валу, над дорогой, и мне казалось, что его должны были услышать и через три поля.

– А я вот не слышал. Насколько мне помнится, играл духовой оркестр, наши местные любители. Я также припоминаю, что при первых же тактах стая куропаток вылетела из своего укрытия и понеслась через долину. Я их не виню: ведь они не могли, подобно мне, заткнуть уши, чтобы не слышать медь.

– Этот пронзительный крик, – задумчиво произнес месье Ледрю, – не был похож ни на что на свете. Он остановил лошадей так, словно в них выстрелили.

– Этот парень когда-нибудь имел дело с лошадьми?

– Не знаю. Правда, судя по тому, что мне известно о месте его рождения, можно сказать, что его знакомство с четвероногими ограничивалось вьючными ослами.

Они проехали по тропинке, поросшей травой, и почти сразу же очутились перед воротами, за которыми виднелась усыпанная гравием подъездная аллея, а слева, у самых ворот, – сторожка с соломенной крышей. Навстречу уже спешила бодрая женщина средних лет, должно

¹⁷ Между прочим (*фр.*).

быть узнавшая звук колес двуколки. Она открыла им ворота, приседая в реверансе и одновременно крича через плечо:

– Уильям Генри! Уильям Генри!

На зов выбежал румяный мальчуган лет восьми.

– Уильям Генри, беги-ка вперед и открой ворота для доктора.

– Ох, миссис Карн, миссис Карн! Почему этот паренек не в школе?

– Он мой младшенький, доктор, и уж такой слабенький!

– Я знаю, что он ваш младший, мне ли этого не знать! И знаю также, миссис, что он вовсе не слабенький.

– Сегодня рано утром он так сильно кашлял! Вы бы только слышали!

– К счастью для вас, сэр, я этого не слышал. – Доктор погрозил мальчику хлыстом. – Это может ударить побольнее, чем розга учителя. Ну давай же, беги.

Мальчишка стремглав помчался вперед. Поначалу они ехали по аллее, которую образовывали высокие деревья, затем свернули к воротам, откуда открывался вид на широкое поле. Слева виднелось пастбище, круто спускавшееся к крошечной бухте, а на дальнем берегу – пасторальный пейзаж с парой ферм и дальше – высокая гора с Заком Дор, которая четко вырисовывалась на фоне неба. Где-то далеко внизу скорее угадывалась, нежели была видна река, а за ней – леса.

Доктор осадил лошадь, когда мальчик открывал следующие ворота.

– Вы слышали, как я только что сказал, – заметил он своему спутнику, – я точно знаю: это младший ребенок той женщины. Она мать семерых и аккуратно платила мне за каждые роды, когда я принимал следующие. «А за последнего, – хвалилась она соседям, – я не заплачу, вот вам крест». И она не заплатила, черт возьми! Уильям Генри подпадает под закон о сроках давности. Да, занятный народ живет в этих краях, но и чудесный – чем больше их узнаешь, тем большее уверяешься в этом.

– Меня поражают их искренность и вежливость. И они странным образом похожи на народ моей родной Бретани.

– Вежливость – да. Но искренность?.. Ну что же, снова да, если вы до нее доберетесь. Но вам придется копать глубоко, чертовски глубоко, чтобы добраться до этого пласта, – вплоть до «печального, забытого былого», как сказал Вордсворт¹⁸. Мы – древняя раса, сэр, искренняя и жизнерадостная в своем кругу, и особенно жизнерадостная и ребячливая со своими собственными детьми, но при этом мы очень скрытные и браки заключаем только между своими.

– «Печальное, забытое былое», – тихим эхом отозвался месье Ледрю, но доктор его не слушал.

– Сомневаюсь, – сказал он, – смог бы врач общей практики прокормиться в этих краях, если бы не следовал моему примеру: экономить на лекарствах и позволять большинству пациентов умирать естественной смертью. Слышите этих грачей на соседнем поле?

– Я их слышу – всего несколько.

– С наступлением ночи вы сможете услышать пару сотен. Грачи еще один из моих рецептов, предоставленных Природой, причем и для богатого пациента. И я собираюсь вскоре использовать его самого в качестве рецепта для другого больного. Вам нужно с ним познакомиться. Его фамилия Трежантиль, а это место называется Пенквэйт.

Доктор Карфэкс бросил лукавый взгляд на своего спутника.

– А вот это, – продолжил он, – я оставил *pour bonne bouche*¹⁹. Вон там, на мысу, – он указал хлыстом налево, – леса Лантиэна. Они тянутся по холму до самого Лантиэна, который находится в долине. Между прочим, мы их исследуем.

¹⁸ Цитата из стихотворения английского поэта У. Вордсворта (1770–1850) «Одинокая жница».

¹⁹ На закуску (*фр.*).

– Мы не пойдем в дом, – инструктировал доктор Карфэкс Уильяма Генри, – если мистер Трежантиль занят в своей беседке, как я и предполагаю. Закрой за нами ворота, сын мой, пока мы будем высаживаться, и присмотри за Кассандрой, чтобы она не попала в беду.

Ребенок робко усмехнулся. Доктор помог высадиться месье Ледрю и спустился сам. Кассандра, предоставленная самой себе, побрела на берег и принялась щипать траву.

Дорога здесь, на третьем лугу, довольно круто шла в гору, огибая склон холма. На вершине она была защищена двойной полосой из деревьев. Туда-то и направился доктор, шагая по дерну. Месье Ледрю следовал за ним. Внутренняя полоса деревьев состояла из буков, крепких и не очень высоких, которые были высажены полукругом; внешняя – из вязов, они были гораздо выше. На них виднелось множество грачиных гнезд.

Из-за буковых стволов вышел высокий мужчина и остановился, поджидая их, на самой вершине.

– А, я так и думал, – сказал доктор и, приблизившись, добавил: – Я привез гостя из Бретани. Позвольте его представить: это месье Ледрю.

Мистер Трежантиль поклонился. Они еще не приблизились настолько, чтобы можно было обменяться рукопожатиями.

– Позвольте мне избавить месье Ледрю от необходимости и дальше карабкаться в гору, я провожу его в дом, – предложил мистер Трежантиль.

Это был худой мужчина средних лет с удивительно тонкими ногами, что было хорошо видно снизу. У него был нездоровый, желтый цвет лица и изнуренный вид.

– Нет, ни в коем случае, – возразил доктор. – Вы войдете в дом не раньше, чем оттуда исчезнет коричневый шерри. Для вас, который будет настаивать на том, чтобы мы разделили его с вами, это самый пагубный напиток, какой только можно вообразить. – Он повернулся к нотариусу. – Мне следует объяснить, что мистер Трежантиль почти совсем загубил свою печень в результате тридцатилетнего проживания в Индии. Но я ее подлечиваю, слава богу! – Затем он обратился к мистеру Трежантилю: – Есть какой-нибудь отчет о грачах за сегодняшнее утро?

– Очень небольшой. Сегодня утром они улетели в семь пятнадцать – в Лантиэн и дальше. Я набело переписал свои заметки и как раз заканчивал ежедневную карту, когда услышал стук колес вашего экипажа.

– Проводите нас в беседку, мне хотелось бы взглянуть на эти бумаги.

– Вы прервали меня, доктор, когда я приводил их в порядок.

– Это не важно. У вас уже более здоровый вид, и у меня есть к вам поручение, которое будет только способствовать вашему выздоровлению.

Мистер Трежантиль взглянул на него с подозрением.

– Если бы вы только знали, как я страдаю ночью, – жалобно произнес он.

– Я прекрасно это знаю. И моя задача – вас вылечить, но постепенно, вы же понимаете. Пойдемте в беседку и посмотрим сегодняшнюю карту и записи.

Мистер Трежантиль, пробираясь между буками, отвел их в беседку, крытую соломой, из которой открывался отличный вид на грачиные гнезда. Месье Ледрю показалось, что беседка размещена здесь вовсе не случайно: отсюда нельзя было увидеть ничего, кроме этих гнезд. Из мебели здесь стояли только скамья, плетеное кресло и грубо сколоченный стол, на котором в идеальном порядке размещались телескоп, бинокль, принадлежности для письма, стопка маленьких записных книжек, коробка с сигарами и несколько листов рукописи, придавленных бронзовым пресс-папье. Мистер Трежантиль предложил нотариусу присесть на скамью, извинившись, что на ней нет подушек, в то время как доктор без всякого приглашения уселся в кресло, надел очки, взял бумаги и, произнеся «Хм!», стал их молча просматривать. Однако после второй страницы он откинулся на спинку кресла и начал читать вслух:

– «День чудесный и теплый – почти как в середине лета. Многие вернулись после завтрака в шесть утра. С шести до семи утра и позже они были удивительно шумными и бойкими. Галки,

летавшие стаями, галдели еще громче, чем грачи. Осенняя заметка о птицах относительно перемены, которую различило мое ухо начиная с шестнадцатого или семнадцатого августа, теперь подтвердилась. Она указывает на возврат к их зимним привычкам после того, как они вывели птенцов...»

Доктор Карфэкс остановился и поправил очки.

– Вы учётесь, Трежантиль, – прокомментировал он. – Но вам не следует писать «она указывает». Скорее всего, так и есть и ваше наблюдение верно, но оно просто устанавливает связь между двумя фактами. Когда вы смело заявляете, что один из них – причина, а другой – следствие, то выходите за рамки точных сведений и выражаетесь как юрист.

Доктор аккуратно сложил бумаги и прижал их бронзовым пресс-папье. Потом не спеша набил трубку и затянулся.

– А теперь послушайте меня, Трежантиль, – медленно произнес он между затяжками. – За последние восемнадцать месяцев вы необычайно выросли как наблюдатель, и, более того, хотя вы и не признаёте это сразу, вы практически здоровый человек. Продолжайте вести дневник. Но теперь я предписываю вам прогулки, начнем, пожалуй, со следующего понедельника. Каждый день вы должны будете ходить пешком в Лантиэн и обратно.

– Что вы, доктор! – запротестовал мистер Трежантиль. – Это же около четырех миль, да еще нужно обогнуть бухту.

– И я не советую вам сокращать путь, переплыв ее. Вы здоровый человек, за исключением ваших нервов и печени, – в них корень зла. Вы уже достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы окончательно восстановить здоровье с помощью посильных упражнений, и должны завершить свое лечение с помощью ежедневных прогулок в Лантиэн.

– Но я, пожалуй, не смогу...

– Вы сможете, и вы это сделаете. Вы возьмете под мышку томик «Робинзона Крузо», а по прибытии миссис Бозанко напоит вас молоком.

– Но почему «Робинзон Крузо»?

– Потому что у меня там пациент, парень из Бретани, и обучение его английскому языку станет частью вашего окончательного излечения. Он кое-что знает о море, и я думаю, для человека с вашим интеллектом «Робинзон Крузо» в качестве учебника подойдет как нельзя лучше. Как только вы научите этого парня говорить по-английски, а быть может, и немного писать, у вас будет помощник, который сможет делать для вас записи. И таким образом, вы соберете сведения о том, что именно делают грачи, когда ежедневно улетают в леса Лантиэна.

– Я сомневаюсь, доктор, что смогу справиться с этой задачей.

Доктор Карфэкс потер нос указательным и большим пальцем.

– Пути науки, – произнес он серьезно, – редко бывают легкими. Вначале – небольшая доза противовоспалительного в виде бренди с содовой. Пинта легкого вина по возвращении и заслуженный сон до чая.

– Если я смогу таким образом оказать вам услугу, доктор...

– Итак, договорились!

Доктор и месье Ледрю, отказавшись от второго предложения гостеприимного хозяина, направились обратно к двуколке. Уильям Генри открывал им ворота, а возле сторожки застенчиво принял пенни и выслушал предсказание, что он плохо кончит, как и все маленькие мальчики, которые уваливают от школы.

Глава 9

Лантиэн

Отъехав на несколько ярдов от сторожки, доктор Карфэкс свернул с дороги на тропинку, которая, казалось бы, возвращала их назад: она была почти параллельна подъездной аллее, которую они только что покинули. Однако, обогнув насаждения у входа, тропинка отклонилась в сторону и пошла вниз, в долину, по опасному склону, изрезанному колеями. Хотя Кассандра шла уверенным шагом, она два-три раза поскользнулась при спуске, и при каждом толчке месье Ледрю вцеплялся в поручни двуколки. Но тем не менее он заметил, что по левую руку все выше и выше вздымается гора, а на самой ее вершине, словно корона, вырисовывается на фоне неба Замок Дор, поросший колючим кустарником. Внизу тропинку пересекал шумный ручей, берущий свое начало в рощице бузины и уходивший через папоротник направо. Через него был перекинут узенький мостик. Кассандра вошла в ручей и остановилась на середине, чтобы попить, – это право предоставил ей доктор Карфэкс (судя по всему, он делал это всегда).

– Этот ручей, сэр, – заметил он, пока кобыла пила, – на картах не имеет названия, но местные старики зовут его озеро Дерейн. Он берет начало у подножия горы с Заком Дор и, проделав небольшой путь, направляется к бухте Вудгейт-Пилл, справа от нас, внизу, где и впадает в реку. Странное название – «озеро Дерейн», никто не знает его происхождения. Могу лишь сказать, что тот старик, который познакомил меня с этим ручьем, подтвердил, что когда-то давным-давно здесь действительно было озеро. Вон там, за рощицей бузины. Озеро с лебедями, и будто бы его создал король. Каково? Озеро Дерейн – *lac de reine!*²⁰ Какой смысл гадать? Но тот же старик рассказал мне еще более любопытную вещь. Вперед, Кассандра! У тебя уже полное брюхо воды!

За ручьем опасная дорога шла в гору – теперь это была поросшая травой тропинка, следовавшая изгибам берега, который был скрыт лесом. Слева вдоль тропинки стояли ореховые деревья, ветви которых нависали над головой.

– Хороший год для орехов, – заметил доктор Карфэкс, указывая на деревья. – В этих краях есть поговорка: хороший год для орехов – хороший год для незаконнорожденных. Я ни разу не воспользовался возможностью проследить эту связь.

Доктор Карфэкс жестом предложил месье Ледрю выйти из двуколки и позволил Кассандре свободно пастись на травке, поступая с двуколкой как заблагорассудится. Он направился к калитке, за которой был круглый луг. И тут им открылся вид, от которого у месье Ледрю захватило дух.

Перед ними была безмятежная река, а за ней, отражаясь в воде, стояла серая церковь, среди вязов, возвышавшихся над крошечной пристанью. Лес наверху, слева и справа, тоже смотрелся в зеркало воды. В нем были видны даже цапли, укрывшиеся в листве: ранний прилив помешал им ловить рыбу на песчаных отмелях.

Да и луг, на котором месье Ледрю оказался вместе со своим проводником, ничуть не меньше тревожил воображение. Он представлял собой два круга с глубокой ложбиной между ними, на дне которой была рощица, откуда доносилось журчание родника.

– Что касается этого луга, – сказал доктор Карфэкс, взмахнув рукой, – то его называют – уж не знаю, по какой причине, – Парк Грома. Но тот же самый старик, что поведал мне об озере Дерейн, рассказал также, что в стародавние времена один король (он не мог сказать, был ли это тот же самый король) искусственно создал этот красивый луг так, чтобы он походил на груди его невесты. Вот и все, что он мог мне сказать, и это все, что могу сказать я.

²⁰ Предположение основано на сходстве звучания названия *Deraine Lake* (англ.) и словосочетания *lac de reine* (фр.) – озеро королевы.

– У великих монархов бывали подобные фантазии, – пробормотал месье Ледрю. – Это не...

– Да, это цитирует Монтень. Я тоже знаю эту ссылку.

– Не понимаю, в чем дело, – признался нотариус, – но с того самого момента, как мы переправились через ручей, который вы называете озером Дерейн, на меня давит какая-то странная тяжесть.

– Вы имеете в виду тяжесть на душе, упадок духа?

– Нет... – словно размышляя, ответил месье Ледрю. И вдруг, вздрогнув, повторил: – О, вовсе нет. Это скорее тяжесть в голове, она давит на мозг и мысли, а ноги у меня стали словно ватные. – Приподняв шляпу, он провел рукой по лбу. – Так бывает, когда не можешь вспомнить чье-либо имя и мучаешься, пока память его не подскажет.

– Давайте вернемся к Кассандре, – предложил доктор Карфэкс. – Теперь дорога пойдет под гору до самого Лантиэна.

Пока они беседовали, на тропинке показалась молодая женщина, она верхом направлялась в Трой. Всадница поравнялась с ними, когда они уже собирались сесть в двуколку. Солнечные блики, пробивавшиеся сквозь ветви деревьев, скользили по наезднице и ее гнедой лошади. На губах женщины играла счастливая улыбка, которую она пыталась сдержать.

– Доброе утро, миссис Льюворт! – Доктор Карфэкс, подобрав поводья, снял ногу со ступеньки двуколки и приподнял шляпу.

– Доброе утро, доктор. И еще раз доброе утро, сэр, – поприветствовала всадница месье Ледрю, который уже сидел в двуколке.

– Вы, конечно же, возвращаетесь от нашего пациента? Ведь вы *его* посетили?

– Посетила Лантиэн, чтобы справиться о нем, – уточнила Линнет. – Я его не видела, то есть не беседовала с ним. Ночью он неважно себя чувствовал, но часам к двум забылся и все еще спит.

– Это хорошо.

– Миссис Бозанко ухаживает за ним, как ангел. Я подумала, что нужно заехать туда пораньше.

– Правильно. Однако должен сказать, что вы проявили смелость, поехав верхом на Мерлине, после всего, что они натворили вчера. Да и вообще, он не очень-то подходит для верховой езды.

– Да, это так. И по правде сказать, доктор, я с ним намучилась, пока сюда доехала. Но если лошадь один раз понесла, то чем скорее вы начнете отучать ее от этого, тем лучше. Я узнала это, когда была еще совсем юной.

– И как это муж вам разрешил?

– Мой муж даже не знает об этом! С какой стати ему знать?

Она рассмеялась и, подняв хлыст, поскакала дальше.

Ферма находилась в уединенном месте, у подножия холмов, поросших лесами Лантиэна. Из боковых окон была видна недавно проведенная железнодорожная линия, по которой с грохотом проезжали поезда, ныряя в туннель.

Ферма, которая сама была почтенного возраста, стояла неподалеку от площадки старого манора и сохранившихся будок, в которых знать держала своих собак. А этот дом в поместье был построен на несколько веков позже давно исчезнувшего дворца, следы которого отпирывалось разыскивать месье Ледрю.

– Но какова площадка, друг мой! – воскликнул он, когда двуколка, медленно покачиваясь, двинулась под гору. В некоторых местах умная лошадка Кассандра притормаживала. – Какова площадка для того времени! Дворец стоял где-то поблизости, в укромном месте. А на

горе, где Замок Дор, был лагерь, чтобы наблюдать за морем и переправой через реку и вовремя докладывать о набегах. Здесь же, в укрытии, – королевское поместье!

Доктору Карфэксу было занятно представить своего друга хозяйке фермы миссис Бозанко, которая ни в малейшей степени не походила на обычную жену фермера в Бретани, и наблюдать, как он изящно перестраивается. Миссис Бозанко была культурной женщиной и одной из тех редко встречающихся особ – правда, не столь редких в этом краю, – которые, выйдя замуж за сельского жителя, преданно перенимают традиции этой земли и, пустив в ней корни, все же приносят изысканность и утонченность. В ее саду цвели поздние осенние цветы, прекрасно ухоженные. Порог ее дома был безукоризненно чистым. Дальше – большой холл, старинный, с маленьким очагом, где пылал огонь, и вазой на столике, в которой красовались хризантемы из собственного сада. Слева от камина была лестница, устланная розовым ковром, она вела в гостиную.

Доктор Карфэкс, улыбаясь про себя, оставил месье Ледрю разбираться в новых впечатлениях и поднялся по широкой отполированной лестнице в спальню к своему пациенту.

Амиот лежал в постели и дремал, как и сказала миссис Льюворт. Доктор осторожно разбудил его:

– Вам нужно совсем немножко подвигаться – я просто хочу убедиться, что мои повязки хорошо держатся, и забинтовать пару порезов. А, вот и вода – фу-ты, черт, горячая! – и губка, и корпия. Должно быть, хозяйка услышала, как Кассандра ползет с горы.

Юноша что-то пробормотал по-бретонски:

– Ne m'éveillez donc pour l'amour de Dieu! – Речь его стала бессвязной. – Ah non, patron! Je viens de Paradis...²¹

Он снова умолк, казалось, он спит.

– Интересно, – размышлял доктор вслух, накладывая корпию, – действительно ли эта молодая женщина удовлетворялась тем, что заглянула в дверь?

Внизу, в холле, он обнаружил миссис Бозанко, которая расстелила карту на столике перед месье Ледрю.

– Это досталось нам вместе со всей собственностью, – объясняла она, – которую купил мой муж. Сегодня его нет дома, он уехал на рынок, где продают скот. Он бы объяснил лучше, чем я, ведь он знает все эти поля с детства. Вы изучаете эту карту, джентльмены, пока я накрою на стол? Потому что вы непременно должны доставить мне это удовольствие! И прошу вас, вы должны остаться, доктор, чтобы взглянуть на детей, когда они вернутся из школы.

Она не упомянула о чужом парне, к которому отнеслась с такой добротой. Еще будет достаточно времени поговорить о нем и его положении, пошептавшись с доктором в дверях. К тому же по выражению лица доктора она поняла, что нет оснований для тревоги.

Она уже направилась к двери, когда доктор Карфэкс, который, перегнувшись через плечо месье Ледрю, изучал карту, вдруг ткнул в нее указательным пальцем:

– Боже мой, взгляните на это!

– Что такое?

– Разве вы не видите? То самое место, где калитка перед полем, обозначено как «Ворота Марка» – Ворота Марка! Ворота короля Марка! О, да это решающий довод! А Вудгейт – другой подход к полю, с реки, через лес, – каково? А взгляните сюда! – Доктор постучал большим пальцем еще по одному полю на карте. – «Дверь вора» – и если мы правы, то это как раз там, где должна была находиться потайная калитка. Да, «Дверь вора», ведущая на угол «Луга священника»! О, это грандиозно!

²¹ Не будите меня, ради бога! Ах нет, господин! Я прихожу из рая... (фр.)

– Вы говорите слишком быстро, друг мой, – запротестовал месье Ледрю, но его плечи затряслись. – А скажите, мадам, что тут такое – коричневое, продолговатое, отмеченное как раз на реке?

– Это означает что-то вроде острова, сэр. Я никогда не слышала, чтобы у него было название. Он находится вот здесь, недалеко от виадука...

– Нечто вроде речного островка, как мы это называем, – вставил доктор Карфэкс.

– Остров – речной островок! – Месье Ледрю вскочил со стула. Теперь в нем не осталось и следа от давившей на него тяжести. – Мы нашли это, доктор! – вскричал он и потащил Карфэкса к дверям. – Mon Dieu²², мы нашли! Ведите меня, покажите мне его!

– Но пироги в печи как раз покрылись корочкой, джентльмены, и дети вернутся домой через несколько минут, – возразила миссис Бозанко.

– Ах! Простите нас, мадам! Этот остров ждал на тысячу лет дольше, чем ваши превосходные пироги!

Доктор Карфэкс, смеясь, вывел своего спутника из дома, и они начали спускаться к виадуку.

Это действительно был остров, хотя и отделенный от берега всего лишь узкой протокой, через которую можно было перебросить камень; маленький, длинный, узкий остров длиной в четверть мили, а может, и того меньше. Из растительности здесь была лишь свалывшаяся соленая трава, посеревшая из-за того, что ее затопляли весенние приливы. Цапля, которой помешали охотиться за рыбой, с криком неуклюже взлетела и направилась к дальнему лесу.

– Настоящий остров! – медленно повторил месье Ледрю, понизив голос, – в груди у него все пело. Затем добавил: – Давайте воссоздадим все! Эти старые авторы романов по привычке преувеличивали, но они опирались на факты.

Все утро он играл вторую скрипку при докторе Карфэксе. Но сейчас голос его уже не дрожал, старческий дискант сменился сильным баритоном, и, казалось, он стал даже выше ростом.

– Смотрите! – приказал он. – Вы знаете эту историю: как Морхольт прибыл ко двору короля Марка, сюда, чтобы собрать дань для короля Ирландии, и как, пока Марк колебался, молодой Тристан встал и вызвал ирландского посланника на поединок, чтобы решить этот вопрос; как вызов был принят, и как выбрали остров для поединка, и как два рыцаря прибыли туда, каждый на своей лодке. Марк и его двор собрались на берегу в качестве зрителей. Где – если допустить, что его дворец стоял вон там, в высоких лесах, – где, я вас спрашиваю, можно найти место, более точно совпадающее с этой историей, нежели этот остров, на который открывается вид вон с того склона?

– Ваши слова звучат убедительно, – ответил доктор, – но мне кажется, что этот остров был скорее одной из песчаных отмелей, которые обнажаются с окончанием прилива, – они находятся вон там, на главной реке. Впрочем, не важно. Беруль, если вы помните, никогда не упоминает поединок, но Готфрид Страсбургский, переделывая поэму Томаса, детально описывает этот эпизод. О да, поединок мог иметь место и на песчаной отмели между Сент-Сэмпсоном и противоположным берегом, и возле Сент-Винну, и на этом вот островке, если вы предпочитаете его. Пойдемте, у вас было более чем достаточно волнений для одного утра. Давайте вернемся на ферму и посмотрим, что приготовила для нас добрая миссис Бозанко. Помнится, она говорила о пирогах.

Месье Ледрю укоризненно взглянул на доктора.

– Мы с вами сделали открытие исторического значения, – торжественно произнес он, – а вы поглощены насущными заботами.

²² Боже мой! (фр.)

– Если это и так, – ответил доктор Кэрфакс, – то вы должны винить мой профессиональный глаз. Вы дважды споткнулись, когда мы спускались с холма к виадуку, и я подозреваю, что, подобно всем французам, вы позавтракали одним лишь кофе.

Он решительно повернулся к острову спиной, и нотариус неохотно последовал за ним. На обратном пути в Лантиэн нотариус попытался воссоздать картину, которая открывалась здесь взору несколько столетий назад, когда речушка перед ними была полноводной рекой, притоком большой реки, и несла свои воды прямо под окнами королевы, перед древним дворцом Лансьен, располагавшимся недалеко от нынешнего фермерского дома, у кромки воды, – это описано даже у Беруля. Именно здесь, у подножия холма, поросшего лесом, где сегодня большой железнодорожный виадук, при лунном свете томилась в ожидании королева Изольда, и тень ее возлюбленного Тристана, с пальцем, прижатым к губам, предостерегала ее, чтобы она молчала, ибо король, ее муж, прятался совсем рядом.

– Они назначили свидание во фруктовом саду, – шептал месье Ледрю, – и – о чудо! – вот он, сад, он есть и сегодня, но нет оливы, под которой лежали, спрятавшись, карлик Мелот и король... Да, оливы нет.

Его взгляд задержался на одичавших яблонях, искривленных временем, древних, с ветвями, покрытыми лишайником. Его спутник, от зоркого глаза которого не укрылся этот монолог sotto voce²³, проследил за его взглядом и улыбнулся.

– Нет, ваши глаза вас не обманули, – сказал доктор, – там есть яблоки, но нам до них не дотянуться, да они еще и недостаточно спелые, чтобы их рвать. Я как-то раз попробовал их. Кассандре они нравятся, а я нахожу их кислыми. Бозанко, у которого чудесный сад рядом с фермой и который знает о яблоках больше, чем кто бы то ни было, не может определить, что это за сорт. Он считает, что это гибрид. Да, я знаю, о чем вы думаете. Этим деревьям может быть восемьдесят лет, но уж никак не тысяча. Однако люди в этом краю консервативны. Мы склонны возделывать землю и сажать растения там, где до нас это делали наши предки.

Перегнувшись через узкий ручей, он отломил с дерева веточку и бросил ее в воду. Веточка медленно завертелась и, подхваченная течением, поплыла и скрылась из глаз.

– Вот так ветка проплывала мимо женских покоев дворца, – прокомментировал доктор, – и на ней были вырезаны инициалы «Т» и «И». А королева Изольда и ее служанка Бранжьена таким образом узнавали, что на берегу нет посторонних.

– Бранжьена, ее верная служанка и наперсница, – вставил нотариус, – из-за небрежности которой любовное зелье, изначально предназначавшееся для короля Марка и его невесты, было выпито невестой и Тристаном.

Доктор хмыкнул.

– Если бы я так же путал рецепты, – он промокнул влажную туфлю тонким батистовым платком, – то число пациентов у меня в приемной возросло бы вдвое. А может быть, и нет, – добавил он задумчиво. – Может быть, стоит попробовать. Доза лекарства от колик для младенцев могла бы пойти на пользу Тиму Уди – как знать? А в бутылочку для младенца можно налить эль Тима – но смотрите, сюда идут юные Бозанко, чтобы нас поприветствовать. У них очень хорошие манеры. Девочка еще мала, чтобы осознать, какая она хорошенькая, а мальчик все еще верит в фей и любит леденцы от кашля.

Он помахал рукой двум детям, спешившим к ним с горы, и его спутник вздохнул. Придется отложить воссоздание древнего дворца Лантиэн ради детского лепета.

Если бы только нотариус знал, что это был за лепет!

– Интересно, кто он.

– Кто?

– Ну этот старикан, с доктором.

²³ Вполголоса (*um.*).

– А мне интересно, где только ты набираешься этих вульгарных слов. «Старикан» – ну и ну! Я бы попросила тебя вести себя прилично. Особенно сейчас, когда никто не знает, что в этот момент происходит с тем молодым человеком, в спальне для гостей. Мама мне сказала, что это молодой человек, и у меня есть идея.

– Расскажи мне.

– Если ты спрашиваешь *меня*, – сказала Мэри, – то я думаю, что папа с мамой что-то скрывают, а этот молодой человек умрет. Если ты спросишь *меня*, то этот старый джентльмен пришел вместе с доктором для консилиума.

– Думаешь, будут похороны? – размышлял Джонни. – Надеюсь, не в субботу – тогда это займет все выходные.

– Не волнуйся. Сегодня четверг, и мама этого не допустит, потому что мне нечего надеть. Кроме того, сначала должна быть операция.

– Точно?

– Обычно так бывает. А потом пациент начинает поправляться, но дальше – рецидив. Так что самое раннее – следующий четверг.

– Вот что я тебе скажу, – загорелся Джонни, – мы можем сегодня попрактиковаться на Араминте, с моим новым ножом.

– Попрактиковаться в чем?

– Сделать операцию. Она старая, и, когда ее берешь в руки, сыплются опилки. Мы можем сделать вид, будто оперируем ее из-за этого. А из-за твоих поцелуев с нее облезла вся краска, так что она будет выглядеть настоящим пациентом.

– Мне совсем не нравится эта идея.

– А потом мы могли бы устроить похороны, – продолжал искуститель.

– Вообще-то, я уже слишком большая, чтобы играть в куклы, – сказала Мэри, но глаза ее заблестели. – Я об этом подумаю. Чего не понять ни одному мальчику, так это то, что существует такая вещь, как чувства.

И дети понеслись с горы.

В тот вечер месье Ледрю отправился спать вскоре после обеда. За окном его комнаты еще медленно угасал дневной свет, но на ночном столике уже горела свеча. Полулежа на подушках, старый нотариус, не прибегая к помощи очков, изучал карту. Свет от свечи мерцал на столбиках кровати, оставляя в полутьме дальний угол комнаты и слабо освещая резной орнамент из гранатов и балки у него над головой.

Легкий стук в дверь прервал его размышления. Через некоторое время стук повторился, на этот раз сильнее.

– Entrez!²⁴

Дверная ручка повернулась, и в комнату проскользнула служанка Дебора, держа в руках маленький поднос. Она поставила его на столик у изножья кровати:

– Хозяйка шлет вам поклон, сэр. Она заметила, что у вас был усталый вид, когда вы вернулись сегодня днем, и просит принять этот укрепляющий напиток.

– Она подала мне восхитительное вино за обедом, – ответил месье Ледрю. – Но я ведь иностранец, и если таков обычай в вашей стране...

– Вы не должны недооценивать это и считать чем-то обычным, сэр. В нашем доме, как я слышала, есть хорошие вина и очень старые крепкие напитки. Но этот напиток – особенный, его секрет хранится в семье хозяйки. Я никогда не видела рецепт, поскольку она заперла его в своей шкатулке с драгоценностями. И я никогда не пробовала ни глоточка этого укрепляющего средства. И ни одна девушка не должна его пить – только в свою брачную ночь, – добавила

²⁴ Войдите! (фр.)

Дебора. – Можно мне одолжить у вас свечу, сэр? Потому что это нужно пить с горячей водой – как можно горячее, насколько вы можете вытерпеть. У меня здесь маленькая кастрюлька, спиртовка и спички. Но мне нужно больше света, не то я перелью через край.

Считая разрешение само собой разумеющимся, она взяла свечу с ночного столика месье Ледрю и перенесла ее на другой, стоявший у изножья кровати. Она ступала совсем неслышно, словно на ней были тряпичные комнатные туфли. Месье Ледрю, приподнявшись на локте, наблюдал за служанкой. Когда она зажгла спиртовку и держала кастрюльку над синеватым пламенем, вид у нее был жутковатый: бледное лицо с темными бровями приняло синеватый оттенок. Ее платье было невозможно разглядеть – настолько темно было в этом углу.

– Это не займет много времени, – заверила она его, не отрывая взгляда от пламени спиртовки. – Кастрюлька из серебра, она быстро нагреется. Это тоже входит в рецепт напитка – во всяком случае, так говорит хозяйка.

– Как ее девичья фамилия?

– Она была Константайн. Говорят, что Константайны родом с Востока и когда-то они были королями.

– Константайн?

– Да. Бояться не нужно: напиток в основном состоит из неразбавленного бренди, как она говорит. Я видела, как в первую брачную ночь она предложила бокал этого напитка мистеру Льюворну, но он не захотел его выпить, сказал, что уже выпил достаточно шампанского. Ну вот, сэр... И поверьте мне, хозяйка таким образом старается выказать вам свое уважение.

Она бесшумно вернулась к ночному столику, со свечой в одной руке и бокалом на высокой ножке, от которого шел пар, – в другой.

– Благодарю вас, мадемуазель, – а-ах! – произнес месье Ледрю, отхлебнув и вспомнив пунш доктора Карфэкса. – Однако в этом краю готовят самые восхитительные напитки. Смотрите в нем хотя бы губы, моя дорогая.

– Это запрещено, – ответила Дебора, наблюдая, как он пьет.

– Но это же просто чудо! – воскликнул он, возвращая ей пустой бокал. – Это действительно eau-de-vie²⁵. А я был очень усталым, признаюсь вам. Как ваше имя, дочь моя?

– Дебора, сэр.

Позвякивая посудой, она собирала на поднос все, что только что принесла.

– А ваша фамилия?

– Бранжён.

– Повторите.

– Бранжён – о, да вы уже почти спите. Произнести по буквам? Б-р-а-н-ж-ё-н.

Она удалилась так же тихо, как вошла. Месье Ледрю, откинувшись на подушку, какое-то время сосредоточенно созерцал дубовую балку. Напиток несомненно был очень крепким. Месье был снова молод, и старая резная балка была молода, на ней появились бутоны, усики и зеленые побеги. У него еще хватило сил задуть свечу, перед тем как погрузиться в сон, в котором портьеры на окне, которые шевелил слабый ночной ветерок, таинственно что-то шептали и превращались в ветви непроходимой лесной чащи.

Глава 10

Зелье без яблочных зернышек

Неделей позже доктор Карфэкс обедал и ночевал в «Розе и якор» в качестве гостя месье Ледрю. Они нанесли еще два визита в Лантиэн, где пациент быстро выздоравливал. Нотариус съездил в Плимут, откуда вернулся с легким, но объемистым пакетом.

²⁵ Живительный напиток (*фр.*).

– Это прощальный подарок, – объяснил он доктору, – и я прошу вас отдать это ему завтра, с приветом от меня. Это приличная скрипка, с элементарными указаниями и упражнениями; здесь также запасные струны. Этот инструмент и запасные струны, несомненно, удивят его сначала, но попытки научиться играть на ней помогут скоротать время до полного выздоровления.

– Уж не знаю, помогут ли они скоротать свободные часы миссис Бозанко. Зачем это вам потребовалось подвергать ее такой пытке? – сказал доктор. – Но поскольку вы завтра отбываете, то, вероятно, предоставляете мне разбираться с последствиями?

Месье Ледрю улыбнулся:

– Судя по тому, что я узнал о вас, мой друг, вы охотно выполните это поручение... и, надеюсь, еще одно.

– Хм... пожалуй, я догадываюсь, о чем речь. Вы хотите, чтобы я на досуге порылся в архивах, картах и реестрах на предмет какого-нибудь названия – с помощью «Книги судного дня»²⁶ или без оной, – которое встречается у Беруля, или у Готфрида Страсбургского, или в каком-нибудь еще *conte*²⁷ или *lai*²⁸ о Тристане. Так? И сообщил бы вам?

– Могу я рассчитывать на эту дружескую услугу?

– И, могли бы вы добавить, на мое любопытство. Да, можете. Но должен вас предупредить: я деятелен, но занят; усерден, но ленив; раб своих бедных пациентов, но в остальном – раб или господин своих собственных капризов.

– Во всяком случае, я могу на вас рассчитывать? – спросил нотариус.

– Можете, – ответил доктор, лукаво взглянув на своего собеседника, – разве что у нас с вами, как у Беруля, Готфрида Страсбургского и остальных, внезапно оборвутся поиски подлинного Тристана. Любопытное совпадение: ни один поэт – или назовем его исследователем – не дожил до того, чтобы закончить эту историю. Его труд обычно заканчивал кто-нибудь другой.

Месье Ледрю улыбнулся.

– Что касается этого, – заметил он, – я рад оставить свою часть исследования в ваших надежных руках. И помните, что единственным поэтом, завершившим свою поэму, которая была утрачена, был Кретьен де Труа, – так что, быть может, Карфэкс из Троя... – Он помедлил и, передав доктору графин, добавил: – Труа и Трой. Вы должны признать, что тут есть некоторое сходство.

Но доктора было не так-то легко завоевать.

– Я не желаю иметь ничего общего с вашими филологами и *peut-être*²⁹, – твердо заявил он. – Передайте мне, пожалуйста, эту книгу о кельтских названиях, которая так вас заинтриговала.

Они уже перешли к десерту. Доктор Карфэкс, угостившись третьим стаканом портвейна, расчистил перед собой на столе место для маленького томика, который протянул ему месье Ледрю.

– Полагаю, – продолжал доктор Карфэкс, глотнув из бокала, – что наш хозяин Льюворт купил винный погреб вместе с «Розой и якорем». Может быть, это черная неблагодарность с моей стороны, но меня раздражает, что он не может сказать, урожая какого года это вино, а я не такой знаток, чтобы определить выдержку на вкус. Все-таки приятно знать, что именно пьешь. Так, посмотрим... Да, тут есть ссылка на имя «Тристан», предположительно вырезанное на памятнике, который находится поблизости, всего в миле от Троя. «Имя „Дростан“ запечатлено

²⁶ Кадастровая книга, земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085–1086 гг.

²⁷ История, рассказ (*фр.*).

²⁸ *Ле* (*фр.*) – небольшая лирическая или эпическая поэма в стихах.

²⁹ Догадки (*фр.*).

в надписи в Корнуолле: „Drustagni hic jacet Cunomori filius“³⁰. Я, знаете ли, прохожу мимо этого Длинного камня, как мы его называем, почти каждый день – он находится на перепутье четырех дорог. Я много раз изучал его, используя стремянку; его поставили вертикально после того, как перенесли с первоначального места, в четверти акра оттуда. Это была надгробная плита, которая должна была лежать горизонтально, – в какой-то позиции и была найдена. Вы ее видели. Я помог вам обвести пальцем «Cunomori – или Cunowori? – filius». Что касается слова «jacet», то это можно лишь принять на веру. В любом случае это явно надгробная плита, так как на другой стороне – она, конечно, гораздо меньше пострадала от непогоды, потому что изначально лежала в земле, – надпись: «Thanatos Tau», которую не может не заметить даже случайный прохожий. Но что касается вашего «Dru»... Бог мой, Le Dru!³¹ – да такая надпись вполне могла бы быть сделана и на вашей плите!

– Да... Ну не знаю... – прошептал нотариус.

Доктора Карфэкса так и несло вперед. Он мог одновременно сесть на несколько своих коньков, перепрыгивая с одной темы на другую.

– Итак, я не хочу иметь никакого отношения к вашим кельтским производным – вашим Дестанам, Дростанам и всем прочим. Наш Тристан, герой сотни легенд, возможно, лежал когда-то под этим надгробным камнем. Я, правда, в этом несколько сомневаюсь; в этих ле, написанных по-французски, Тристан был назван так по очень простой причине, которую они и приводят: его мать, испытав родовые муки и отправляясь следом за своим обожаемым умершим мужем, назвала ребенка *Tristis*³², вот и все. Ваши филологические догадки, сэр, – абсолютный вздор, а вот топография Беруля точна. Например, такие названия, как Лантиэн, Ворота Марка, Сент-Сэмпсон, где Изольда проходила, чтобы послушать мессу, Мальпас, или *le Mal Pas*, где Тристан под видом прокаженного помог ей высадиться на берег, – она вместе с ним упала на причал, так что смогла потом смело принести клятву, что никто, кроме прокаженного и, конечно, ее мужа Марка, не держал ее в объятиях. Ну что ж, эти названия только множат совпадения, которые...

Тут дверь открылась и вошла миссис Льюорн, за которой следовала Дебора с подносом; на нем, кроме кофейника, были еще два бокала на высоких ножках, спиртовка и серебряная кастрюлька.

Месье Ледрю и доктор Карфэкс поднялись на ноги и смотрели при свете свечей на ее фигуру – высокую, в бледно-голубом платье необычного покроя: оно свободно ниспадало от самых плеч, а в разрезах длинных рукавов с золотой каймой видны были обнаженные руки. В ту ночь, позже, доктор Карфэкс задумался, отчего Линнет, это дитя, которому он помог появиться на свет девятнадцать лет тому назад, а ныне жена хозяина гостиницы Марка Льюорна, оделась подобным образом. А еще он подумал, что она одинока, у нее нет детей и вряд ли будут, а также о вечном притязании женщин на родословную и утраченное положение. Однако в эту минуту оба мужчины застыли, пораженные красотой ее наряда. Когда Линнет шагнула вперед, в синем пламени спиртовки бледно-голубое платье стало совсем голубым. Сделав знак Деборе, поставившей поднос на стол рядом с месье Ледрю и моментально отступившей в тень, она поклонилась гостям:

– Вы покидаете нас завтра, месье, и я принесла вам прощальный кубок – простите мне мою фантазию и мою смелость.

– Мадам, если это такой же напиток, как тот, который вы прислали мне недавно на ночь...

– Вы слишком устали, и я знала, что он пойдет вам на пользу.

³⁰ «Здесь лежит Дростан, сын Куномора» (лат.).

³¹ Веселый; сильный, крепкий (фр.).

³² Печальный (лат.).

– Это был живительный напиток. Уверяю вас, мадам, я сразу же заснул, и мне снились такие сны, что когда я проснулся, то почувствовал себя на двадцать лет моложе.

– Только и всего? – Бросив на него шаловливый взгляд, она подняла кастрюльку, собираясь подогреть ее над синим пламенем.

– Ну и ну, Линнет! – воскликнул доктор Карфэкс. – Какая у вас отменная вещица из серебра! Вы можете сказать, сколько ей лет?

– Не могу, доктор. Знаю лишь, что она принадлежала моей семье и передавалась из поколения в поколение бесчисленное количество лет. Эта кастрюлька вручается наследнице в день ее свадьбы, вместе с рецептом... Дебора, ты можешь удалиться.

Когда дверь за служанкой закрылась, Линнет продолжила:

– Думаю, доктор, это имеет какое-то отношение к свадьбе. Новобрачная получает два рецепта, на втором написано: «Проспер Константайн. Да процветает род»³³. Проспер – имя, часто встречающееся в нашем роду, сэр. Оно постоянно попадает в старой Библии, которую хранит мой отец. И вот что странно, точнее, было бы странным, если бы не существовала история на этот счет: эти два рецепта абсолютно одинаковы, повторяют друг друга слово в слово, за исключением того, что во втором предписывается растереть и подогреть три яблочных зернышка; и предназначен этот напиток только для свадебного кубка – так озаглавлен рецепт.

– И у вас есть эти рецепты?

– Да, поскольку, как вы знаете, я – последняя в роду, причем дочь. Но они у меня заперты. Да я их знаю наизусть, а что касается первого, то один раз я готовила этот напиток для своего отца, когда он, промокший и озябший, вернулся с рынка в Ликсэрде. А на днях я приготовила его вечером для месье Ледрю.

– И я подтверждаю его свойства, мадам. Я моментально уснул, а проснулся обновленным.

– Но расскажите же свою историю, Линнет!

– Она старая и, как мне кажется, довольно глупая, доктор. Однажды мне рассказал ее отец. Когда Адам состарился, возделывая землю в дикой местности, то позвал своего сына Сифа и сказал: «Я умираю, но не смогу спокойно лежать в могиле, которую ты мне выроешь, если ты не отправишься к воротам райского сада и не принесешь мне яблоко с дерева познания, растущего в самом центре сада. И если, вернувшись домой, ты найдешь меня мертвым, разрежь яблоко пополам и, когда будешь меня хоронить, положи мне под язык три зернышка». Сиф отправился в райский сад, выбрал яблоко и вернулся домой. Но Адам был уже мертв. Сиф разрезал яблоко пополам, увидел, что в нем три зернышка, положил их отцу под язык и похоронил его. Потом из этих зернышек, как сказал мой отец, выросли три разных дерева, и первое было дубом, Ной срубил его, чтобы построить свой ковчег. А потом, через сотни лет, из этого дуба сделали крест, на котором распяли нашего Господа...

– Бревно, которое не подошло строителям ковчега... – пробормотал доктор Карфэкс.

– Вторым деревом, – продолжала Линнет, – был остролист. Это под ним Авраам нашел овна, когда собирался принести в жертву своего сына. Но тогда ягоды дерева были бледными и покраснели только через несколько столетий, когда их вплели в терновый венец. А третьим деревом была яблоня, дававшая такие же плоды, что отведала Ева. Она попала в сад царя Соломона, и мой отец сказал, что Суламифь, сбегавшая от царя со своим возлюбленным-пастухом, взяла с собой корзинку с яблоками и черенок от этого дерева. Соломон преследовал любовников по горам до самого берега, но они все-таки скрылись от него на корабле, и их высадили там, где царю было до них не добраться, – у подножия какой-то горы. Не помню, как там дальше: я была очень маленькой, когда слышала эту историю. Но отец вспомнит и расскажет ее вам, доктор, в любой день, когда вы будете проезжать мимо.

³³ *Проспер* – в англ. языке имя, а также глагол «процветать» (*prosper*).

– Я думаю, – сказал доктор, улыбнувшись месье Ледрю, – что смогу продолжить эту историю, не консультируясь с вашим отцом. Много лет прошло с тех пор, как умерли эти любовники, и явился другой молодой пастух. Он сорвал яблоко с дерева, которое посадила Сула-мифь, – прекрасное золотистое яблоко, и три богини претендовали на него в качестве приза за красоту. Их звали Власть, Мудрость и Любовь. И глупый парень отдал яблоко Любви.

– Да, теперь я припоминаю... правда, имена были другие. Значит, это очень старая история?

– Очень старая, моя дорогая.

Линнет налила напиток, от которого исходил пар, в бокалы и предложила гостям.

– А кончается история тем, что кто-то из семьи моей матери – вы же знаете, доктор, что когда-то наш род был очень знатным, – приехал сюда, в Корнуолл, и привез с собой эту яблоню. Ее называют «пепин Константайнов», и она дает плоды только на кончике ветки. Моя мать посадила черенок в Замке Дор на другой день после своей свадьбы.

– Линнет! – позвал снизу ворчливый голос.

Миссис Льюворт подошла к двери и открыла ее – Дебора, оставаясь невидимой, очевидно, стояла за дверью на страже.

– Дебора! – Миссис Льюворт задула спиртовку и, поставив ее вместе с кастрюлькой на поднос, вернулась к дверям. – Отнеси это вниз и скажи хозяину, что я приду, как только закончу обслуживать этих джентльменов. Вам нравится этот укрепляющий напиток, джентльмены?

– Линнет! – снова донеслось снизу.

– Он чудесный, – сказал доктор Карфэкс, сделав пару глотков, осторожно, чтобы не обжечься. – Но я не заметил там никаких следов яблочных зернышек, – добавил он, подняв бокал за ножку, так что красновато-оранжевая жидкость засверкала при свете свечи.

Линнет взглянула на него с вызовом; между ними плыл тонкий пар из бокала, и в его дымке глаза ее потемнели и стали не синими, а фиолетовыми, даже красновато-фиолетовыми.

– Вероятно, они были бы нехороши для вас обоих, – усмехнувшись, ответила Линнет и вышла.

Доктор Карфэкс чуть слышно пробормотал:

В том взгляде были и рай, и ад,
И похоть, и жажда любить,
Столь исступленная, что навряд
Сам дьявол бы смог утолить

– Что это вы напеваете, друг мой? – осведомился нотариус.

– Ничего, а точнее – строки из стихотворения одного старого поэта, который как-то раз оказал мне честь и поделился своими поэтическими откровениями. Это была странная история о ведьме, колдующей над чудесным зельем. Кстати, о поэтах, – продолжал доктор Карфэкс, и взгляд его, дотоле задумчивый, выразил откровенное веселье. – Я повсюду искал, но безуспешно автора следующих строк – вы только послушайте!

Царь Давид вел веселую жизнь,
А также и царь Соломон.
Много наложниц имели они
И много прекрасных жен.

Но старость скрутила обоих царей —
Неизбежно стареем мы.

И стал Соломон свои притчи писать,
А Давид – свои псалмы.

Когда в ту ночь месье Ледрю заворачивался в одеяла, со стариковской опаской думая о путешествии, намеченном на завтрашнее утро, и чуть ли не молясь о том, чтобы хорошенько выспаться, дабы подготовиться к нему, в дверь снова легонько постучали, и, как раньше, вошла Дебора с подносом.

– С поклоном от хозяйки, сэр. Она шлет вам этот напиток в качестве прощального кубка.

Огонь в камине еще весело пылал, отбрасывая отблески по всей комнате, и тень от старого балдахина казалась еще темнее. Случайный блик упал на резную дубовую балку над изножьем кровати.

Месье Ледрю осушил бокал, задул свечу и откинулся на подушку. Свет от камина все еще играл на старой дубовой отделке комнаты, и дуб тянулся зелеными побегами к потолку. А он сам, влюбленный, проходил под деревьями. Он спешил навстречу своей первой любви. Блики огня в камине, падавшие на мертвые панели, превратились в солнечные лучи, проникавшие сквозь ветви. Потом у него прихватило сердце, и он умер – совсем мирно; заострившиеся черты его старческого лица разгладились, и на нем появилась улыбка.

Доктору Карфэксу в ту ночь тоже снился чудесный сон, начавшийся с воспоминания об аромате шиповника; он спешил по какой-то тропинке, чтобы вдохнуть этот запах, и ему навстречу прямо из прошлого выехала верхом девушка в широкополой шляпе. Улыбнувшись, она спешила; губы их соприкоснулись; они заключили друг друга в объятия – и тут его разбудил стук в дверь: Марк Льюворт сообщил ему новость.

Книга вторая

*Я знаю: очень много в мире тех,
Кто повесть о Тристане прочитал.*

Глава 11 Воз с сеном

Прошел год. Как-то теплым июньским вечером – сумерки сгущались так медленно, что серп луны, висевший над Замок Дор, был едва замечен на голубом небе, – косари фермера Бозанко сидели большим полукругом под изгородью, ограждавшей поле (Ворота Марка), попивая чай, которым их угощала миссис Бозанко, и передавая друг другу тарелки с пирогом, варенье и густые топлёные сливки. Сено было скошено вовремя и уже убрано – за исключением одной копны. Что касается последнего воза, то тут следовало соблюсти церемонию: фермер верил в старые обычаи. После того как будет убран урожай пшеницы, в амбаре устроят обед – с сидром и песнями, чтобы отпраздновать это событие. Но уборка сена завершалась чаепитием под изгородью. Доктор Карфэкс и мистер Трежантиль тоже были приглашены.

Перед тем как прибыл кипяток, некоторые из косарей попытались танцевать под звуки скрипки Амиота. Но они проработали весь день и очень устали, их томила жажда. И теперь они с радостью поглощали угощение, перебрасываясь грубоватыми шуточками и, так сказать, сельскими комплиментами. Миссис Бозанко столь усердно потчевала их чаем и пирогами, что время от времени они утирали со лба пот: мужчины просто рукой, а женщины, сидевшие в шляпах, которые защищали их от солнца, делали это более деликатно, носовым платком.

Воз с последним снопом, загруженный с особым тщанием, стоял от них в нескольких ярдах, в верхушку копны были воткнуты вилы. Чуть подальше, в тени, две лошади, Весельчак и Милашка, щипали траву, мелодично позвякивая упряжью и отгоняя мух и комаров длинными хвостами. Они не были стреножены, но не выходили за черту, которую просто провел в воздухе Амиот. Теперь он был возницей мистера Бозанко, и эта парочка обожала его. Кстати, и двое детей, Мэри и Джонни, – тоже. Амиот рассказывал им всяческие истории, но делал это как-то странно. Казалось, он извлекает их откуда-то из глубины или они рождаются в какой-то сказочной стране. При этом у него на коленях всегда лежала скрипка, но он не играл на ней, а лишь время от времени пощипывал струны, как будто помогая таким образом своей памяти. И вдруг, в самый волнующий момент, он прерывал свой рассказ, говоря, что дальше не знает, и просил детей продолжить.

Сейчас Амиот сидел между доктором Карфэксом и Мэри, и, когда мимо плотной фалангой пролетала стая грачей, направлявшаяся домой, в Пенквэйт, он взглянул на небо.

– Они летят выше, чем вчера, – прокомментировал мистер Трежантиль.

– Семьи снова сбиваются в стаи, – заметил Амиот, пощипывая струны своей скрипки. – Всю весну они разбивались на пары.

– Что это за мелодия, парень? – спросил доктор Карфэкс.

– Не могу вам сказать, сэр. Это глупая старая песня, которую я слышал в детстве, много лет назад.

– А у нее есть слова?

– О да, она очень длинная. Но я помню только последние две строчки. И совсем не помню, сэр, о чем эта песня.

Амиот погладил скрипку и начал скорее мурлыкать, нежели петь:

Iseut ma dru, Iseut m'amie,
En vus ma mort, en vus ma vie³⁴.

Доктор Карфэкс, который как раз в эту минуту подносил спичку к своей трубке, замер и пристально посмотрел на него, спичка тем временем погасла.

– А ты не мог бы повторить ее? – медленно произнес доктор.

Амиот послушно повторил, на этот раз четче произнося слова, а потом умолк, бросив застенчивый взгляд на всю компанию.

– Это любовная песня, сэр, – прошептал он, – но я не могу сказать, кто ее написал. Пожалуй, она слишком печальная для такого случая. – И он принялся наигрывать веселую джигу:

N'y pleurez plus, ma fille,
Ran, tan, plan, Tireli!

N'y pleurez-vous, ma fille,
Nous vous marierons riche.

Nous vous marierons riche,
Ran, tan, plan, Tireli!

Avec un gros marchand d'oignons
A six liards de quarteron³⁵.

Доктор Карфэкс нахмурился и снова занялся своей трубкой. Момент был неподходящий для того, чтобы продолжать изыскания, но ему вдруг неожиданно вспомнился бедный Ледрю и его роковой сердечный приступ прошлой осенью. Бретонский парень делал успехи в английском под руководством Трежантиля, но как продвигался сам Трежантиль в изучении местных названий? Это занятие доктор прописал ему в дополнение к наблюдению за грачами. Надо бы не забыть спросить об этом, но не сейчас.

– Расскажи нам какую-нибудь историю, Амиот, – попросил Джонни.

– Да, расскажите, пожалуйста, – присоединилась миссис Бозанко. – Только пусть эта история будет веселой, а то дети ночью глаз не сомкнут.

Джонни пристроился рядом с Амиотом, и тот начал, легонько пощипывая струны:

– Там, где я жил, когда мне было столько же лет, сколько сейчас Джонни, был лес. Я думаю, у любого в детстве, где-то в душе, есть лес. Но это был настоящий лес, хотя в нем и случались удивительные вещи. Сначала вы видели там сосны – что-то вроде опушки, и деревья там стояли, как колонны в церкви. А потом вы выходили к озеру, посреди которого был остров, и там водились лебеди – о да, все так и было, и старики об этом рассказывали. Так вот, еще дальше, в каменном бассейне, был родник, от которого питалось озеро. Я помню, это озеро называлось Louc'h Rouan, что означает «озеро королевы». А вокруг родника повсюду был красный песок – красный, как кровь. Вода была зеленой и очень чистой, но такой глубокой, что, хотя она и находилась в каменном желобе, дно невозможно было увидеть. Старики говорили: если окунуть в эту воду вилку, а потом воткнуть ее в красный песок, то из леса придет гроза и ветер будет так реветь, что с деревьев облетят все листья. Потом гроза пройдет, туда

³⁴ Изода моя веселая, Изода, моя подружка, / В тебе моя смерть, в тебе моя жизнь (*фр.*).

³⁵ Не плачьте больше, моя девица, / Тру-ла-ла, Тирели! / Не плачьте, моя девица, / Мы выдадим вас за богатого. / Мы выдадим вас за богатого, / Тру-ла-ла, Тирели! / За оптового торговца луком / По шесть лиардов за четверть фунта (*фр.*).

слетятся птицы и будут петь на голых ветках. Я никогда не осмеливался проделывать такое – я был очень юн. За родником тропинка петляла между деревьями, а дальше были водопады... Теперь продолжай ты, Джонни.

– Это правда, – с жаром подхватил Джонни. – Я ходил вчера этой дорогой – мимо Миллтауна. Мама укрыла меня шалью и сказала, чтобы я спал, как примерный мальчик. Но когда она ушла, я встал и пошел мимо Миллтауна...

– Во всяком случае, он удрал, – перебила его Мэри, втайне завидуя. – Терпеть не могу вранье.

– Это не вранье, – возразил Джонни. – Это сон, если хочешь... Сначала я дошел до виадука, и надо мной грохотали поезда. А потом был Билли Трегенза, он поймал в камышах кузнечика и съел его...

– Вот уж это сущее вранье, – не выдержал старый Трегенза. – Да я никогда в жизни не делал ничего подобного!

– Вы были совсем как настоящий, – защищался Джонни. – А у вас за спиной проходила тропинка... между деревьями... Как же их называют? Лиственницы? Да, Билли Трегенза сказал мне, что это лиственницы.

– Да ничего подобного!

– Не лучше ли тебе отправить этого... этого сорванца в постель? – обратилась Мэри к матери.

– Нет, пусть уж закончит, – сказал доктор Карфэкс. – Это замечательная история, и мне очень интересно.

– А потом, – продолжал Джонни, – вдали, наверху, показался голый мальчик, и под ним плескалась вода. Я даже не могу передать, какой он был голый...

– Мэри права, – вмешалась миссис Бозанко, – отправляйся-ка ты спать, и немедленно.

– Он был такой голый, – продолжал Джонни, прижимаясь к Амиоту, – что мне захотелось с ним подраться. Я крикнул ему, но он не обратил никакого внимания. Я так запыхался, что не знал, смогу ли его ударить... И тут оказалось, что это каменный мальчик в фонтане. А еще в фонтане была золотая рыбка, а с другой стороны мимо темной изгороди проходила какая-то леди...

– Какая еще леди? – спросила его сестра.

– Глупая, леди – это леди, ее всегда отличишь...

– Но какая она была?

– Какая?.. Примерно как миссис Льюорн.

Именно в эту минуту к ним вдоль изгороди шла Линнет Льюорн. На ней была амазонка, а край длинной юбки она перекинула через руку.

– Вы как раз вовремя, миссис, – сказал фермер, вскакивая на ноги и приветствуя ее. – Не окажете ли нам честь выпить чашку чая?

– Нет, спасибо, – ответила Линнет. – Я просто проехала верхом до кузницы возле Замка Дор и оставила там Мерлина, чтобы его подковали. Мне сказали, что сегодня вечером вы везете последнюю копну, и я решила вас поздравить.

– Вот она. – Бозанко указал пальцем на воз с сеном. – Нужна только девушка, чтобы посадить ее сверху. Запрягай-ка лошадей, парень, – обратился он к Амиоту, – и принеси лесенку. Мэри, детка, как насчет того, чтоб проехать как королева урожая?

Но Мэри дулась: ее задело то, что брату разрешили так поздно рассказывать истории.

– В другой раз, отец, – ответила она. – Мне всегда позволяли ехать на возу домой во время праздника последнего снопа.

– Ну что ж! Тогда полезайте наверх вы, миссис Льюорн. – И после паузы, со смешком: – Правда, по правилам это должна быть девица.

– Не важно, – отрезала миссис Бозанко, бросив пронизательный взгляд на Линнет, которая в эту минуту зарделась. – Пусть миссис Льюорн окажет нам честь и заберется наверх, если она не возражает.

Линнет кивнула и полезла по небольшой лесенке, которую придерживал подбежавший Амиот. Он впряг Весельчака и Милашку, и воз, покачиваясь, точнехонько прошел через ворота и свернул направо, на узкую дорогу – такую узкую, что на кустах по обе стороны виднелись клоки сена, выданные с предыдущих возов, и такую крутую, что Амиоту приходилось все время придерживать Милашку под уздцы. Лошади двигались в тени меж высоких изгородей. Косцы следовали за ними, напевая то поодиночке, то хором. На повороте дороги последние лучи солнца осветили Линнет на верхушке копны и вызолотили вилы, которые она держала.

Один раз Амиот взглянул вверх: на фоне неба она казалась лучезарной. А Линнет отметила про себя его сильные плечи, уверенные движения и то, как он ловко управлялся с лошадьми.

Наконец они прибыли к сеновалу и остановились возле огромного стога. Трегенза и еще один работник, имени которого Линнет не знала, зашли спереди и начали по лесенке взбираться на воз. Их силуэты с вилами в руках вырисовывались в бледном свете уходящего дня.

Амиот, отпустив уздечку Милашки, вознамерился помочь Линнет спуститься.

И тут в считанные секунды чуть было не случилось непоправимое – но беда миновала. Впоследствии Линнет вспоминала лишь, что Амиот посмотрел на нее, – ворот его рубашки был распахнут, голая шея присыпана сенной трухой. Тут же, пытаясь спуститься, она запуталась каблуком в юбке и, чтобы удержаться на возу, схватилась за рукоять вил. Вилы соскользнули, но Амиот подхватил их и отбросил в сторону как раз в тот момент, когда зубья чуть не вонзились ей в бок. Линнет упала ему на руки, и тут копна сена, которую вилы больше не удерживали, опрокинулась и укрыла их обоих.

– Ловко сработано, – пробормотал доктор Карфэкс.

– Вот так сено, просто красота! – шутливо воскликнул фермер. – Ну и вовремя же ты подоспел, парень!

Щеки у Линнет горели, Амиот же был бледен, как будто только что увидел привидение. Да и ничего удивительного – ведь какая беда могла случиться! Он с отрешенным видом смотрел на вилы, а потом отшвырнул их – смертоносные зубья воткнулись в большой стог сена.

Глава 12

«Освежите меня яблоками...»

На следующий день было воскресенье. В июньских лесах звонко куковала кукушка. Линнет вместе со своей служанкой Деборой, которая гребла, плыли по реке, по-весеннему широко разлившейся. Они выбрались из дому под предлогом посещения вечерней службы в Сент-Винноу, а после службы, как только начнется отлив, должны были вернуться домой. Они захватили с собой корзину для пикника, куда Дебора тайком засунула фляжку с вином.

Они миновали церковь за целый час до того, как должен был зазвонить колокол, призывая на богослужение, затем добрались почти до самого виадука под Лантиэном. Здесь, среди остро пахнущих болотом камышей, женщины высадились на берег и нашли себе уютное местечко повыше, у подножия одной из арок виадука. Линнет расположилась там, а Дебора отправилась за сухими веточками и листьями, чтобы сложить костер. Прошлой осенью тут вырубали рошу, и теперь землю устилал ковер из сухих листьев. Дебора разожгла костер и поставила на огонь чайник.

Едва чайник начал шуметь, показался Амиот, который вел своих лошадей на водопой, – женщины знали, что так и будет. Он ехал верхом на Весельчаке, в правой руке держа поводья Милашки.

Амиот остановился, изумленный тем, что видит их здесь. За спиной у него висела скрипка, и он объяснил:

– Я прихожу сюда по вечерам заниматься, журчание воды помогает – уж не знаю почему.

– Ну что же, отложите скрипку и выпейте с нами чая.

Они попили чая, и Дебора, подбросив в огонь большую охапку листьев, направилась к лодке, оставив их вдвоем.

По виадуку прогромыхал поезд.

– Это ночной экспресс, – сказала Линнет. – Он делает остановку в Плимуте, а потом можно унести в другую жизнь – и проснуться в Лондоне.

– Все зависит от того, – серьезно произнес Амиот, – хочется ли другой жизни. Вам хочется?

– Глупый! Конечно хочется! – Откинув голову, Линнет посмотрела вверх, на арку виадука. – Я приезжаю сюда так часто, как позволяет прилив. Эти поезда – только подумать! – уносят столько людей в какую-то иную жизнь!

Линнет открыла фляжку, а Амиот, отойдя к лошадям, похлопал Милашку по крупу и приказал им возвращаться домой, в стойло.

Вернувшись, он присел у костра, сказав: «С вашего позволения, миссис». Скрипку он положил себе на колени, наивно полагая, что таким образом угодит Линнет.

Она наполнила маленький бокал и протянула ему над костром, при слабом пламени которого вспыхнула янтарная жидкость.

– Прошлым вечером... – начала она. – Я пришла специально, чтобы объяснить: вчера вечером, на возу, я поскользнулась нарочно. Вы понимаете?

– Это был очень опасный фокус, – твердо ответил он, явно не совсем еще понимая. – Вы же были просто на волосок от гибели – зубья чуть не вонзились вам в бок. Они были совсем близко, когда я подхватил вилы. – Юноша даже вздрогнул. – Я не сознавал, куда их швыряю, – слава богу, миссис, они ни в кого не попали!

– О, конечно, это получилось случайно. Я просто схватилась за вилы, чтобы удержаться на ногах, – теперь-то я понимаю, что, если бы они воткнулись мне в бок, я бы истекла кровью и умерла у вас на руках.

– Ах, не надо, не надо!..

– Но, как видите, я жива и пришла поблагодарить вас. Да, хорошо быть живой... Выпейте за меня, Амиот.

Их разделял мерцавший костер. Взяв бокал, он с изумлением посмотрел в ее колдовские глаза. Пригубив, он вернул ей бокал, и она тоже отпила чуть-чуть.

Амиот опустил локоть. Пламя взметнулось, когда Линнет выплеснула остатки из бокала на тлеющие угольки. Она откинулась на подушку из мха. Огонь в костре угасал. Хотя она была прекрасна и соблазнительна, юноша не осмеливался перешагнуть через костер и дотронуться до нее. Сердце его сжалось, он не мог сделать ни шагу. Чуть ли не теряя сознание, он понял, что это чудо красоты его хочет и что она должна стать его навеки.

Припозднившаяся июньская кукушка в последний раз прокуковала в лесу и умолкла. Наступившая тишина словно развеяла чары. Амиот сел, потянулся за своей скрипкой и начал пощипывать струны, имитируя заунывный голос кукушки.

– Я ненавижу эти звуки, – вдруг заявила Линнет. – Они такие печальные, словно кто-то плачет по покойнику.

Он встал, сломал скрипку о колено и бросил ее в огонь, который почти сразу же начал лизать корпус скрипки.

Их взгляды встретились, и, весь дрожа, он сделал движение, вознамерившись перешагнуть костер и наклониться над ней, но тут хрустнула ветка и из темного леса появилась Дебора.

Она взглянула на две фигуры и на быстро угасавший костер, который все еще разделял их.

– Начинается отлив, хозяйка. Даже сейчас вам вряд ли удастся не испачкать туфли в иле. А лодка наполовину в воде, наполовину на траве. Вы пришли сюда, как приходили и раньше, – обратилась она к Амиоту, – а мы не сходили в церковь и пропустили проповедь. Давайте-ка собираться домой.

Глава 13

Вмешательство миссис Бозанко

– Габриель, я очень тревожусь, – однажды ранним утром призналась мужу миссис Бозанко. – Я сегодня всю ночь глаз не сомкнула... Ты уже проснулся?

– Почти, – сонным голосом ответил фермер и сразу же повернулся к жене, как заботливый муж, который с самого дня свадьбы никогда не забывал, что он еще и любовник. – Тревожишься? – повторил он. – Ты же не хочешь сказать, что детям нездоровится?

– Нет, слава богу.

– А Пеструха позавчера отелилась, да еще и телочку родила; остальные дают много молока. С балансом в банке тоже все в порядке. Более того, мы же внесли деньги на счет?

– Да, конечно, я уже тебе говорила.

– Тогда я не понимаю, в чем дело. Положи-ка мне головку на плечо, моя дорогая, и расскажи, что тебя тревожит.

– Это касается Амиота... и миссис Льюорн.

– Я не вижу тут никакой связи, – наверно, тебе что-то приснилось, ведь в снах все так перепутывается и два плюс два дает пять. Просыпайся, дорогая, и расскажи мне все.

– Она его любит.

– Ну и что, мы все его любим, и дети тоже.

– Она слишком его любит. И беда в том, что и он ее любит. Я сразу заметила, что она к нему равнодушна. Но он же такой доверчивый... Ты заметил в нем какие-нибудь перемены за последнее время?

– Сейчас, когда ты заговорила об этом, я припоминаю, что теперь мне приходится дважды обращаться к нему, прежде чем он ответит. А ведь обычно он так быстро все схватывает, и проторнее его работника не найдешь.

– Вот я и тревожусь. Мы пребываем в счастливом неведении. Лошади его любят, и дети его любят. А между тем недалеко до греха. Он должен уйти.

– До греха?

– Конечно. Она же замужняя женщина.

– Ну, если дело обстоит так, как ты говоришь...

– Я в этом уверена.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, что же тут поделаешь? Коли старому Льюорну взбрело в голову жениться на девушке втрое моложе себя, пусть он и беспокоится. Я считаю, что это не наше дело.

– Нет, наше. Послушай-ка – придвинься поближе, – разве ты не знаешь, что любая женщина рано или поздно, после определенного возраста, просто до безумия жаждет, чтобы ее любили? Разве ты не знаешь? Ах, мой дорогой, в самом деле не знаешь?!

– Допустим. И все-таки я никак не возьму в толк...

– Не говори глупостей – просто слушай. Я все обдумала, пока ты тут похрапывал. И вот к какому заключению я пришла: Амиоту придется уйти.

– Мне никогда не нравился Марк Льюорн, я всегда его не переваривал, – пробурчал фермер хриплым со сна голосом. – Но даже если ты и права – пусть он сам присматривает за своим добром. Какое нам до этого дело! Мне нравится этот парень, и тебе тоже; и если придется его выставить, то под каким предлогом я это сделаю, интересно бы знать?

– Предоставь это мне, я все скажу сама.

– Да ты и всегда это делаешь, слава богу!

– Но прежде всего я отправлюсь в Трой...

– А это еще зачем? – Мистер Бозанко резко сел в кровати. – Ты же не собираешься все рассказать Льюорну?

– Нет, мой бедный дурачок! Приляг опять. Я пойду на таможню и спрошу, не нужен ли какому-нибудь шкиперу матрос. Я там знаю сборщика таможенных пошлин – правда, не очень близко. Его фамилия Макфейл, и говорят, он добрый человек. Я просто схожу к нему и изложу факты: что Амиот – парень с бретонского корабля и как его к нам привезли, а потом он стал у тебя служить, но поскольку он плавал на корабле, то теперь хочет вернуться в море.

– Но допустим, Амиот не захочет?

– Захочет, когда я с ним поговорю, – твердо ответила миссис Бозанко. – Но это, полагаю, будет не так-то просто. Что касается миссис Льюорн, то я не думаю, что причиняю ей зло. Мне жаль ее, бедняжку. По-своему я ее понимаю. Но существуют же принципы. К тому же у нас дети, и негоже, чтобы рядом с двумя невинными существами творилось такое.

– Да, – согласился мистер Бозанко, – это серьезный довод, моя дорогая. Не они ли там чирикают за стенкой, в соседней комнате?

– Чирикают, как пара воробушков.

– Почему так рано?

– Потому что сегодня Мэри исполняется четырнадцать лет, и Джонни разбудил ее, чтобы вручить свой подарок – хорошенький молитвенник, который я купила, в переплете, украшенном слоновой костью, с духовными гимнами Уэсли!

Миссис Бозанко отправилась в Трой в двуколке и вернулась, когда еще не было трех часов. Таким образом, у нее осталось достаточно времени, чтобы упаковать корзину для пикника по случаю дня рождения, которую Амиот и Зилла отнесли на место, выбранное детьми, – у подножия виадука, под лиственницами.

Она послала Зиллу на конюшню, а сама поднялась наверх, чтобы принарядиться. Это заняло совсем немного времени, и, когда вернулась служанка, миссис Бозанко уже поджидала ее на пороге черного хода.

– Он сейчас придет, – сообщила Зилла.

– Что за женщина беседовала с ним? Я заметила ее из окна спальни.

– Это была служанка мистера Льюорна, из Троя. Я видела ее раза два, однако узнала, когда она шмыгнула прочь. «Шуры-муры», – сказала я себе, хотя и не знала, встречались ли они раньше. Ну что ж, лето – самое подходящее время для таких дел. И я в свое время слушала кукушку. Но он ушел в море и сгинул там зимой.

– Сейчас конец июля. «В июле он готовится сбежать», – процитировала хозяйка.

Семья устроила праздничное чаепитие под виадуком. Дети занялись костром, беспрерывно споря и стараясь убрать пепел от костра, кем-то разложенного здесь раньше.

– Но что это такое? – спросил Джонни, поднимая кусок обуглившегося дерева.

– Это моя скрипка, – признался Амиот. – Я понял, что никогда не смогу играть на ней правильно, и сжег ее здесь.

– Значит, мелодий больше не будет?

– И историй не будет?

– О, истории будут, много-много, я надеюсь.

Дети начали к нему приставать, и он рассказал им бретонский вариант истории о Рудольфе и леди из Триполи – одну из тех легенд, которые странствуют по миру. Голос его звучал взволнованно, он раскраснелся и жестикулировал больше, чем обычно. Миссис Бозанко пристально за ним наблюдала. Взгляд ее мужа был устремлен на берег реки и на пшеничное поле.

Потом показались грачи, летевшие в Пенквайт, и Амиот, пересчитывая птиц, говорил, кто из них родители, а кто – птенцы; юные грачи учились летать, с каждым днем все выше и дальше.

Когда чаепитие закончилось и все было упаковано в корзину, миссис Бозанко тронула юношу за рукав:

– Задержись-ка, Амиот. Я хочу сказать тебе пару слов.

Вздвигнув, Амиот посмотрел на нее:

– Что-то случилось, мадам? Я сделал что-нибудь не так?

– Надеюсь, нет – уверена, что нет; а если это так, то я как раз вовремя.

– Если у хозяина есть какие-то жалобы на мою работу...

– Жалоб нет. Как раз сегодня утром он хвалил тебя.

– Тогда, если я ненароком вас обидел и вы не можете мне простить...

– Нет, Амиот, ничего такого. Ты же знаешь, что все мы – и мистер Бозанко, и я, и дети – очень тебя полюбили.

«Да поможет мне Бог, – подумала она про себя. – Ведь я отсылаю его как раз в тот вечер, когда у Мэри день рождения. Это разобьет ребенку сердце».

– Тогда я понимаю, в чем дело. Вы и хозяин не так богаты, чтобы позволить себе и дальше быть со мной столь щедрыми. Мне следовало бы об этом подумать. Но если дело только в этом, то хозяин может не платить – ведь это он сам великодушно предложил мне плату. И все эти деньги лежат в верхнем ящике комода в моей комнате – в носовом платке, завязанном узелком. Для чего мне здесь деньги? А что до еды, то в последнее время я обнаружил, что мне нужно совсем мало.

При этих словах миссис Бозанко чуть не рассмеялась. Конечно, она это заметила – ей ли, такой рачительной хозяйке, этого не заметить! Но – увы! – она знала, из-за чего он потерял аппетит.

– Амиот, – сказала она, – это совсем тут ни при чем, совсем. Я сказала, что мы тебя любим, но в последнее время я за тобой наблюдала, как мать за собственным сыном. И я говорю тебе, точно так же как сказала бы своему сыну, будь он твоего возраста: «Ты должен с этим покончить!»

– Да, вы были мне самым лучшим другом из всех. Я не спрашиваю почему, так как знаю это. Только из-за вашего доброго сердца вы так отнеслись ко мне, чужаку, лишенному друзей. Но разве я не отплатил всем, что было в моих силах?

– Отплатил.

– Тогда скажите мне, по крайней мере, в чем моя вина?

– Ты влюблен.

Он потупился, а потом взглянул ей прямо в глаза:

– Да, влюблен. Это преступление?

– Амиот, ты влюблен в замужнюю женщину, Линнет Льюорн. Она передает тебе послания через свою служанку. Сегодня она тоже послала тебе записку. Не так ли?

– Так, мадам. Но вы сказали «замужняя»?

Миссис Бозанко поморщилась:

– Что она тебе сказала?

– Вообще-то, она ничего мне не сказала, мадам. Но у меня, конечно, есть свои мысли, как и у вас – ваши. Вы мудрее меня. Что же думаете вы?

– Она и ее муж едины пред ликом Божиим, – ответила миссис Бозанко.

– Я очень мало знаю о Божьем лице, – сказал Амиот. – Как вам известно, я попал на исландское рыболовное судно, толком не поучившись в школе. На борту моего первого судна я слышал много грязных разговоров. Но это другое, совсем другое!

– Послушай, Амиот. Я действительно говорю с тобой как с собственным сыном. Ты должен уйти сегодня вечером, покончив с этой ребяческой любовью, ты еще станешь взрослым мужчиной.

Однако миссис Бозанко все время сознавала, что, беседуя с ним как с мальчишкой, она обращается к мужчине, – он внезапно повзрослел, и это любовь сделала его взрослым.

– Сегодня я ездила в Трой, – продолжала она, – и завтра утром ты можешь взойти на борт пакетбота «Дауншир», там тебе будут хорошо платить. Ты можешь отнести свои вещи на судно сегодня вечером. Сейчас его грузят, а завтра оно отплывает на Рио-Гранде. Ах, мальчик, поезжай, посмотри мир и забудь все!

– Забыть? Вы имеете в виду – в объятиях другой женщины? Это будет – ведь я еще только учусь! – это будет угодно Божьему лику?

– Ах, Амиот, не делай этого! Никогда не делай! Вот уж никак не думала, что с тобой будет так трудно говорить!

– Вам не нужно бояться *этого*. Ничто не может меня соблазнить, заставив забыть грех, которого боитесь вы, никогда в жизни – как ничто не может стереть память о вашей доброте ко мне. Пожалуй, я побегу собирать вещи.

Подхватив корзины, он растаял в сгущающихся сумерках.

«Теперь уж и не знаю, – подумала миссис Бозанко, – правильно ли я поступила!»

Она медленно шла в гору, размышляя, как бы сообщить новость детям.

Мэри и Джонни играли во дворе возле конюшни: Джонни носился с новым обручем, а Мэри, с надменным видом усевшись на бревно, хронометрировала его круги по своим новеньким часам.

Остановившись, миссис Бозанко несколько минут за ними наблюдала, пытаясь решить, что же сказать им за ужином. Но ей не к чему было беспокоиться. Когда она вернулась в дом, то обнаружила на столике в холле два маленьких пакета, между которыми лежала сложенная записка. Она сама научила Амиота писать по-английски и сейчас, хоть и была озабочена, все же заметила, каким аккуратным почерком, несмотря на спешку, он написал эту записку.

Дорогие хозяин и хозяйка!

Я взял с собой несколько шиллингов. Остальное мое жалованье, пожалуйста, возьмите – оно в этих двух пакетах. Меньший предназначен для Зиллы. Я подумал, что лучше мне не прощаться с ней, да и с остальными тоже. Я бы не смог это вынести. Я поговорил только с лошадьми. Пожалуйста, передайте мой привет мисс Мэри и молодому мастеру Джонни и скажите им, что я всегда буду их помнить. Также передайте, пожалуйста, мои извинения доброму мистеру Трежантилю. За вашу доброту ко мне я благословляю этот дом, стоя на его пороге, перед тем как уйду, и молюсь о том, чтобы Бог был вечно милостив к нему.

Амиот

Накрыли к ужину, и на столе были конфеты-хлопушки. Миссис Бозанко с затуманенным взором собственноручно разложила их. Дети были в восторге.

– А почему опаздывает Амиот? – спросил Джонни, когда, наконец уgomонившись, перестал хлопать в ладоши и подпрыгивать на своем стуле.

Его мать собралась с духом перед ужасным моментом:

– Амиота здесь нет, милые. Он посылает вам привет и поздравляет Мэри с днем рождения, желая ей счастья. Но его вызвали, и он ушел в море, как когда-то покинул его.

Потом, взглянув на их лица, миссис Бозанко впервые в жизни солгала:

– Но он обещал скоро вернуться и рассказать вам новые чудесные истории.

При этих словах она расплакалась.

На Джонни ее слезы подействовали мгновенно. Он никогда прежде не видел свою маму плачущей. Вскочив со стула, он подбежал к ней. Мэри же поднялась и пристально смотрела на них обоих. Она выглядела как маленькая трагическая актриса. Ее сухие глаза смотрели прямо в полные слез глаза матери, когда та подняла голову с плеча прильнувшего к ней мальчика; и, когда их взгляды скрестились, мать поняла, что она может ласкать мальчика и принимать его ласки, но в будущем ей придется иметь дело с женщиной: не просто с ребенком, тоже вышедшим из ее чрева, – но и с женщиной.

Это был один быстрый взгляд гладиатора. Шпаги впервые скрестились. Мэри повернулась к отцу:

– Если вы так представляете себе день рождения, вы двое, то я представляю его себе иначе! – И она вышла из комнаты.

– Куда она пошла, Зилла? – спросил фермер через какое-то время.

– Думаю, наверх, в свою комнату, сэр.

Но Мэри не поднималась в свою комнату. Она вышла прямо в темноту; позже там ее и нашел отец: она сидела на бревне, и тело девочки сотрясилось от душивших ее рыданий. Он поднес фонарь к лицу Мэри – оно не было мокрым от слез.

– Пойдем, детка, пойдем, моя дорогая...

Она позволила взять себя за руку, потом отдернула ее:

– Отец, отец! Ты же не мог быть таким жестоким!

Он уговорил Мэри войти в дом и подняться в ее спальню. Миссис Бозанко, услышавшая ее шаги, немного подождя, встретила мужа на лестничной площадке.

– Она немного успокоилась, – шепотом сообщил он. – Я ушел, чтобы она могла раздеться.

– Я должна пойти к ней и помириться, – сказала жена. – Отправляйся спать, дорогой. Возможно, я вернусь поздно. Мое дитя! Мое бедное дитя!

Прежде чем перейти со своей свечой на половину Мэри, она уложила Джонни. Внизу, в столовой, Зилла, согласно указаниям, потушила лампы; к ужину никто не притронулся. Через час, вспомнив, что в Корнуолле считается дурной приметой оставлять на ночь белую скатерть на столе, добрая женщина спустилась по лестнице и тихо как мышка убрала все: и праздничный пирог, и хлопущки, и все остальное. Так что вскоре после того, как она закрыла дверь столовой и прокралась обратно в свою мансарду, взошедшая луна, заглянув в щелочку между порттьерами, осветила лишь пустой стол из полированного красного дерева и вазу с подсолнухами.

Глава 14

Тайное свидание в Замке Дор и его последствия

Что же сказала Дебора Бранжъен Амиоту на конюшне? Она сказала прямо:

– Госпожа хочет с вами поговорить. Она будет в Замке Дор в девять часов. Ее муж уехал на обед масонов в Сент-Остелл. Он вернется поздно, пьяный. Или если уснет там на людях, то вернется рано утром. В его отсутствие мы с хозяйкой по очереди управляемся с гостиницей и баром.

– Кажется, я понял, что вы имеете в виду. Но если вам нужна защита, мне стоит лишь попросить разрешения, и я могу вернуться домой после того, как гостиница будет закрыта и

я смогу быть уверен, что с вами обеими все в порядке. Правда, я могу запоздать на несколько минут: сегодня вечером праздничный ужин в честь дня рождения мисс Мэри.

– Ну ты и простак! Тебя что, нужно всему учить? Слушай же: я женщина, как и она, и тоже Константайн – только незаконнорожденная. О господи! Я ее служанка, но даже я – слышишь, простофиля! – могла бы тебя кое-чему научить, если бы ты попросил. Короче, она будет в Замке Дор в девять часов с каким-то сообщением – а уж каков его смысл, я не ведаю.

Как нам известно, этот разговор происходил между Амиотом и служанкой перед праздничным чаепитием, примерно за час до того, как миссис Бозанко уволила Амиота. Да, влюбленные должны страдать за любовь, и чем она сильнее, тем сильнее страдания. Ибо истинная любовная страсть, вспыхнувшая с невероятной силой, неизбежно кончается трагедией.

У Амиота, как и у каждого влюбленного, не было никаких дурных предчувствий. Чужой в этой стране, он не поклонялся ее богам. Он знал лишь, что небо стало яснее, зелень листвы – ярче, что птицы стали петь более звонко и проникновенно. Поддавшись настроению, он сломал свою скрипку, но теперь даже не понимал, зачем ему нужно было склоняться над струнами, пытаясь извлечь звуки из куска древесины, когда вокруг поет весь мир, все живое: и лес, и поле поют от счастья, да и сам он, раскрепощенный, звенит как колокол, и эту музыку подхватывает ветер.

Почему же весь мир не может стать счастливым? Конечно, в нем много жестокости. Далеко, на севере, ему довелось познать дикую ярость моря, когда он много дней отчаянно боролся за свою молодую жизнь. Существовали и такие негодяи, как шкипер Фугеро. И отчего это к радости всегда примешивается печаль? Почему она отыскивала его в этом прекрасном краю, куда его таким загадочным образом забросила судьба и где его с такой добротой лечили, кормили и даже приняли в семью? И он платил чем мог – благодарностью, преданностью, работой, любовью. Почему миссис Бозанко, его вторая мать, относившаяся к нему почти с такой же нежностью, как к своим детям, выставила его за дверь, хотя он ни в чем не провинился? Его родная мать сказала ему однажды, что он был рожден в печали и в печали крещен. Он предполагал, что отец его утонул ночью в Baie des Trépassés – в бухте Мертвецов, как раз накануне того дня, когда его сын появился на свет. Он недолго проучился в школе, а затем ушел в море на исландском рыболовецком судне. Да, тогда-то и начались ужасы: огромные волны бушевали за бортом, подбрасывая судно как скорлупку, а на борту кипели дикие, просто зверские страсти. Ну что же, Богу виднее. Судьба даровала ему отрадную передышку, а теперь – снова в море. Для того он и родился на свет, и нет в его душе вражды к морю.

Он начал подниматься в гору, проходя мимо стогов, которые сам помогал ставить. Их благоухание в этот июльский вечер напомнило ему о Мэри и Джонни, об их невинных играх, в которых он участвовал, о чудесном мирке, от которого его отлучили за то, что он полюбил. У поворота дороги он остановился и оглянулся. Внизу, в долине, светилось окно; и снова, с печалью в душе, он благословил этот дом.

Миновав поле, прозванное Воротами Марка, он выбрал кратчайший путь к Замку Дор. Возле земляного вала он вспомнил наставления Деборы и вошел в амфитеатр. Там было пусто. Дважды он обошел амфитеатр, а затем через ворота выбрался на дорогу.

На некотором расстоянии от Замка Дор на дорогу падала широкая лента света из кузницы. Эту ленту пересекала фигура, отбрасывавшая длинную тень. Казалось, ему было суждено всегда видеть ее в сполохах огня.

– Вы пришли раньше времени, – заметила Линнет.

– Случайно. Я недолго ждал.

– Случайно? А что это за узелок у вас на палке?

– Это все, что у меня есть. Меня уволили. Я должен ехать в Трой и рано утром явиться на таможенную, чтобы сесть на пакетбот «Дауншир». Кажется, он отплывает до полудня – так сказала

миссис Бозанко, которая все это устроила. Таким образом, нам по пути, и я все объясню, пока буду провожать вас до дому, если позволите.

Но она кивнула в сторону ворот, и он открыл их, пропуская ее вперед.

– Мы можем побеседовать здесь. Она вас уволила? Почему?

– Потому что... – Он запнулся и беспомощно умолк.

– О, я знаю! Эти холодные женщины севера, исполненные чувства долга! Итак, Дебора принесла вам мою записку – и вы уезжаете, Амиот!

– Миссис!

– Здесь темно, и я не вижу ваших глаз. Но посмотрите мне в лицо и скажите правду: что-нибудь случилось с вами в последнее время?

– Я не знаю, не знаю!

В следующее мгновение она оказалась у него в объятиях, захлебываясь счастливым смехом:

– Ты никуда не поедешь! Скажи, что ты никогда не уедешь! Амиот! Амиот!

Они стояли у ворот, и над ними сияла Диана³⁶ в своей первой четверти, яркая, с заостренными концами, как кривая восточная сабля.

Старый лесник, живший в домике над маленьким пляжем – вдоль берега тянется целая цепочка таких домишек, к которым спускаются леса от Замка Дор, – поднялся в четыре утра с намерением проверить свои сети. Он исполнял самые разнообразные обязанности при своем хозяине, большой дом которого стоял наверху: сторожил лес, помогал в саду, рыбачил... Всю последнюю неделю в бухте было полно барабульки. У хозяина гостила целая компания, а из рыбного нет ничего вкуснее к завтраку, чем только что выловленная барабулька.

Этот старик, по имени Эли Роу, был не из тех, кого посещают видения, но, занятый своей работой, он вдруг услышал плеск воды – слишком близко к скалам, чтобы это мог быть лосось.

Нет – это нырнул человек: через минуту-другую стало слышно, как кто-то плывет, энергично рассекая воду. Старик вгляделся. Даже в предрассветных сумерках были видны руки пловца в фосфоресцирующей воде и ясно можно было различить темноволосую голову мужчины.

Потом к кромке воды приблизилась еще одна фигура – женская, в полном одеянии. В тишине рыбак отчетливо слышал, как у нее под ногами хрустит галька. В руках у женщины было что-то похожее на легкий узелок. Когда пловец повернул обратно к берегу, женская фигура исчезла за выступом скалы.

Эли увидел, как пловец, выйдя из воды, бежит по берегу. Ну что же, в этом странном мире полно людей именно там, где их меньше всего ожидаешь увидеть. И не его это дело.

Но позже, пристав к берегу и вытащив из лодки улов, он, уже стоя возле калитки своего сада, увидел на тропинке женскую фигуру, удалявшуюся от моря, и подумал, что вид у женщины удрученный. Мужчина же исчез.

Линнет и Амиот пришли на берег лесом, в котором благоухали субтропические кустарники и столь знакомые англичанам мята и чабрец. В теплом ночном воздухе все эти растения источали сильнейший аромат, который окутывал пару, погруженную в свои грезы. Время от времени в тишине были слышны легкие шорохи: лес жил своей жизнью.

– Ты не уедешь!

– Я должен, должен – я дал слово.

– Ну и что? Что значит слово по сравнению с любовью? Любовь – это документ, в конце которого поставлена подпись.

³⁶ В римской мифологии богиня, олицетворявшая луну.

– Поставлена навеки.

– И все-таки ты уезжаешь? Ты мог бы спрятаться в лесах над Лантиэном. Никто бы тебя не искал, и мы могли бы встречаться.

– Я обещал. Разве могу я нарушить свое слово, данное людям, которые были столь добры ко мне? Но однажды я вернусь и встречу с тобой возле Лантиэна. Клянусь тебе. О любовь моя, как же я могу не вернуться!

– Я слышала, что мужчины всегда клянутся... Кто это там движется за деревьями, над нами?

– Всего лишь тени. Там никого нет.

Он открыл калитку; внизу был маленький пляж, залитый лунным светом. Здесь вдруг повеяло соленым запахом моря, перебившим лесные ароматы. Волны лениво лизали белую гальку. На мелководье были видны спутанные водоросли, издававшие острый запах, разносившийся по всему побережью. По тропинке они спустились на пляж.

– Побудь здесь, – сказал Амиот. – Я хочу поплавать. А ты умеешь плавать?

– Увы, нет.

– Когда-нибудь я тебя научу. Боже мой, что это будет за урок, когда моя рука будет поддерживать твоё нежное тело!

– «Когда-нибудь»! Ах, это так долго, долго! Все мужчины говорят «когда-нибудь», когда обещают.

Но любовь, ввергнув поначалу Амиота в оцепенение, сделала его сильным. Она превратила его из мальчика в мужчину, властелина.

– Садись здесь, – велел он.

И она, выскользнув из его объятий, раскинулась на гальке, расслабившись под его поцелуями. Ей нравился его новый тон.

После долгого поцелуя, который, казалось, вынул из нее всю душу, он, отбежав чуть в сторону, разделся в тени утеса, вскарабкался на него и нырнул.

Сквозь дрему она услышала тот же всплеск, что и лесник, а потом – звук, с которым пловец рассекал воду. И внезапно наступила тишина. На самом-то деле Амиот перевернулся на спину и созерцал небо – бездонное, безграничное.

В этой тишине ей вдруг пришла в голову мысль, что он утонул. Ужасный урок, заключающийся в том, что блаженство мимолетно и ничто совершенное не вечно, был преподан ей под рокот волн, набегавших на берег и оставлявших на гальке ручейки.

Она сбросила туфли и чулки и произнесла почти шепотом:

– О любовь моя! Ты жив? Ты там?

Так она позвала дважды, на третий раз – громче. Он снова поплыл, делая сильные взмахи руками, и наконец побежал к берегу, сверкающий, весь в каплях морской воды.

Она вошла в воду, двигаясь ему навстречу:

– Любовь моя, если бы я умела плавать!

– Что тогда, любимая?

– Мы бы плыли бок о бок, пока не добрались бы до берега. И даже если бы мы утонули, то там, в самой глубине, были бы потайные пещеры с песчаным дном.

Она провела рукой по его влажному плечу. Он, опустившись на песок, поцеловал ее белые ступни:

– Я вернусь – клянусь тебе в этом.

– Не клянись, Амиот. Не клянись в этом, любовь моя! Все мужчины так поступают, а я хочу ждать и думать, что ты – другой.

– Насколько я понимаю, вам следовало быть здесь вчера вечером, в девять или около того, – сурово произнес мистер Макфейл, когда Амиот появился на таможне. – Я пришел сюда

после ужина по просьбе миссис Бозанко, выправил ваши бумаги, и вы могли бы взойти на борт судна. Итак, «Дауншир» уже отплыл. Неужели миссис Бозанко перепутала то, что я ей сказал? Не похоже на эту добрую женщину, – по крайней мере, у меня сложилось о ней иное мнение.

– Нет, сэр. Она мне сказала, что «Дауншир» отплывет рано!

– Она сказала, что я буду здесь ждать?

– Я виноват, месье!

– Я полагаю, вы опоздали. Увидели, что в окнах темно, а дверь заперта, да? Может быть, вы выпили?

– Нет, сэр. Я пришел сюда всего пять минут назад.

– Ну что же, «Дауншир» отплыл сегодня утром, в шесть часов.

И действительно, когда Амиот, ошеломленный свалившимися на него блаженством и бедой, сидел у воды на восходе солнца, он видел, как на большом расстоянии от берега мимо прошел пакетбот – несомненно, это был «Дауншир».

– Так, значит, вы провели ночь в Лантиэне? – спросил мистер Макфейл.

– Нет, месье... нет, сэр.

– Я понимаю по-французски, – сказал сборщик таможенных пошлин. Он поднял очки на лоб и взглянул на Амиота, потом водрузил их на место и снова воззрился на него. – Быть может, вы задержались из-за какой-то женщины? – предположил он, и тон у него вовсе не был суровым.

Амиот поморщился и, когда до него полностью дошел смысл этого намека, гордо вздернул подбородок:

– Это было совсем не так, сэр!

– Ну-ну, я же ни о чем не расспрашиваю. Просто знаю, как это бывает у моряков и молодых парней, – ну все, больше не будем об этом. И что же теперь делать? Ты мне симпатичен, парень, но у тебя не должно быть привычки пропускать назначенную встречу. Как говорит Шекспир, «в делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха»³⁷. Я не упустил свой шанс, когда мне было примерно столько же лет, сколько тебе. Ступай в соседнюю комнату и подожди, пока я не схожу в контору гавани и не узнаю последние новости. Может быть, ожидается прибытие какого-нибудь судна.

Амиот поблагодарил его и вышел в чистую маленькую комнату с низким потолком. Эркер в комнате нависал почти над самой водой. Конечно, повинаясь инстинкту моряка, он направился прямо к окну, чтобы взглянуть на море и на корабли. Его рука невольно потянулась к глазам, словно для того, чтобы стереть наваждение: у причала стояла «Жоли бриз», уже с грузом, флаг был поднят до середины мачты – чтобы вызвать лоцмана.

Конечно, в этом не было ничего удивительного. Маленькая шхуна курсировала вдоль бретонского побережья, заходя в Трой с разнообразным грузом: с клубникой в сезон, позже – с абрикосами и луком, с известью – на нее здесь был большой спрос, так как печи для обжига, прежде горевшие на берегу каждой бухты Корнуолла, были заброшены.

Нет, удивляться было нечему. Но сердце Амиота дрогнуло при виде этого знакомого и такого ужасного судна. Оно было пришвартовано рядом с двумя большими кораблями, и возле высокого борта ближайшего из них шхуна «Жоли бриз» казалась лодочкой из пробки.

Ах, эта шхуна была прекрасна! Но если бы таможенник по доброте душевной попытался устроить его именно на ее борт, то могло бы произойти убийство, причем еще до того, как шхуна дошла бы до Ушанта. Амиот возмужал – он вдруг почувствовал себя мужчиной. Если ему суждено вот так распротиститься со своей мечтой...

И тут он услышал шаги таможенника, который уже поднимался по ступенькам, а еще до него донесся голос этого проклятого Фугеро, который, следуя за мистером Макфейлом, орал:

³⁷ Шекспир У. Юлий Цезарь. Акт 4, сцена 3. Пер. М. Зенкевича.

– Значит, он здесь, в конторе, эта маленькая свинья! Этот чертов нотариус мертв и помешать мне больше не сможет! Я выследил паршивца на улице! Бежать бесполезно! Закон на моей стороне!

Амиот подошел к двери. Когда вошел мистер Макфейл, он отступил в сторону, а потом встал в дверях, дожидаясь, пока Фугеро с пыхтением не преодолеет последнюю ступеньку...

– *Vlan!*³⁸ – выкрикнул Амиот и нанес удар.

Удар пришелся в кадык; второй, более яростный, – в челюсть. А когда Фугеро медленно повернулся, раскинув руки и ища опоры, последовал третий сокрушительный удар – в затылок. Великан скатился с лестницы и затих внизу.

– Боже мой! – воскликнул мистер Макфейл, протискиваясь мимо Амиота. – Ты его убил?! – Склонившись над телом, он не забыл окинуть взглядом улицу и холм и убедился, что кругом ни души – по странному, счастливому стечению обстоятельств.

Не считая горлового всхлипа, который Фугеро издал после первого удара Амиота, поединка не было и закончился в жуткой тишине.

– Боже мой! – повторил мистер Макфейл. – Ты его убил?

– Не знаю. – Амиот, тяжело дыша, спустился по лестнице, рассматривая окровавленные костяшки своих пальцев. И добавил: – Мне все равно.

Женщина, у которой была маленькая зеленая лавка на склоне холма, увидела из своего окна лишь финал. Она выбежала на улицу и помчалась к таможене:

– Что случилось? О мистер Макфейл! Что случилось?!

– Тише, женщина, придержи язык! – приказал таможенник. – Этот мужчина упал с лестницы, вот и все. Он потерял сознание, но дышит. Судя по тому, что от него несет спиртным, он приложился к бутылке. Думаю, придет в себя через минуту-другую. Если хотите быть полезной, можете сбегать на Норт-стрит и привести инспектора. Но никакой паники! Просто отправляйтесь туда и скажите спокойно, что он понадобится мне на таможене через пять минут. Понятно?

Кивнув, женщина убежала.

– А теперь вот что, парень. Давай-ка уходи отсюда побыстрее – вон там лестница, она ведет к причалу. Прилив уже кончился. Иди по прибрежной полосе, потом поднимись по этой лестнице, и окажешься на улице – как будто ты причаливал лодку. У тебя есть носовой платок? Хорошо. Перевяжи руку, а если кого-нибудь встретишь, небрежно засунь ее в карман. Нет, я не принимаю благодарности – это непрофессионально. К счастью для тебя, я на часок отпустил своего клерка. Но Господь заботится о дураках.

Глава 15

Два посетителя в «Розе и якор»

Через пару минут Фугеро открыл глаза, постепенно приходя в себя.

– Какого черта! – прорычал он. – Руки прочь, ты! Что это ты делаешь с моим горлом? – Это было сказано по-французски.

– Я развязывал вам шейный платок, – ответил мистер Макфейл. – Вы сильно ушиблись, упав с лестницы. Лучше полежите минутку спокойно.

Гигант с трудом сел и, оттолкнув таможенника, огляделся. Потом, ухватившись за перила лестницы, поднялся и, привалившись к ним, начал изрыгать проклятия, одновременно ощупывая свои карманы.

– Я вас не ограбил, если вы думаете об этом, – сказал мистер Макфейл.

– В какую сторону побежала эта маленькая скотина?

³⁸ Бац! (фр.)

– Он не скотина, и он не маленький, и я не припоминаю, куда он побежал. Он оставил вас на мое попечение. Занимаясь вами, я не заметил, в какую сторону он пошел.

– Уверен, вы лжете, – заметил Фугеро и сплюнул.

Макфейл даже побледнел.

– Я не лгун, – ответил он, с трудом овладев собой. – Однако заявляю прямо: если бы ложь могла спасти какого-нибудь достойного парня от таких, как вы, я бы солгал.

– Но она его не спасет! Мальчишка принадлежит мне. Он сбежал с судна, и по закону я имею на него право. Да, у меня в сундуке на борту его бумаги, а еще такая хорошенькая плетка, ее называют «кошка». Это уже второй раз. Первый раз его спас один выживший из ума старик-нотариус. Но я узнал, что он умер, а мертвые не в счет. А во второй раз *ты* дал ему уйти.

– Это вам еще придется доказать. – Мистер Макфейл тщательно взвешивал свои слова. – Так же, как придется доказать, каким именно образом вы очутились у подножия этой лестницы. Правда, – но это лишь мои догадки – мне думается, что вы получили по заслугам.

– Этот крысеныш застал меня врасплох.

– О, конечно, точно так же, как вы рассчитывали застать его. Не лучше ли вам вернуться на борт и отплыть? Лоцман уже дожидается.

– На черта мне сдался этот лоцман, да и ты тоже! Ничего, подождет, а надоест – пускай посылает счет агентам. Я могу сам вывести свою посудину из гавани при любом приливе. Но я доберусь до этого парня, даже если просижу здесь неделю.

– А как насчет платы за простой?

– К черту плату за простой! Мне принадлежат три четверти акций.

– Вот как – а как насчет начальника порта? Ему нужно, чтобы вы освободили место.

– Вы не понимаете вот чего: этот парень сбежал с судна и ваша полиция обязана его разыскать и передать мне.

– Можете сказать им об этом сами: полиция уже здесь.

И действительно, к ним размеренным шагом приближался инспектор полиции, рядом шел молодой констебль. Инспектор, высокий, крепкий мужчина, был всегда серьезен и славился своей терпимостью.

– Я слышал, у вас тут небольшая проблема, – сказал он.

– Проблема? – взвился Фугеро. – Никаких проблем – кроме того, что мой матрос сбежал с судна, и я побеспокою вас просьбой отыскать его.

Просто удивительно, как некоторые люди умудряются вызвать к себе антипатию с самых первых слов. Инспектор окинул шкипера безмятежным взглядом:

– Ваша фамилия?

– Фугеро.

– Да, конечно же, шкипер вон той шхуны, «Жоли бриз», не так ли? А как зовут матроса?

– Амиот Тристан, из Локтюд, это в Бретани. Или так, или Тристан Амиот. В общем, ублюдок.

– Вряд ли я могу дать такое описание на ордере и отнести на подпись судье: по такому описанию нельзя опознать и арестовать человека. Пожалуйста, скажите что-нибудь более определенное. – Инспектор перенял эту манеру вести беседу от заместителя начальника полиции. – Вы наняли этого человека матросом на вашу шхуну. В котором часу вы хватились, что его нет на борту?

Фугеро молчал.

Мистер Макфейл издал смешок:

– Не будьте слишком строги с этим человеком, инспектор. Учитывая, что это произошло почти год тому назад, вы вряд ли можете ожидать, что он вспомнит день и час.

– Я же вам говорю, у меня его бумаги! Если вы поднимитесь на борт...

– Я не сделаю этого. Потому что так уж вышло, что у меня есть бумаги, касающиеся вас, и, если вы прогуляетесь со мной до полицейского участка, я могу их вам показать. Против вас имеются сведения, предоставленные джентльменом из вашей страны и подписанные четырьмя свидетелями.

– Тьфу! Он мертв, и сведения уже устарели.

– Конечно устарели, но все же не так, как ваши притязания на этого молодого человека, а? Имеется также целая кипа документов, касающихся вас, на французском языке. Я сам не читаю по-французски, но, может быть, мистер Макфейл пойдет со мной и переведет эти бумаги.

– Думаю, в этом не будет необходимости, – сказал таможенник.

Фугеро изрыгнул проклятия в адрес обоих и вышел, шаткой походкой направившись к «Розе и якорю», чтобы поправить здоровье. В баре он заказал двойное бренди. Его обслуживала Дебора, молча наблюдавшая за ним.

Фугеро, проглотив бренди, толкнул к ней стакан по металлической стойке, чтобы его снова наполнили. Дебора отправила стакан обратно:

– Я вам больше не налью. Вы уже и так пьяны.

– Ну же, еще один маленький стаканчик, будь умницей!

– Ни капли.

– Вот как! – Он бросил на нее плотоядный взгляд. – Мне нравятся бабы с норовом – да еще с таким бюстом, как у тебя. А знаешь ли ты, что я могу разнести весь твой чертов бар одним взмахом руки – рюмки, бутылки и все остальное?

– Конечно знаю.

– И ты не боишься?

– Вас? Да ни капельки.

Взглянув на нее, Фугеро спросил:

– Наверное, рассчитываешь на поддержку, которую получишь, если позовешь на помощь? Прибегут из задних комнат этого заведения?

– Вовсе нет. Я могу позвать на помощь соседей или, – она бросила взгляд в сторону площади, – полицию. Ну что, позвать?

– Нет, чуть-чуть погоди. Не так уж я пьян, как ты говоришь, просто немного навеселе и пытаюсь думать.

– Ну что ж, думайте.

– Этот ваш паренек – вы с мадам не держите его где-то в доме, а?

– О ком это вы говорите? Ну что, вы уберетесь отсюда или мне позвать хозяина и вызвать полицию?

– Tiens!³⁹ Да от вашей английской полиции честному человеку никакого проку – не больше, чем от нашей. Я говорю об этом моем торговце луком, которого вы мне не дали наказать и с которым вступили в заговор. Он где-то поблизости?

– Нет.

– И не служит здесь?

– Нет, – ответила Дебора. – И даже если бы я знала, где он в эту минуту, то не сказала бы вам. Этого достаточно?

Фугеро поднялся:

– Достаточно. Но еще один стаканчик бренди не помешал бы, а?

– Если вы пообещаете – хотя вы и скотина – сразу же уйти.

Ему налили, он выпил свой стакан и, пошатываясь, побрел прочь.

³⁹ Вот как! (фр.)

В то же утро, немного позже, мистер Макфейл зашел в «Розу и якорь», чтобы, по своему обыкновению, выпить пинту сидра. Он предпочитал сидр пиву – сидр здесь был превосходный, из яблок, выращенных в саду отца миссис Льюорн. У этого сидра был привкус груши, а по цвету он напоминал светлый янтарь. Ежедневно ближе к полудню таможенник появлялся в «Розе и якорь», заходил в бар, трижды ударял в гонг, в остальном полагаясь на сообразительность тех, кто обслуживал здесь клиентов.

Вошла Линнет Льюорн, неся на подносе кувшин, стакан и безукоризненно начищенную оловянную кружку. Мистер Макфейл приподнялся со стула, давая понять, что оценил эту честь, и она объяснила, что Деборы нет, а парень, прислуживающий в баре, накануне вечером подвернул ногу, когда шел домой.

– Вам не за что извиняться, мэм, – сказал мистер Макфейл. – Вы оказываете мне честь. И если позволите старику такую вольность, то замечу, что никогда не наблюдал вас в таком цветущем виде. Замужество определенно пошло вам на пользу.

– Благодарю вас, мистер Макфейл. – Линнет осторожно налила сидр из кувшина в стакан. – А теперь посмотрите на свет. И прежде чем я перелью его в кружку, скажите, я нацеживаю так же хорошо, как Дебора?

– Несомненно, мэм. Чистый, как драгоценные камни, о которых читаешь в Апокалипсисе, но редко видишь в жизни. – Он вернул стакан. – Я очень рад, что вы обслуживаете меня вместо Деборы. Потому что хочу рассказать вам одну интересную историю о том, что произошло совсем недавно. Вы помните торговца луком, которого вы спасли чуть ли не год тому назад? Осторожнее, мэм, и переливайте быстро, не то прольете, – нельзя терять ни капли столь драгоценного напитка.

– У Деборы это выходит более ловко, чем у меня. – Линнет быстро перелила сидр.

– Вот и хорошо... Итак, он пришел сегодня утром ко мне в контору и там – вы просто не поверите! – случайно столкнулся с тем шкипером, Фугеро... Точнее, Фугеро наткнулся на него на Фор-стрит и пошел за ним следом. А парень как следует врезал ему три раза...

Мистер Макфейл пересказал всю историю, время от времени отрываясь от кружки. Линнет слушала, в поисках опоры нащупывая за спиной горячими руками дверной косяк.

– Но где же он?

– Шкипер? По правде говоря, ему бы следовало сейчас быть в больнице. Но такое животное... Когда-то в школе я читал об одном греке, который мог одним ударом убить вола. Я тогда не поверил... а теперь верю еще меньше. Ужасные лгуны все эти греки, которых я встречал.

– Нет, нет! Я имею в виду Амиота!

Мистер Макфейл испытующе взглянул на нее поверх своей оловянной кружки:

– Я не полицейский. Вы имеете в виду бретонского парня? Я не заметил, в какую сторону он пошел. Может быть, вверх по реке...

Шхуна «Жоли бриз» отчалила от берега вечером, во время прилива. У руля стоял помощник капитана. Шкипер лежал внизу, в каюте. Он вытянулся на койке и весь горел, дыхание было тяжелым. Бутылка бренди на столе была не тронута.

Глава 16

Награды и феи

В то утро, когда Амиот исчез из Лантиэна, Джонни Бозанко проснулся, исполненный надежд, которые постепенно сменились отчаянием. На кровати напротив не было Мэри, с которой можно было бы поболтать и что-нибудь придумать. Мэри забрали в комнату матери, где девочка, осыпая мать укорами, рыдала, пока не заснула. Их обожаемый Амиот ушел, а с ним – и маленькие надежды Джонни на счастье. Но он был мужественным и изобретательным ребен-

ком. Поскольку на него и Мэри обрушилась беда, он должен действовать. Он прокрался вниз, в гостиную, нашел там лист бумаги и написал:

Дарагие феи!

Пожалуйста, отыщите Амиота и верните его сюда. Моя сестра Мэри плачет из-за того, что он ушел, и мне ее очень жаль.

Дарагие друзья, если бы вы только знали, как мы оба разстрадаемся!

С уважением,

Дж. Бозанко

На письме был обозначен адрес: «Феям, где-нибудь около Лантиэна, Лостуитиель».

Джонни послал его через кухонный дымоход, как обычно посылал свои пожелания Санта-Клаусу на Рождество.

А когда все в доме встали, он уговорил сестру пойти в лес за черникой. Мать положила им в корзинку немного еды и велела вернуться с полной корзинкой ягод. «Честный обмен – это не грабеж, а ваш отец больше всего на свете любит пирог с черникой». Солнце просто палило, но в лесу детям не грозил солнечный удар.

– Но теперь же все испорчено! – причитала Мэри.

– Ничего подобного, – решительно возразил Джонни.

– Пожалуй, в мире нет никого, кто был бы столь же... столь же черств, как мальчишки.

– Если ты имеешь в виду, что я бесчувственный, то немножко подожди – пока я тебе кое-что не найду.

– Что?

– Угадай!

– Ты очень загадочен сегодня утром.

– А ты все время говоришь красивые слова. Я помню, папа как-то раз сказал, что красивые слова на хлеб не намажешь. Не знаю, что он имел в виду, но тебе нужно отучаться от этой привычки.

– Ну так что же ты обещаешь найти?!

Джонни заколебался, но вовремя вспомнил, как Мэри однажды сказала, что феи – это что-то такое... в общем, развенчанное. Это значило, что она в них не верит.

– Я не обещаю ничего конкретного. Ну, предположим, это гнездо кроншнепа...

Он снова совершил промах. Грачи, которыми так интересовался мистер Трежантьиль, гнездились на деревьях, и их гнезда были хорошо видны, но труднее всего было найти гнезда кроншнепа. «Голос его повсюду, а гнезда нет нигде», – однажды сказал Амиот и добавил, что не успокоится, пока не найдет для них гнездо кроншнепа.

Мэри подавила свое горе, и они начали собирать чернику.

Когда дети набрали достаточно ягод на пирог, а рты у них были совсем черными («Нужно же попробовать, хорошие ли они», – повторял Джонни), они спустились на берег реки у Вудгейт-Пилла и умылись солоноватой водой. Возвращаясь обратно, они набрали на полуразрушенное строение, за которым был заброшенный сад. Они нашли там себе подходящее местечко и устроили пикник. Впервые в жизни Джонни, благодаря печали, познал одно отрадное чувство, которое, конечно, не смог бы выразить словами. Они с Мэри потеряли горячо любимого ими Амиота и потому были безутешны. Но их экспедиция и пикник были очень романтичны, а самое главное – Джонни впервые осознал, что он мужчина. Мэри плакала у него на плече. Это означало, что, несмотря на то что Мэри старше и превосходит его в знаниях, она – забавное существо, девчонка, и он должен ее утешать и защищать. Таким образом, к Джонни столь рано пришла догадка о долге мужчины в жизни. Все утро он бродил по лесу, проникаясь сознанием своей значимости. А еще он верил. И когда Мэри собрала остатки пиршества в корзинку, он сказал:

– А теперь я бы не удивился, если бы оказалось, что именно тут мы найдем гнездо кроншнепа – скажем, вон на той стене.

– Ты же сломаешь себе шею, – беспокоилась Мэри, когда он начал карабкаться на стену. – Я тебе запрещаю! Да и какие могут быть яйца кроншнепа в это время года?

– Я говорю не о яйцах. Я говорю о гнездах.

Он забрался на самый верх и, оглядевшись, соскользнул обратно.

– Там нет никаких гнезд, – объявил он.

– Я знала, что их там нет.

– Но на холме яблоневый сад – его не видно снизу, с берега. Ты тут пока собирайся и жди меня. Пойду взгляну, что там за яблоки, – на вид они просто чудесные.

Джонни отсутствовал пару минут, а когда вернулся, то вид у него был загадочный и он весь сиял.

– Я знал это все время, – произнес он шепотом, – я знал...

– Да что же там такое?!

– Это вовсе даже не *что*, это *кто*. Угадай же, угадай! Нет, не могу больше терпеть! Это Амиот!

– Может быть, мисс, – не удержался Джонни, несмотря на то что был очень взволнован, – может быть, в следующий раз вы не будете так самоуверенно утверждать, что феи не существуют.

– О чем ты говоришь?

– Дело в том, что я взял да написал им. Написал и отправил письмо через дымоход – вот так-то.

– Что? Да у тебя солнечный удар! Амиот!

– Разве я не обещал тебе кое-что найти? Так вот, я залез на дерево, но на самом деле искал не яблоки. На самом деле, пока ты тут укладывала все в корзинку, я искал Амиота. А теперь тебе бы лучше снова заглянуть в нее – не осталось ли там чего: судя по его виду, он голоден. Когда он поднял голову с травы, на которой спал...

– Но где же он?

Джонни подошел к дверному проему и позвал:

– Амиот!

Через несколько секунд появился Амиот, усталый, растрепанный и ослабевший; у него едва хватило сил, чтобы принять в свои объятия Мэри, он даже качнулся, когда она в восторге бросилась ему на грудь.

– Я слышал ваши голоса, а потом свалился и уснул, наверное. И все-таки я слышал ваши голоса...

– Амиот!

Они отдали ему остатки съестного, и он жадно набросился на еду, но ел как-то машинально, а взгляд его, несколько странный, не отрывался от мирных лесов и реки, медленно текущей у подножия холма.

– Мы принесем тебе еще. О, посиди здесь, пока мы не сбегает и не скажем маме!

Оставив его, дети убежали. Тропинка вела через дубовую рощицу, и здесь-то они и встретили миссис Льюорн – Линнет. У нее на руке тоже висела корзинка. Пусть Джонни верил в фей и всякое такое, но для Мэри именно миссис Льюорн была воплощением всего лучшего в той взрослой жизни, о которой девочка мечтала: красота, грация, величавая осанка, нежный, но властный голос, безукоризненное произношение, нарядная одежда и прочие атрибуты богатства – короче говоря, все, чего жаждала ее юная душа. И она не гнушается носить корзинку!

– Какое чудесное утро, – сказала эта красивая леди. – Я думала, вы устроили в той стороне пикник. И я думала...

– Да, да – мы нашли Амиота! Он там, внизу, в доме! Мы пошли за едой для него. Нам сказать маме, что мы его встретили?

Линнет Льюорн немного помолчала. Потом вдруг приложила палец к губам.

– Подождите, – ответила она. – Давайте посоветуемся – мы втроем.

Она загадочно улыбнулась и, поманив детей пальцем, повела их в маленькую ложину под дубами. Усевшись на землю, она похлопала руками, указывая им место рядом с собой. Дети последовали ее примеру, сгорая от любопытства.

– Я так понимаю, что вы не хотите Амиоту зла? – Вопрос, прозвучавший неожиданно резко, ошеломил детей.

– Конечно нет, – ответила Мэри, а Джонни решительно добавил:

– Я бы стал за него драться, если бы понадобилось, и если это тот французский шкипер, который его преследует, вам стоит только сказать нашему отцу...

Но миссис Льюорн с серьезным видом покачала головой.

– В том-то и дело, – объяснила она, – что твой отец ничего бы не смог сделать. Его долг – выдать Амиота полиции. Этот французский негодяй вернулся, и Амиот подрался с ним и сбил его с ног, а это значит, что его могут арестовать и обвинить в оскорблении действием, – вы понимаете, что это означает?

– Тюрьма? – выдохнула Мэри, побледнев.

Линнет кивнула.

– Шесть месяцев или больше, – сказала она. – Вы только подумайте: ему придется дробить камни или шить мешки для почты. А если он попытается бежать, его будут искать с собаками.

Дети в ужасе уставились на нее.

– Так что же мы можем сделать? – воскликнул Джонни. – Если полицейские узнают, что он здесь, они придут сюда и наденут на него наручники. И поведут к судье.

– Вот именно, – подтвердила Линнет. – Они не должны его найти. И вот почему вам не следует говорить ни вашему отцу, ни вашей матери, что он здесь. Это было бы несправедливо по отношению к ним.

Мэри и Джонни были в недоумении. Их так воспитали, что со всеми своими горестями они шли к родителям. Это никуда не годится – вернуться домой и лгать. Линнет Льюорн поняла по выражению их лиц, что творится у них в душе.

– Я не прошу вас их обманывать, – мягко произнесла она, – вы просто не упоминайте о том, что нашли его. Они не станут вас спрашивать: ведь они думают, что он сейчас далеко в море. А если в Лантиэн явится полиция с расспросами – ну что же, тогда и будем думать, что делать.

Мэри, вспомнив о своем испорченном дне рождения, первой поддалась искушению.

– Никто не собирается его здесь искать, – заявила она, – и мы с Джонни легко можем приносить ему хлеб и яйца и все, что сбережем из нашего собственного завтрака и обеда.

– О, что до того, – сказала Линнет, – то я всегда могу прийти. За мной никто не будет следить и не будет ни о чем спрашивать. Единственное, в чем я хочу быть уверена, так это что вы не выдадите его.

– Выдать Амиота?! – пылко воскликнула Мэри. – Да ни за что на свете!

– Мы клянемся собственной жизнью, – сказал Джонни.

Они были вознаграждены ослепительной улыбкой, а потом – объятиями и поцелуем. Затем искусительница поднялась на ноги.

– Итак, мы договорились, – заключила она. – Место, где прячется Амиот, – секрет, известный только нам троем. А теперь – что, если вам вернуться в Лантиэн – не спеша, с очень естественным видом, – а я бы пока пополнила запасы нашего... нашего пленника?

Позже дети решили, что это очень здорово – делить секрет с миссис Льюорн. Ведь она взрослая и замужем, и, разумеется, она знает, что делает. Она никогда бы не предложила хранить что-то в секрете, если бы в этом было нечто дурное.

– Не забыть бы нашу чернику, – сказала Мэри. – Там, внизу, у залива, целая корзинка.

– Надо отдать четверть ягод Амиоту, – добавил Джонни. – Если мы отдадим больше, мама что-нибудь заподозрит или обвинит нас в том, что мы съели чернику сами.

Они вернулись на берег, на этот раз крадучись, обмениваясь взглядами, как заговорщики. Радость оттого, что они нашли Амиота, теперь несколько померкла из-за тревоги. Секрет был захватывающим, но в то же время лег на них тяжким бременем. Даже великолепный день слегка утратил свое сияние; на западе собирались облака, предсказывавшие перемену погоды. Стая черноголовых чаек, предвестников осени, поднялась с песчаной отмели и с тревожным и пронзительным криком понеслась над берегом вниз по течению. Одинокая цапля, которая спокойно отыскивала себе пропитание, тоже забеспокоилась и, хлопав крыльями, пустилась следом за чайками.

Амиота не было видно, но Линнет, бросив взгляд в сторону разрушенного дома с зияющим дверным проемом, улыбнулась и сказала:

– Вам бы лучше пойти домой, дети. Я позабочусь о нем.

Взмахнув рукой, она отвернулась, как бы отпуская их. Джонни с Мэри молча взяли корзину с черникой и, не оглядываясь, направились к лесу.

Они прошли несколько сотен ярдов, и вдруг Джонни остановился:

– Мы же забыли дать Амиоту ягод! – Он указал на корзину. – Мне сбегать?

Мэри покачала головой.

– Мы им не нужны, – ответила она коротко, – и черника тоже.

Они молча побрели домой. Им казалось, что в лесу нависла гнетущая тишина. Внизу, в заливе, все замерло, словно погрузилось в полуденную дрему. Лишь время от времени малиновка заводила свою жалобную песню в заброшенном саду, где никогда больше не будут собирать яблоки.

Глава 17

Доктору Карфэксу помешали

У доктора Карфэкса был поздний ланч после утреннего объезда пациентов, и, поскольку больше вызовов не было, он пообещал себе, что время, оставшееся до вечернего приема, относительно спокойно проведет в своем саду. Точнее, в маленькой деревянной хижине, которую он себе построил в конце садовой дорожки, возле хорошо ухоженной лужайки. Морской порт, в котором кипела жизнь, прибытие и отбытие судов и прогулочных яхт – все это занимало его как наблюдателя, вооруженного подозрительной трубой, в то время как мусорная куча, разместившаяся за хижинкой (садовник сбрасывал туда птичий помет и прочее), давала доктору Карфэксу пищу для философских размышлений – к примеру, о бренности всего, что имеет растительное или животное происхождение, особенно животное, ибо в данную минуту он с помощью подозрительной трубы наблюдал смертельную схватку между двумя случайно попавшими туда ухватками и колонией муравьев.

Поэтому в этот июльский полдень доктор особенно рассердился, когда в окне хижины показалось круглое лицо Моны (миссис Уэлч – для всех, кроме доктора), славной женщины, служившей у него; она объявила, что звонят в колокольчик у парадного входа.

– Пусть продолжают в том же духе, – решительно ответил ее хозяин. – Ребенок у Робертсов должен появиться на свет не раньше чем через две недели, сегодня утром я забинтовал щиколотку Неду Варкоу, а у Элизы Хокен достаточно таблеток от несварения желудка, чтобы убить ее, если ей так заблагорассудится. К тому же если я нужен кому-либо из моих пациентов, то они знают, что надо идти ко входу во врачебный кабинет. Ради бога, женщина, уйди и оставь меня в покое.

Но Мона не сдавалась. Звяканье дверного колокольчика прервало на середине ее дневное омовение, столь же священное для нее, как размышления – для ее хозяина, и теперь они должны страдать оба.

– Нет никакого смысла препираться со мной, доктор, – ответила она. – К тому времени, когда я дошла до парадного входа, он уже вошел, и я же не могла отрицать, что вы дома, поскольку он видел, как вы пошли в хижину.

– Черт побери! – Доктор взорвался, как фейерверк пятого ноября, в Ночь Гая Фокса⁴⁰. – Вечно они заглядывают в окно кухни и просят вас оторвать меня от обеда. Это было ошибкой – поселиться в доме, который стоит прямо на улице, а еще – иметь такую низкую стену вокруг сада, что не успеешь и пару минут погреться на солнышке, как все пациенты уже знают об этом. Клянусь, как-нибудь на днях я удеру на бодминские вересковые пустоши и построю там себе неприступное «орлиное гнездо», а те, кому нужна помощь врача, пусть едут за ней верхом через болота.

– Да, доктор, – вздохнула Мона, которая уже слышала все это дюжину раз. – А между тем он вошел в библиотеку, не спросив у меня разрешения, и, насколько мне известны его повадки, сидит сейчас в вашем собственном кресле, с которого я утром как раз сняла чехол, не ожидая никаких посетителей.

– Ну и мерзавец! – воскликнул доктор, добавив несколько эпитетов, не подходящих для ушей его экономки. – А кто же, позвольте спросить, этот невоспитанный незванный гость, который врывается в мои личные апартаменты, в то время как всем известно, что входить туда моим пациентам строго воспрещается?

– Это мистер Льюворт, сэр, из «Розы и якоря».

– Льюворт?!

Гнев сменился изумлением, а взрыв ноябрьской петарды – удивленным свистом.

– И что же это, интересно, ему от меня надо? Он даже не входит в число моих пациентов.

– Не знаю, доктор. Он спросил вас и прошел прямо мимо меня, вот и всё. Но я не могла не заметить, что он как-то странно выглядит.

– Хм...

Карфэкс не очень-то жаловал хозяина «Розы и якоря», который купил свое положение за деньги и был задирой и хвастуном. Если бы не тот факт, что у Льюворна был отменный винный погреб и что ему посчастливилось жениться на самой красивой женщине в Трое, доктор вряд ли обменивался бы с ним даже обычными любезностями. Правда, винный погреб достался ему от предшественника, точнее – был продан вместе с заведением, а Линнет Константайн он получил в результате сделки с ее обнищавшим отцом. Льюворт проявил смекалку, купив и то и другое, и тем не менее было что-то неприятное в человеке, который не мог отличить одну марку вина от другой и обладал женой, у которой еще не сошел со щек девичий румянец.

– Значит, он не сказал, по какому делу явился, – задумчиво выговорил доктор, поворачиваясь спиной к мусорной куче и гавани и направляясь по садовой дорожке к дому: любо-

⁴⁰ В Ночь Гая Фокса празднуют раскрытие Порохового заговора (1605) – предпринятой католиками попытки убить короля Якова I, взорвав здание парламента. В эту ночь устраивают фейерверки и жгут на кострах чучела Гая Фокса (руководителя заговора).

пытство внезапно перевесило стремление к философии и одиночеству. – Ну что ж, сейчас мы это узнаем, – заметил он скорее себе, нежели Моне.

Однако добрая женщина, семенившая рядом с ним, сочла это приглашением к разговору и, будучи наделена некоторой долей проницательности, как и подобает экономке врача, не упустила шанс предположить, что миссис Льюорн наконец-то в интересном положении.

Это «наконец-то», подумал доктор, было намеком, показывающим, что сплетники в Трое уже заинтересовались тем, что природа не торопится устроить так, чтобы под крышей «Розы и якоря» раздавался топот маленьких ножек; а если он верно судил об обитателях Троя, то скоро там станут шептаться и об открытом разрыве между мужем и женой. Доктор благоразумно воздержался от комментариев, ничего не ответив на слова своей экономки. Обогнув дом, он поднялся по садовой лестнице и вошел в библиотеку через эркер, намереваясь напугать посетителя и одновременно сделать так, чтобы ему прямо в лицо бил солнечный свет. Замысел доктора удался. Марк Льюорн неловко поднялся на ноги, не успев придать лицу надлежащее выражение. Мона была права, выглядел он действительно неважно. Можно даже сказать, представлял собою печальное зрелище: опущенные плечи, взгляд больной собаки, руки, неуклюже прижатые к бокам.

– Итак, Льюорн, чем могу служить? Насколько я понимаю, вы не больны, иначе бы удосужились узнать, что я принимаю с шести до семи.

Доктор Карфэкс был резок. Вряд ли стоило быть обходительным с человеком, который не блещет воспитанием.

Хозяин гостиницы зашаркал ногами.

– Простите, что побеспокоил вас, доктор, – сказал он, – но это личное дело, не имеющее никакого отношения к моему здоровью... вернее, прямого отношения: при таких огорчениях и потере сна я не удивлюсь, если уже немного похудел.

– Вам не вредно и похудеть, – отрезал доктор. – Мужчины в вашем возрасте чаще умирают от избыточного веса, нежели по какой-то другой причине. Переходите к делу. В чем оно состоит?

Марк Льюорн сначала посмотрел на потолок, потом – на пол и наконец перевел полный отчаяния взгляд на своего собеседника.

– Моя жена, – ответил он, – она разбивает мне сердце.

Доктор Карфэкс перешел от эркера к камину и, стоя спиной к каминной решетке, за которой не горел огонь, начал рыться в карманах в поисках трубки и спичек. Это давало ему возможность собраться с мыслями, а незваному гостю – обрести равновесие.

– Много лет тому назад, – сказал он наконец между затяжками (поскольку трубка медленно раскуривалась), – я, будучи студентом, написал работу о природе и функции сердца. И могу вас заверить (а мое мнение подтверждено величайшими авторитетами в области медицины): данный орган сконструирован таким образом, что можно смело отвергнуть вероятность того, будто он способен разбиться. Или если вы игрок, то такая возможность составляет миллион против одного.

Это утверждение ни в коей мере не успокоило хозяина гостиницы.

– Может, и так, доктор, – упорствовал он. – Но я же говорю не о медицинской стороне дела. Я имею в виду свое душевное состояние. Я просто дошел до крайности!

Доктор Карфэкс вздохнул. Размышления в саду с подзорной трубой откладывались на неопределенное время. Он привык к исповедам, а эта, судя по всему, обещала затянуться до бесконечности.

– В таком случае садитесь, – доктор придвинул гостю кресло, – и, если вам хочется закутить, прошу вас, не стесняйтесь.

Мистер Льюорн покачал головой. Опустившись в предложенное кресло, он с серьезным видом заглянул доктору в глаза.

– Она к вам прислушается, – заявил он, – вот что я себе сказал. Она так считается с вашим мнением! И одно ваше слово все бы исправило. Она никогда не посмеет не считаться с вами. – Он стукнул себя по колену, как бы подчеркивая свои слова, а его собеседник продолжал с невозмутимым видом курить трубку.

– Вы жалуетесь на поведение своей жены, – спросил доктор, – или на то, что она проходит какой-то курс лечения, который может оказаться пагубным для ее здоровья?

Прошло минуты две, прежде чем хозяин гостиницы уловил смысл этого вопроса.

– С ее здоровьем все в порядке, – ответил он, нахмурившись. – Она никогда еще не выглядела так хорошо. Дело в том, что она обращается со своим мужем так, что это противно природе.

– А! – Известный в Трое врач не в первый раз выслушивал подобные жалобы от разгневанных или разочарованных мужей, и найти решение было не всегда легко, тут требовались деликатность и такт. – Насколько я понимаю, она выпроваживает вас как раз в тот момент, когда вам особенно хочется засвидетельствовать ей свое почтение?

– Выпроваживает? – повторил хозяин гостиницы. – Говорю вам, доктор, она вообще не желает меня видеть. Она никогда не разговаривает со мной вежливо. А разве я не дал ей все самое лучшее: хороший дом, наряды, украшения – все, о чем она ни попросит? Да ни с одной женщиной в Трое так не носятся! И все, что я получаю за это, – холодные взгляды и колкости. Да еще и не наедине, а на людях. Скоро я стану посмешищем для всех моих клиентов и не смогу показаться в своем собственном баре.

Этот человек был так расстроен, что на глазах у него выступили слезы, у него не хватило сил их сдержать. Раздумывая над его словами, доктор снова переместился к эркеру, откуда ему был виден паром, перевозивший пассажиров на другой берег. Несомненно, Линнет Льюорн была виновата. Она не имела никакого права так обращаться со своим мужем ни наедине, ни прилюдно. Она дала клятву у алтаря и должна смириться. Что касается ее мужа, то этому дураку не следовало жениться на девушке, которая годится ему во внучки.

– А теперь послушайте меня, Льюорн, – начал доктор. – Я никогда еще не выступал в роли посредника и не собираюсь делать это сейчас. Уясните себе это сразу же. То, что происходит у вас с женой, – это ваше, а не мое дело. Да, я помог ей появиться на свет и лечил от разных детских болезней, но это не делает меня отцом исповедником. Если вы хотите, чтобы я указал на причину ваших неприятностей, я могу это сделать, но вы вряд ли будете мне за это благодарны. И вот в чем она заключается: вы старше жены более чем на сорок лет.

Доктор вынес свой вердикт и снова начал раскуривать трубку, которая погасла. Хозяин гостиницы продолжал смотреть на него с умоляющим видом.

– Я говорил это себе сотни раз, – наконец произнес он, – но ведь она была шелковая, когда мы только поженились. Я считал себя самым счастливым мужчиной на свете. Нет, я скажу вам, доктор, в чем дело. – Льюорн подался вперед и понизил голос. – У нее есть кто-то другой, и если бы я знал, кто это, то свернул бы ему шею.

«Вот, значит, что, – подумал Карфэкс. – Так-так... Ну что же, это лишь подтверждает мой диагноз».

– И чего же вы от меня хотите? – произнес он. – Добиться признания от вашей жены и потом выдать ее вам?

– Нет, доктор, – возразил хозяин гостиницы, – для этого у меня есть другие. Я хочу, чтобы вы ее как следует напугали и она бы осознала свою ошибку, пока еще не поздно.

– Вот те на!

От возмущения Карфэкс поднялся со своего кресла. Ну и нахал! Врывается в его дом – причем Льюорн даже не входит в число его пациентов – и требует, чтобы он, Карфэкс, сделался проповедником и стал наставлять на путь истинный молодую женщину, которой он, по правде говоря, очень сочувствует. Нет, это уж слишком!

– Извините, Льюворт, – резко заявил он, – но это не мое дело. Ваша жена достаточно взрослая, чтобы знать, что делает, и, если ведет себя не так, как надо, вы должны разбираться с этим сами. До свидания. – Он проследовал к дверям и демонстративно их распахнул.

Хозяин «Розы и якоря» наблюдал за ним с унылым видом.

– Но что же мне делать, доктор? – воскликнул он. – Она клянется в одном, а делает другое. Она гуляла при луне с каким-то парнем – мой бармен говорит, что видел ее прошлой ночью, когда я был на масонском обеде. А когда я сегодня утром обвинил ее в этом, она презрительно рассмеялась.

Карфэкс нахмурил брови. Муж, который прислушивается к сплетням, получил по заслугам. Так вот, значит, где вывихнул ногу Нед Варкоу: шпионил за женой своего хозяина. Льюворт, который не мог больше игнорировать распахнутую дверь, неохотно встал.

– Ну что ж, доктор, – сказал он, – если вы не хотите с ней побеседовать, я не могу вас заставить. Но хоть она и языкастая, над вами ей бы не взять верх, как надо мной. «О да, – говорит она мне, – конечно, я лежала в объятиях другого мужчины. Я упала с воза с сеном у мистера Бозанко и, если бы меня не поймал его работник, сломала бы себе ребра. Так как же я могу поклясться, что никто, кроме вас, до меня не дотрагивался?» И с этими словами она со смехом закрывает дверь перед моим носом. Что бы вы на это ответили, доктор?

– До свидания, Льюворт, – мрачно повторил Карфэкс.

Хозяин гостиницы замешкался, протянул было доктору руку, но тут же отдернул ее и, пройдя через холл, вышел из дома. Доктор, произнеся с отвращением: «Тьфу!» – распахнул окно, чтобы проветрить библиотеку. Он вернулся к хижине, но за то время, что он отсутствовал, небо затянули тучи, да и после вторжения незваного гостя он уже не мог предаваться приятным размышлениям. «О, черт возьми, – пробормотал он раздраженно, смахнув с подозрительной трубы паука, которого в любое другое время принял бы с интересом изучать. – Пусть Линнет Льюворт сама занимается своими делами». И тем не менее прощальные слова хозяина гостиницы вызвали у него в памяти тот эпизод, когда Линнет в роли королевы урожая внезапно упала с воза и могла бы серьезно пострадать, если бы не находчивость бретонского парня, стоявшего рядом.

«Случайность ли, подстроенный ли несчастный случай, но это было ловко сработано», – подумал доктор и вдруг замер на месте, пораженный одной мыслью. Разве он не описывал год назад точно такой же случай бедному Ледрю? Разве много веков тому назад одна королева не покрывала свою вину именно таким образом?

– Будь я... – Доктор, резко оборвав готовое вырваться проклятие, повернулся на каблуках и поспешил к дому.

Только когда он подошел к книжным полкам, то вспомнил, что все томики, где излагается подобный случай, который, конечно же, не был связан ни с каким возом сена, он сам же на несколько месяцев отдал мистеру Трежантилю из Пенквайта.

Доктору стало ясно, что именно произошло. Трежантиль, который, подобно другим его пациентам, подбирал тонизирующее средство по своему вкусу, превысил прописанную ему дозу исследований местных карт и документов, касающихся старинных маноров: он начал внимательно читать легенды о Тристане и, что еще более неэтично, наверное, с жаром пересказывал их своему наивному ученику. Одно дело – «Робинзон Крузо», и совсем другое – поэмы двенадцатого века. Пожалуй, нужно проучить Трежантиля и посадить его на рыбную диету, да еще заставить пить молоко с содой вместо вина. Во всяком случае, эти уроки английского надо пресечь в корне, чтобы переводы глубокомысленно не обсуждались учителем и учеником в присутствии романтично настроенной хозяйки «Розы и якоря». Шагая в гору к конюшне, доктор Карфэкс размышлял о том, кто будет сильнее огорчен этим неожиданным выездом в три часа дня, да еще после напряженного утра, – он или Кассандра.

Глава 18

Любовный дуэт

*Там погребенная любовь живет
И память о любовниках бывших.*

У. Шекспир. Сонет 31

- Скажи мне, скажи, когда ты впервые...
- Впервые?..
- Когда ты впервые почувствовал... ну, в самый первый раз...

Амиот, а именно ему был задан этот неизбежный вопрос, старый как сама любовь или моложе ее на несколько минут, растянулся на земле, подмяв папоротник, и, прикрыв глаза, следил за жаворонком, который пел, выписывая спирали в сияющей вышине, и вдруг резко ринулся вниз.

– Первого раза не было... Ах нет, был! Правда, это был всего лишь трепет, когда ты дотронулась до меня – в тот день, когда я мыл спину губкой.

– Да, да. – Склонившаяся над ним Линнет кивнула.

Она задержала его руку, которой он водил по своему лбу, и притянула ее к себе, но он отнял руку.

– Дай-ка мне подумать... А еще... когда месье Ледрю указал вниз с вершины горы, что-то как будто разбилось вот здесь. – Он снова дотронулся до лба. – Это было... как бы тебе сказать... Как будто кто-то разбил флакон с духами... Но это был запах чабреца, по которому ступали наши ноги, а еще была музыка, и я почувствовал прикосновение на своем лице и волосах, словно чьи-то пальцы играли какую-то мелодию. И тогда у меня с губ сорвалось то слово...

- Какое слово?
- Название. Я никогда не слышал его прежде.
- Что за название?
- Название места – вот этих лесов, что над нами. Лантиэн.

Линнет немного помолчала. «Это было чудо», – думала она. Затем вслух произнесла:

– Но у меня было еще удивительнее. Перед тем как я тебя увидела, примерно за минуту до того, я услышала, как произнесли имя. И это было твое имя – Амиот. Оно влетело в старое окно, которое я как раз открыла. Нет, теперь, когда я об этом думаю, – оно не влетело, а скорее зазвучало, как те аккорды, которые ты извлекал из своей скрипки, касаясь струн. И сердце мое тоже зазвучало от этого, сильно забилося, и раньше, чем ты, да, раньше, чем ты, я пробудилась и ожила. Да, еще до того, как мои пальцы дотронулись до тебя, когда в руке твоей была губка, – даже раньше, чем я тебя увидела. Но расскажи мне, что произошло дальше.

– В ту минуту, как это слово слетело с моих уст, я увидел экипаж, мчавшийся по дороге. И я побежал и начал кричать. У меня вырвался такой вопль! Я даже не узнал собственного голоса.

– Да! Это оттого, что в ту минуту ты родился заново: превратился из мальчика в мужчину. Совсем неожиданно – да? – ты вдруг смог подчинить себе лошадей.

– Я никогда не узнаю, как это произошло. Видишь ли, я родился на крошечном острове, где не было ни одной лошади – только несколько несчастных осликов, которые таскали наши повозки с рыбой.

– Однако в то мгновение ты почувствовал, что ты – повелитель лошадей!

– Я не знал этого – просто закричал. Но с тех пор меня действительно слушаются лошади – меня, который ни разу не сидел в седле! Даже теперь я не уверен, что смог бы ездить верхом.

Но я могу им приказывать, мне стоит лишь прошептать. Мистер Бозанко может подтвердить это. Для меня это загадка.

Они немного помолчали, потом Линнет снова обратилась к своему возлюбленному:

– Слушай же. Положи голову мне на грудь и слушай, теперь моя очередь рассказывать. Когда экипаж бешено раскачивался, а обезумевшие лошади неслись по дороге, я приготовилась к смерти. Вцепилась в поручни и прощалась со всем миром. Я услышала твой крик, увидела фигуру твою черную на сверкающей дороге. Говорят, что в последнее мгновение перед утопающим мелькают воспоминания. Амиот, взгляни на меня и ответь. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что ты и я жили прежде – быть может, много раз, чтобы снова родиться, целоваться, вдохнуть в другого свою душу через уста, чтобы обладать друг другом и умереть? Подумай, любовь моя, и помоги мне, если можешь.

– Я не могу думать, Линнет, когда моя голова лежит у тебя на груди. Я только изумляюсь и мечтаю.

– Помечтай еще немного. Потому что мне нужно многое тебе рассказать. Ты помнишь, как потом лежал на дороге, а я склонилась над тобой и пыталась тебя разбудить, а кровь из моего пореза над бровью капала на тебя, так что даже дождь не успевал ее смывать, и над нами стояла туча, как натянутое полотно, и я склонялась над тобой, трогала тебя, взяла твою голову в руки? Но на самом деле – да, я это видела – я сидела где-то наверху, высоко, как на верхнем ярусе в театре; а ты, обнаженный, с голой грудью и бедрами, лежал в тени от занавеса. Лежал, вытянувшись на песке, на окровавленном песке. Потом все закончилось, и мы снова оказались в Замке Дор, и доктор Карфэкс подошел, чтобы помочь тебе. Но в ту ночь ты приснился мне, и я внезапно проснулась, словно в лихорадке. Мне снилось, что я иду к тебе по горящему мосту и путь мне преграждают. Я никак не могла до тебя дойти. Кажется, я кричала от муки, а потом вдруг проснулась, и рядом со мной лежал старик, и ноги его обжигали, как горящий мост.

Она склонилась над Амиотом, коснувшись его губ, и он притянул ее к себе, удивленно глядя в ее опечаленные глаза, пораженный тем, что она страдает из-за него в своих снах.

– У меня было не так, – сказал он. – С того самого дня я спал как убитый. Но когда просыпался, ты всегда была со мной – не важно, где я и что делаю, есть только ты, и ты мне улыбаешься, как тогда, когда нас разделял костер. Ты помнишь, мы пили из одного бокала, и я сломал свою скрипку о колено, зная, что отныне наделен небывалой силой и что она каким-то загадочным образом пришла ко мне от тебя. Ни у одного мужчины, ни у одной женщины, ни у одного зверя нет надо мной власти – я почувствовал это, когда ударил Фугеро. Словно в меня вселилась какая-то волшебная сила и благодаря ей мы ожили, ты и я. Без нее мы были бы просто обычными смертными, слепыми, глухими, немymi. Поцелуй меня еще раз, Линнет.

– Уверю вас, что ни в малейшей степени не отклонился от ваших инструкций, – произнес голос мистера Трежантиля, приближавшегося с той стороны бухты, где находился Пенквйт. Голос этот звучал пронзительно, а тон был сварливый. – Я строго придерживался «Робинзона Крузо», и мне бы никогда не пришло в голову читать ваши записи этому молодому человеку или те тома, которые вы мне одолжили, а тем более обсуждать их содержание. Кроме того, у него не хватило бы ума их понять. – Трежантиль явно обращался к доктору Карфэксу. – Что касается той молодой женщины, которую вы упомянули, то я с ней и двух слов не сказал. В любом случае ваше предписание более не актуально, так как, насколько мне известно, Амиот был уволен Бозанко и отплыл из Троя в это самое утро. Но я не могу понять, почему это должно послужить причиной того, что вы посадили меня на вареную рыбу и молоко с содой. Все это сильно действует на нервы, и это как раз в тот момент, когда грачи и галки собираются в стаи. Я рассчитывал на этого юношу, полагая, что он мог бы заняться наблюдением за тем, как они добывают себе корм. Осторожно, здесь дорога внезапно идет под уклон. Ах! Миссис Льюорн!

Амиот исчез, нырнув в подлесок. Линнет сидела на пригорке посреди просеки – бледная, сосредоточенная, с вызывающим видом обхватив руками колени.

Глава 19

Столкновение в Пенквайте

«Если бы я не знал, что Трежантиль и по своему характеру, и по складу ума не способен к тайной любовной связи, – подумал доктор Карфэкс, – я бы решил, что застукал его на месте преступления». Ибо владелец Пенквайта залился румянцем, удивительным для человека, долгие годы страдавшего от больной печени, а красивая молодая хозяйка «Розы и якоря» находилась довольно далеко от Троя, куда ее должны бы призывать прямые обязанности, так что можно было предположить, что она пришла в это отдаленное место с определенной целью. Короче говоря, человек, наделенный хотя бы крупницей проницательности, подумал бы, что это заранее назначенное любовное свидание.

Доктор Карфэкс проехал в двуколке, в которую была впряжена исполненная негодования Кассандра, трусившая мерной рысцой, две с половиной мили, отделявшие его от Пенквайта. Там он узнал, что Трежантиль отправился на прогулку и в последний раз его видели, когда он спускался с холма, направляясь в Вудгейт-Пилл. Доктор оставил лошадь и двуколку на попечение Дингля, кучера, и отправился пешком на поиски своего пациента, которого в конце концов обнаружил в нижней части поля, расположенного на холме, – Трежантиль собирался спуститься к бухте.

Мистер Трежантиль, полагавший, что его гость прибыл, чтобы приятно провести время, наблюдая за птицами, а затем выпить чашечку чая, был обескуражен, когда сделался объектом нападок. Негодуя, пациент начал доказывать свою невиновность, и как раз в этот момент они наткнулись на ту самую злосчастную женщину, имя которой было на устах у обоих. Уже само по себе плохо было то, что его обвинили, будто он показал личные записи и бумаги доктора парню из Бретани, но когда за этим обвинением последовало предположение, будто он обсуждал с женой хозяина гостиницы достойную порицания любовную связь давно усопших Тристана и Изольды, это ущемило чувство собственного достоинства мистера Трежантиля. Неудивительно, что он покраснел и под взглядом доктора начал выпутываться из затруднительного положения:

– Какой приятный сюрприз! Так редко встречаешь кого-то в Вудгейт-Пилле – все так заросло, столько крапивы и папоротника. Но в этом году такое изобилие ежевики – я вижу, вы захватили с собой корзинку, несомненно, вы намереваетесь наполнить ее прямо сейчас. Ну-ну, кто бы мог подумать! Я только что говорил доктору Карфэксу... – Мистер Трежантиль оставил фразу незаконченной из опасения, что это даст лишний повод наговорить в его адрес еще больше обвинений. И он изобразил бурную деятельность, хлеща своей палкой по зарослям. Это позволило ему повернуться спиной к Карфэксу и молодой женщине, скрывая таким образом свое смущение и одновременно пытаясь уменьшить запустение, царившее здесь веками.

Линнет Льюорн перевела презрительный взгляд с пациента доктора Карфэкса, с такой яростью набросившегося вдруг на ни в чем не повинный папоротник, на высокую фигуру самого доктора Карфэкса. Его насмешливый взгляд напомнил ей те времена, когда она в детстве пыталась скрыть от него сыпь, настаивая, будто эта сыпь оттого, что она ела клубнику, хотя они оба прекрасно понимали, что у нее корь.

– Чудесное утро для размышлений, – заметил доктор, окидывая взглядом пейзаж, – и ничто не дает мужчине или женщине такого чувства соразмерности, как бухта во время отлива: тогда обнажаются все тайные уродства, которые мы считали забытыми и мертвыми. Однако я не вижу ни лодки, ни лошади, следовательно вы пришли пешком. Вы любите ходить?

Линнет истолковала его интонацию следующим образом: если это еще не война, то скоро до того дойдет. Доктор Карфэкс что-то подозревает – но что именно?

– Вообще-то, люблю, – ответила она холодно. – Я зашла к людям, которые живут там, где я родилась, – в кузнице у Замка Дор, а потом решила прийти сюда. Как вы сказали, сегодня чудесное утро для размышлений.

– Но кажется, пойдет дождь, – возразил ее противник, – еще до наступления сумерек. Поэтому вам бы лучше дойти с нами до Пенквайта, и я, с вашего разрешения, подвез бы вас в своей двуколке.

Линнет колебалась, украдкой бросая взгляды на полуразрушенное строение, и доктор, от зорких глаз которого не ускользало ничто, недоумевал: отчего это уединенное жилище, хоть и очаровательное в своем романтическом обрамлении, она предпочитает его обществу в двуколке. Быть может, он все-таки прав и она пришла сюда на свидание с кем-то – Трежантиль, конечно, не в счет.

Должно быть, Линнет угадала его мысли, так как медленно поднялась на ноги, взяла свою корзинку и отряхнула с платья приставшие к нему листья.

– Благодарю вас, – произнесла она небрежно, а затем, неожиданно повысив голос, вероятно, чтобы привлечь внимание мистера Трежантиля, все еще сражавшегося с зарослями, добавила: – Наверно, будет разумным принять ваше предложение и отправиться с вами домой, в Трой. А ежевики я смогу собирать и завтра, если будет хорошая погода.

Очевидно, ее слова были услышаны, ибо мистер Трежантиль, в замешательстве глядя на доктора, появился из зарослей, весь в колючках. Он указал на изгородь, за которой простирались его владения.

– Осторожно, – произнес он нервно, – здесь крутовато. Прошу вас, возьмите меня под руку.

Но Линнет уже была далеко, и мистер Трежантиль не успел ей помочь. Она поднялась по склону холма и была уже в поле, поджидая обоих мужчин. Игнорируя доктора, она одарила его пациента ослепительной, манящей улыбкой.

– Как удалены вы здесь от всех испытаний и суеты мира! – воскликнула она, тепло взглянув на мистера Трежантиля. – Неудивительно, что вы редко отсюда выезжаете. А вам не бывает одиноко?

Такое тепло, подумал доктор, растопило бы сердце самого непоколебимого женоненавистника. Однако какого черта она тратит свое обаяние на Трежантиля? Наверняка что-то замышляет.

– Одиноко?! Боже мой, нет – то есть бывает, но крайне редко. У меня так много увлечений, – взволнованно произнес пациент Карфэкса, не зная, идти ли ему вперед или оставаться рядом с неожиданной гостьей, – он не привык общаться с лицами противоположного пола, за исключением миссис Бозанко. – Я наблюдаю за птицами, коллекционирую бабочек и переплетаю книги, а теперь еще разбираю бумаги доктора Карфэкса. Другими словами, я очень занят с утра до ночи.

Мистер Трежантиль с тревогой взглянул на доктора, осознав, что от волнения коснулся запретной темы: ведь именно из-за этих бумаг его врач обрушил на него свой гнев каких-нибудь десять минут назад. Карфэкс ничего не сказал, и выражение его лица было непроницаемым. А вот миссис Льюворт, напротив, сразу пустилась по следу, как гончая за зайцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.